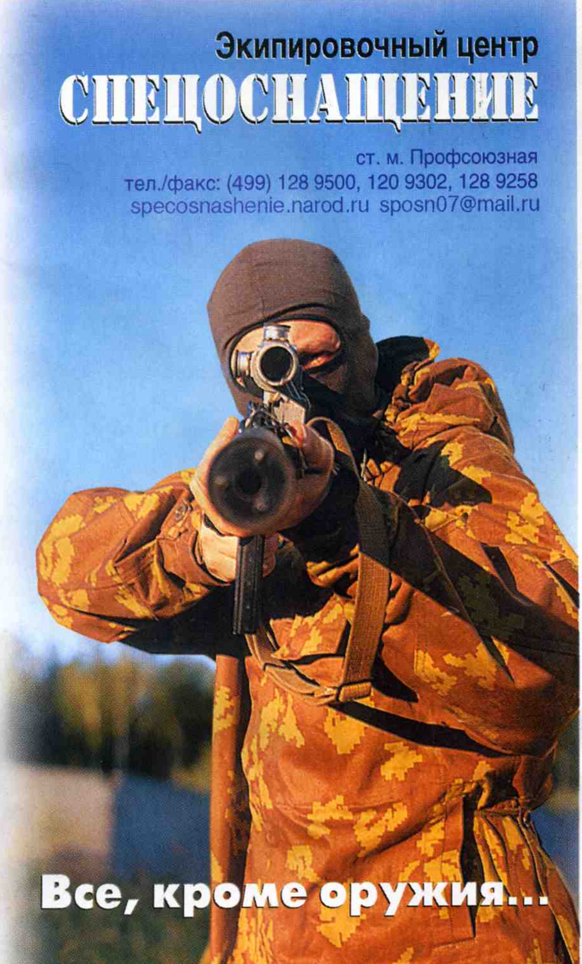
Издание для сильных и жестких мужчин

СПЕЦОСНАЩЕНИЕ

Экипировочный центр
СПЕЦОСНАЩЕНИЕ
ст. м. Профсоюзная
тел./факс: (499) 128 9500, 120 9302, 128 9258
specosnashenie.narod.ru sposn07@mail.ru
Все, кроме оружия...

ОДЕЖДА И СНАРЯЖЕНИЕ
+7495 947 3038
WWW.VOENTORG.RU
КОМПАНИЯ
ВТОРОЙ ФРОНТ
ЛУЧШЕЕ
ДЛЯ ВАС
МАГАЗИНЫ
МОСКВА
ТВК СПОРТ ХИТ. Сколковское шоссе 31/1,
4 этаж, пав. 7, тел.: +7 495 933-8663 доб 4020
ТЦ ЭКСТРИМ. Ул. Смольная 63Б,
2 этаж, пав Е14, тел.: +7 903 128-7714
МАГАЗИН ВТОРОЙ ФРОНТ. Ул. Новогиреевская,
29, корп. 1, тел.: +7 499 785-1314
СОЧИ
Ул. Горького 89/4, тел.: +7 8622 645804
МАГАЗИНЫ

FORCE'AGE
КАМУФЛЯЖ И СНАРЯЖЕНИЕ
МАГАЗИН
КАМУФЛЯЖ
И СНАРЯЖЕНИЕ
A LA GUERRE COMME A LA GUERRE!
www.kamo-uniforma.ru

Михаил ЕФИМОВ

Уроки информационной войны

С рокового августовского дня, когда грузинские «Грады» открыли огонь по мирному городу Цхинвалу, прошло четыре месяца. И все эти месяцы всплывают и всплывают новые, порой самые невероятные факты этой войны – примеры кровавой расправы грузинских военных над мирными жителями, «горячая помощь» Киева своим кавказским друзьям, когда дивизионы украинской армии снимались прямо с боевого дежурства и перебрасывались в Тбилиси и далее на позиции. Но сегодня хотелось бы поговорить о другом.

Ни для кого не секрет, что современные боевые действия сопровождаются мощной информационной подготовкой. Эту подготовку и сопровождение журналисты нередко называют информационной войной. И, думаю, тут нет перебора. Действительно, по силе своего воздействия информационные «бомбы» вполне тянут на этот жуткий термин. Более того, от одного локального конфликта к другому «информационное оружие» становится все мощнее и мощнее, а интенсивность его применения неуклонно растет. В дело идет все – подтасовки, умолчание, запугивание, давление, откровенная, шокирующая ложь.

Уверен: такой шок испытало подавляющее большинство россиян, когда увидело комментарий CNN. Грузинские установки залпового огня «Град» утюжили югоосетинский мирный город, уничтожая все живое, а известная во всем мире телекомпания утверждала, что это русские наносят удары по бедной, маленькой, свободолюбивой Грузии.

О какой объективности может идти речь после такого сюжета? Будь это единичный случай, можно было бы списать на некую ошибку, неточность, или, как однажды прозвучало в наших СМИ, мол, попалась CNN «на удочку Саакашвили». Но, увы, случаев подобных этому не счесть.

Вот еще один. На сей раз американский кабельный канал «Фокс ньюс». И такой прокол в прямом эфире! Аманда Кокоева, которая сейчас вместе с родителями живет в США, оказалась в Цхинвале, когда начался грузинский обстрел. И вот уже девочку Аманду пытаются использовать в своих циничных целях. Оказывается, бедная Аманда бежала из Грузии от российских танков. Но не тут-то было – девочка заявила, что бежала от грузинских «Градов», а ее тетя вдобавок обозвала Саакашвили агрессором. Ах, какая досада и разочарование читались на лице ведущего. И сразу же «подоспела» рекламная пауза, а потом «скукожилось» и время интервью.

Но и этого оказалось мало. Когда видеозапись интервью появилась на сайте в Интернете, количество посещений резко увеличилось и достигло почти 350 тысяч. «Но потом, – как сообщила газета «Известия», – оно неожиданно снизилось до 81 тысячи, а вечером в воскресенье составило уже... более 800.000 человек. Есть подозрение, что компания Google, которой принадлежит этот видеохолдинг, сначала сознательно «подкрутила» счетчик в сторону уменьшения, а потом, видя живейший интерес публики, все вернула на круги своя».

А чего стоил «сбой» трансляции во время пресс-конференции госсекретаря США Кондолизы Райс на канадском телевидении? Журналист начал свой вопрос с того, что в России многие могли бы сказать, что американские действия после 11 сентября были весьма неадекватными. Русские пытаются защитить своих граждан, своих миротворцев... Но завершить вопрос он так и не успел. Случился технический сбой. Телезрители не услышали ни окончания вопроса журналиста, ни – самое главное – ответа Кондолизы Райс. Что тут сказать, сбои, конечно, случаются, но какой своевременный и ценный сбой!

Впрочем, все эти факты достаточно известны, однако вернулся я к ним через несколько месяцев неспроста. О подобном нельзя забывать, ибо, сдается мне, это не последняя попытка «наших друзей» проверить нас на прочность и выставить перед всем миром как агрессоров. А как поступают с агрессорами? Догадываетесь.

Однако дело не только в этом. Пора перестать быть наивными и верить в некую объективность и свободу зарубежных СМИ.

И все-таки... Постоянно задумываюсь над уроками этой информационной войны. Сколько вылилось цинизма, лжи, ненависти... И эти люди нас учили демократии...

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 12.11.08

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

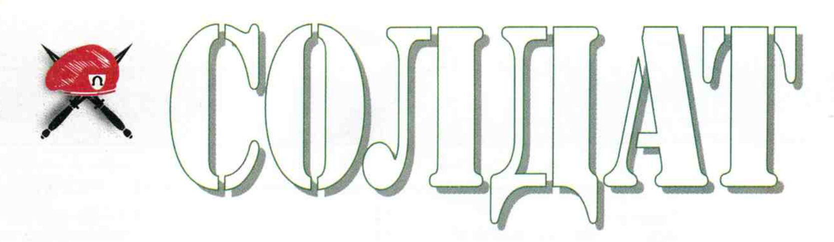
Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 2692
Тираж – 21.500

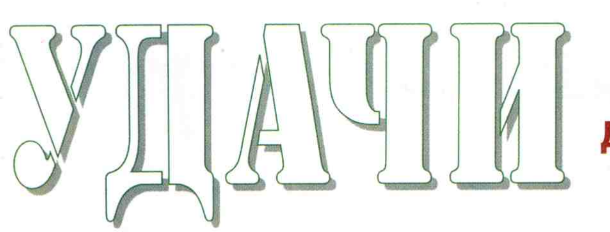
Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

№ 12 (171)
декабрь 2008

Фото Алексея Гордеева

В номере использованы фотографии Сергея Сидорова, Сергея Исакова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

ЦЕНА ИНИЦИАТИВЫ

Сергей ИСАКОВ

(Окончание. Начало в № 11)

В практике походных движений для Румянцева типичным является его марш-маневр в 1770 г. от Хотина долиной реки Прут. Здесь он ведет свою армию в семи отдельных колоннах, причем распределение войск и интервалы между колоннами таковы, что позволяют отдельным частям поддерживать друг друга и быстро собраться для генерального сражения с турецкой армией. Такое движение разъединенными группами, сосредотачиваемыми только к полю сражения, выдвигало особые требования к проявлению частными начальниками самостоятельности и личной инициативы. Уяснить общее положение дела, уловить удобную минуту для действия, принять на собственный страх решение – вот что требовал от своих генералов Румянцев. Впоследствии, через сто лет после Румянцева, прусский генеральный штаб «откроет» для мировой военной теории «двигаться порознь, драться вместе», а Мольтке (старший) назовет бытовавшую практику сосредоточенного движения армий «гнусной крайностью сосредоточения». На это немцев вынудят резкое увеличение численности используемых в то время войск и возросшее количество обозов. Румянцев же дошел до этого силой своего ума, основываясь только на практической рациональности.

Об Александре Васильевиче Суворове написано много. Но как ни странно, несмотря на все одержанные им удивительные победы, успехи Суворова будут приписывать в основном необычайному везению этого полководца. Суворовские способы ведения войны были не понятны и даже казались «дикими» не только большинству его современников, а даже подавляющему числу более поздних военных теоретиков.

«Он не имеет понятия о военном деле, ему драться только с медведями», «...займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он бросается либо с тылу, либо во фланг», – писали о Суворове его противники. Да и как понять полководца, который никогда не учитывает соотношения сил и который признает только атакующие действия и внезапное нападение. «Удивить – победить», «быстрота и

внезапность заменяют число» – было его правилом. До конца XIX века все столкновения до генерального сражения носили в основном разведывательный и кратковременный характер. Понятия организованного встречного боя в европейской военной теории того времени практически не существовало. Завязке боя обычно предшествовало сосредоточение войск из походных колонн в боевой порядок. При недальнобойности гладкоствольных пушек враждебные армии могли беспрепятственно массировать свои силы в небольшом удалении друг от друга, готовясь к генеральному сражению.

Суворов же все свои бои, которые носили ярко выраженный характер встречного боя, начинал головными частями, не ожидая подхода остальных войск. «Голова хвоста не ждет» и «атакуй, с чем Бог послал» являлись его девизом.

Вплоть до XX века ночью было не принято воевать, потому как непредсказуемо и очень сложно управлять войсками. Суворов воюет. И как воюет!

Так, в 1771 г., получив приказ главнокомандующего русскими войсками в Польше не выходить в поход до особого распоряжения и только наблюдать за противником, Суворов отвечает кратким донесением: «Пушка выстрелила, и Суворов пошел в поход». Пройдя за четыре дня более 200 верст и имея всего 822 человека (все данные из книги А.Г. Елчанинова «А.В. Суворов»), он ночью внезапно атакует и уничтожает четырехтысячный отряд польских конфедератов. Несмотря на победу, главнокомандующий Веймарн послал в военную коллегию донос на самовольство Суворова. Но Суворова не предали суду, как требовал Веймарн, а наградили орденом Святого Александра Невского.

На войне с турками, в сентябре 1789 г., Суворов ведет семитысячное русское войско на помощь австрийским войскам принца Кобурга. Совершив двухсуточный марш под дождем, по отвратительным дорогам и соединившись с австрийцами, Суворов решает немедленно атаковать турецкое войско, успевшее к тому времени соорудить укрепленный лагерь у реки Рымник. У союзников – 25 тысяч, у великого визиря Юсуф-паши – 90 тысяч. Принц не соглашается, говорит, что несоразмерность сил слишком велика, русские войска очень изнурены, позиция турок слишком сильна. Суворов отвечает, что именно поэтому и нужно нападать первыми и этим навязывать противнику свою волю: «...впрочем, делайте что хотите, а я один с моими русскими войсками намерен атаковать турок и тоже один надеюсь разбить их». Наверное, трудно было принять немецким умом «сумасшедшие» замыслы русского полководца, но факт остается фактом: начав ночную атаку, союзные войска к вечеру по частям громят турецкую армию. Победа полная: более 15 тысяч турок лежали на поле боя, остальные рассеялись, потери победителей 600–800 человек.

При таких победах за Суворовым очень скоро закрепился имидж необычайного счастливчика. Так, австрийский император в одном из своих рескриптов к Суворову писал, что: «...при всегдашнем Вашем счастье есть надежда скоро достигнуть желаемого». «Помилуй бог, – говорил Суворов на подобные мнения, – один раз счастье, другой раз счастье, когда-нибудь да и уменье».

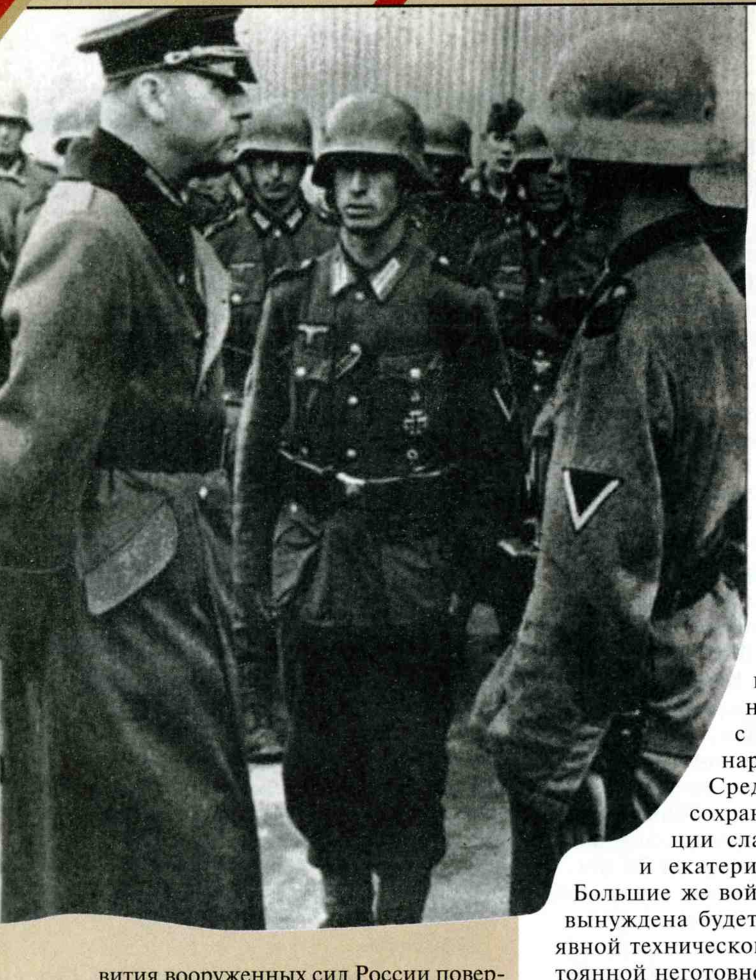
За свои 40 лет боевой жизни Суворов руководил 63 сражениями, где был в большинстве случаев значительно слабее своего противника, но, несмотря на это, он всегда наступал и не только никогда не был побежден, а наоборот, всегда добивался самой решительной победы.

Что касается нашей темы, то Александр Васильевич основывал все свои успехи на самостоятельности и решительности действий своих подчиненных. «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит; он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам». Стоит заметить, насколько данный взгляд схож с принципом постановки тактических задач в будущей германской армии. «Я вправо, должно влево – меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь – не иди вперед», – говорил Суворов своим подчиненным. Будучи уверенным, что частный почин основывается на ясном понимании каждым командиром своей цели, так как только тогда можно смело идти вперед, не оглядываясь постоянно назад на вышестоящего начальника, Суворов применял при обучении войск поистине революционные даже для нашего времени идеи. «Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтоб вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. ***Каждый воин должен знать свой маневр.*** Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан. Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайшие места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина». Трудно поверить, что этим словам двести с лишним лет. Суворова поставят в один ряд с Александром Македонским и Наполеоном, но о наполеоновских методах забудут уже через несколько десятилетий, а суворовским способам ведения войны нам еще учиться и учиться в XXI веке.

Если бы русская армия и в дальнейшем придерживалась заложенных Петром Великим принципов военного строительства, то вполне вероятно, что мировая история имела бы совершенно иной вид.

Но наступил **век девятнадцатый.**

Все было хорошо, пока на российском троне сидели императрицы, а военное дело было предоставлено профессионалам. Когда же власть перешла в мужские руки, путь раз-

вития вооруженных сил России повернул в совершенно другую сторону. И случилось это, на мой взгляд, из-за ошибок в воспитании будущих российских императоров. Детские игры в солдатиков не делали из царевичей полководцев, но любовь к парадной стороне военного дела они развивали в себе неимоверно.

В сентябре 1815 года на военном параде в Париже два монарха-победителя – русский император Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III решили выяснить, чья пехота быстрее выполняет перестроения. С обеих сторон выстроили по два батальона гвардии под личной командой монарших особ. Русский император был решительно «побит» прусским королем, обнаружившим выдающиеся способности парадера. Пруссаки успевали уже составить ружья в козлы к моменту, когда герои войны с Наполеоном только заканчивали перестроение. Александр был чрезвычайно уязвлен. По русской армии прошел приказ подтянуть полки, утерявшие за годы войны навыки показных парадов. Парадоксально, но то, от чего прусская армия с этого момента будет стремиться избавиться, в русской армии будет культивироваться и насаждаться. Забыв заветы времен Петра Великого «прежде всего армию учить только тому, что придется делать в бою», новые военные деятели вроде Аракчеева будут делать из русских солдат плац-парадных кукол, а политическая благонадежность офицеров будет расцениваться намного выше их боевой пригодности. Лишь на окраинах империи, далеко от петербуржских плацев, русские войска, ведущие непрерывные войны с воинственными народами Кавказа и Средней Азии, будут сохранять былые традиции славных петровских и екатерининских времен. Большие же войны русская армия вынуждена будет вести в условиях явной технической отсталости, постоянной неготовности и при бездарном руководстве. Все промахи официальная царская историография «прикроет» стойкостью и героизмом простого русского солдата: в Крымской войне – героической обороной Севастополя, в турецкую кампанию 1878 г. – героями Шипки, в Японскую войну 1905 г. – обороной Порт-Артура.

Век двадцатый.

При рассмотрении сочетания в армии таких качеств, как дисциплина и инициативность, наиболее интересным моментом отечественной истории является период Гражданской войны. Октябрьская революция, разделившая страну на два непримиримых лагеря – «белых» и «красных», самым значительным образом повлияла и на кадровый отбор в армиях этих двух противоборствующих сторон. И если у белых на руководящие посты выдвинулись лучшие из представителей офицерского корпуса царской России, то у красных командиров наличие классического военного образования не являлось определяющим условием к занятию командных должностей. Именно в этом и заключались явные преимущества – молодой революционной армии не нужно было оглядываться на старые традиции и общепринятые каноны ведения войны. Практическая целесообразность и получение желаемого результата – вот что стало определяющими факторами в способах ведения боевых действий Красной армией. Одним из ярчайших представителей революционных командиров стал Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925 гг.).

Свою первую значительную военную должность Фрунзе получил в феврале 1918 г., когда в возрасте 34 лет был назначен командующим 4-й армией – 17 тысяч человек на фронте в 350 км (все данные взяты из книги М.А. Гареева «М.В. Фрунзе – военный теоретик»). Через месяц он становится командующим войсками Южной группы Восточного фронта, включающей четыре армии. В условиях тяжелых оборонительных боев с наступающими частями Колчака в апреле 1919 г. Фрунзе организовывает три последовательные наступательные операции (Бугурусланская, Белебейская, Уфимская), в ходе которых белым наносится крупное поражение и их войска отбрасываются за Урал. Фрунзе не был кадровым военным и не получал никакого официального военного образования, он был профессиональный политик-нелегал. Как же ему удалось переиграть лучших колчаковских генералов? Все свои знания Фрунзе получил из книг по военной истории, самостоятельно перерабатывая боевой опыт предыдущих войн. На этих знаниях он и построил свой первый крупный военный успех. Вот его составляющие.

1. Упорную оборону необходимо сочетать с активными наступательными действиями:

а) несмотря на угрозу прорыва, Фрунзе добивается *сосредоточения значительных сил на решающем направлении.* В двухсоткилометровой полосе фронта сосредотачивается 49.000 человек и 152 орудия, на остальных 700 км фронта остается 22.500 человек и 70 орудий;

б) используя данные разведки и пользуясь благоприятным моментом, когда наступающие войска Колчака растянулись и еще не успели сгруппироваться для нанесения новых ударов, войска Фрунзе предпринимают *ряд активных действий с выходом на фланги и в тыл противника, используя разрывы в его боевых порядках* (стык 3-го и 6-го корпуса белых).

2. *Умелое определение направления главного удара и сосредоточение основных усилий на этом направлении.* Повторюсь, были осуществлены три последовательные и взаимосвязанные операции.

3. *Постоянное удержание инициативы в виде непрерывности и стремительности наступления:*

а) *поэтапное введение войсковых соединений в прорыв*, особенно высокомобильных в то время конных частей;

б) *создание усиленных передовых отрядов*, которые постоянно преследовали отступающего противника, не давая ему возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Самым эффективным способом противодействия контрударам противника Фрунзе считал *упреждающие активные действия и разгром его контрударных группировок по частям;*

в) при любых условиях стараться сохранять и пополнять резервы, отводя им роль закрепляющего успех операции фактора.

4. Проводить разработку и подготовку операции в кратчайшие сроки и в тайне от противника.

5. В ходе своей первой крупной операции Фрунзе применил прогрессивный для того времени метод управления войсками. *Стремясь быть ближе к наступающим войскам, из состава штаба фронта выделяли оперативную группу – полевой штаб.*

Все, что выше выделено курсивом, будет успешно применять вермахт при ведении своих мобильных наступательных действий на начальном этапе Второй мировой войны. Не буду утверждать, что эти принципы ведения мобильной войны придумал именно Фрунзе, скорее он их взял в том или ином виде из опыта мировой военной истории, но то, что Фрунзе применил их на практике значительно раньше Гудериана, остается фактом.

Прекрасно понимая, что за мобильными наступательными действиями будущее, а подобные действия невозможны без инициативного и решительного командного состава, Фрунзе, став с 1925 года наркомом по военным и морским делам, огромное значение придавал вопросам воспитания и развития у командного состава Красной армии самостоятельности и инициативности. Во всех разработанных под его руководством уставах **решительность действий признается основным необходимым качеством командного состава.** «Упрека заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага потерпел неудачу, а тот, кто, боясь ответственности, не бросил всех своих сил и средств для достижения победы». «Не ошибается тот, кто ничего не делает. Поэтому старший командир должен проявлять особую выдержку в отношении тех подчиненных, которых постигла неудача. Наказание должно иметь место только в случае нерадивости и грубого нарушения приказов. Если же неудача является следствием неизбежных на войне случайностей («туман войны». – **Авт.**), старший начальник обязан всеми средствами поддержать своего подчиненного. Без уверенности в поддержке начальника и его доброжелательном отношении (в случае неудачи) невозможно развитие самостоятельности у подчиненных командиров». Поразительно. Прусская армия будет вырабатывать традиции правильной оценки проявляемой подчиненными инициативы в течение почти ста лет. Красная армия, создаваемая практически на пустом месте, придет к узакониванию этой правильной оценки инициативы в своих уставах всего за несколько лет Гражданской войны. Причем эта оценка была характерна не только в военное время, когда все ложные взгляды отбрасываются суровой практикой войны, а именно в послевоенное мирное строительство вооруженных сил молодой республики. Руководителям военных учений в 20-х годах прошлого столетия Фрунзе в директивной форме рекомендовал «...не спешить с выводами по тем или иным решениям и действиям командиров, а умело показывать их сильные и слабые стороны, всячески поощрять смелые решения и проявления инициативы. Резкого осуждения заслуживают только случаи инертности, пассивности и нерешительности».

Но, к сожалению, революции, свершаемые ради светлых идеалов свободы и равенства, обычно проходят кровавым способом, и «революционный кадровый отбор» выдвигает наверх не романтиков и идеалистов, а людей жестких и беспощадных, готовых в своей борьбе за власть перешагнуть через любые принципы и жертвы. Так было в Великую французскую революцию, не исключением стала и Октябрьская революция. Все закончилось диктатурой, а она, как известно, не приемлет инициативы, кроме той, которая исходит с самого верха. Расплачиваться за ошибки в боевой подготовке предвоенного периода Красной армии пришлось летом 1941 года.

Народная мудрость гласит: «Если хотите узнать о себе правдивое мнение, выслушайте своего врага», и, как показывает практика, лучше вами битого и спустя время, когда эмоции улягутся. Давайте послушаем, что говорят офицеры вермахта о командном составе Красной армии в начальный период войны. Гитлеровский генерал Эрхард Раус в своих мемуарах писал: «Гибкость, продемонстрированная командирами армий и фронтов, была не столь заметна на нижних эшелонах. Командиры дивизий в Красной армии, а также большинство остальных командиров среднего звена (уровня дивизии) в начале войны проявляли отсутствие гибкости, нерешительность, стремились не брать на себя ответственность. Шаблонные методы подготовки и слишком строгая дисциплина загоняли младших командиров в тесные рамки уставов и наставлений, и они просто погружались в спячку. Нестандартный подход к решению задачи, решительность и ответственность были редчайшими исключениями. Русские подразделения, прорвавшие наш фронт, могли несколько дней простоять на месте, не сознавая выгод своего положения и не пытаясь их использовать. Командиры мелких частей панически боялись сделать что-то неправильно, за что придется

потом отвечать, и это не позволяло им использовать выгоды ситуации». Что ж, сказано очень объективно. В своих летних наступательных операциях 1941 и 1942 годов части вермахта передвигались столь стремительно, что армейские штабы Красной армии попросту не имели достоверной информации о реальном состоянии дел. Советских дивизий, которыми планировалось нанести контрудар, зачастую просто не существовало или они уже были окружены и небоеспособны. К тому же, боясь ответственности за поражение, с поля боя в вышестоящие штабы поступала порой откровенно лживая информация. В таких условиях организовать контрудары было практически невозможно, оставалось только заранее готовить новые рубежи обороны и отводить свои части в глубь территории.

Что могла противопоставить советская сторона немецкой мобильности? Только дисциплину. Вот как раз это качество в предвоенной Красной армии, да и во всем Советском государстве, было главенствующим. И если армейскую дисциплину своего противника немцы ощутили на себе с первых часов войны и примеры этой дисциплины, по мемуарам многих ветеранов вермахта, вызывали у них чувство восхищения, то о дисциплине советского тыла захватчики могли только догадываться. В то время, когда оставшееся дома население Германии занималось в основном домоводством, в советском тылу старики и подростки стояли по две смены у станка, чтобы дать фронту лишний снаряд. В сельской местности женщины в прямом смысле пахали на себе, впрягаясь вместо забранных на фронт лошадей. Для германской армии женщина-санитар – нонсенс. Медицинская служба Советской армии в годы войны более чем на 90 процентов состояла из женщин. Около миллиона советских женщин приняли непосредственное участие в боевых действиях: санинструкторами, радистами, зенитчиками, летчиками, танкистами, снайперами. Страна, на завоевание которой нацисты отвели всего несколько месяцев, отчаянно сражалась, обливаясь кровью, потом, голодая и недосыпая. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал образом жизни для народа на долгие четыре года войны. Подобного напряжения сил целого народа мировая история не знает и навряд ли узнает в будущем. Победу советские люди буквально выстрадали, платя за нее своими жизнями и здоровьем. Великая Победа стала возможной только благодаря строгой, а порой жесткой дисциплине, опирающейся на принцип беспрекословного подчинения.

Век двадцать первый.

После развала СССР вместе с былыми победными традициями армия молодого демократического Российского государства унаследовала и все хронические «болячки» советского периода, среди которых «дедовщина» являлась самой безобидной и понятной. Воспитание всего командного состава, принципы обучения и кадрового отбора являлись продуктом тоталитарной системы. Я не говорю, что эти принципы были плохие. Они были другие – развивающие в основном дисциплинарные начала и опирающиеся на них.

В итоге на сегодняшний день мы имеем практически полное отсутствие в нашей армии традиций по правильной оценке и развитию у личного состава таких необходимых в современных условиях качеств, как инициативность и способность к творческому подходу. И если XIX век требовал наличия инициативы у высшего командного состава, XX век – у командиров дивизионного уровня, то XXI век поднимает планку требований вплоть до отдельно взятого солдата. Тех, кто отказывается принимать эти требования, в будущих войнах ждет жестокое разочарование, потому как достижение победы за счет одной дисциплины в современных условиях весьма сомнительно.

Исходя из мирового и отечественного военного опыта, можно сделать следующие выводы.

Развитие инициативы и самостоятельности у личного состава вооруженных сил при обучении в мирное время может происходить только «сверху вниз» – это условие диктует принцип единоначалия. Контролировать и нести ответственность за этот процесс должен авторитетный и полномочный орган управления (генштаб, «кружок реформы», назовите как угодно), проводящий кадровую политику под понятными и однозначными критериями отбора всего командного состава, начиная от генерала и кончая сержантом – командиром отделения. Ведь прежде всего в правильном, с точки зрения соответствия условиям будущих войн, кадровом отборе заключается реформирование вооруженных сил в мирное время. Почему в германской армии конца XIX – начала XX века велась борьба с карьерным ростом «глупых и старательных» офицеров? Потому что немцы прекрасно понимали, как только «глупый и старательный» достигнет командных должностей, он окружит себя такими же «глупыми и старательными» подчиненными – проводниками его идей и распоряжений. Для этой категории «дисциплина» проста и понятна, а «инициатива» неоднозначна в последующей оценке и сложна для восприятия.

Не ржа и время, в течение которого устаревает боевая техника, а именно «глупые и старательные» командиры разлагают армию в мирный период. И не верьте тому, кто утверждает, что в армии дисциплина и инициатива – несовместимые понятия. Сегодня они две стороны одной медали, название которой – боеспособность. Единство и противоречивость этих двух качеств будут влиять на дальнейшее развитие военного дела.

Как натовские пехотинцы наши наставления нарушают

Андрей МАРКИН

Широко известно, что излюбленным (фактически основным) атакующим приемом малых подразделений пехоты американской, английской, канадской и других «англосаксонских» армий, а также тех армий, которые обучены их специалистами (от Южной Кореи до Грузии), является фланговая атака со сдерживанием по фронту. Эта фланговая атака осуществляется следующим образом: атакующее подразделение делится на две группы – огневой поддержки и маневренную. Пока группа огневой поддержки ведет огонь, подавляющий огневые средства обороняющихся, сковывающий возможности их перемещения и приковывающий к себе все внимание, маневренная группа сближается с противником. Она находит уязвимый фланг и атакует его. Наиболее желательным углом между направлением стрельбы огневой группы и направлением фланговой атаки маневренной группы считается прямой угол. При необходимости в процессе сближения с противником группы меняются ролями. В разных странах, конечно, имеются некоторые отличия в деталях. В американской армии разделение на равные группы проводится уже на уровне отделения. В канадской армии отделение действует как единое целое, огневую поддержку оказывают два пехотных отделения и отделение тяжелого оружия взвода, а выход во фланг осуществляет третье пехотное отделение взвода. Но общий принцип остается тем же. Фронтальная атака считается нежелательным способом действий. В процессе подготовки фронтальная атака может даже не отрабатываться. Зато осуществлению фланговой атаки как стандартному тактическому приему (battle drill) уделяется очень большое внимание.

На что обычно мало обращают внимание, описывая натовскую фланговую атаку, так это на порядок переноса огня группой огневой поддержки в момент окончательного сближения маневренной группы с противником. Понятно, что прежде чем атакующий ворвется в окоп противника, группа поддержки должна перестать вести огонь по этому окопу, иначе свой же атакующий попадет под ее огонь. Вот что по этому поводу говорят американские наставления: «Когда маневренная группа достигает вражеских позиций, существует опасность того, что она закроет группе огневой поддержки возможность ведения огня. (Так в оригинале: «it may mask the fire from the fire element». Отметим необычный стиль изложения – опасность не в том, что среди маневренной группы могут быть потери от своего огня, а в том, что группа поддержки стрелять не сможет. – **Прим. авт.**) ...Поэтому пулеметчики группы огневой поддержки должны медленно вести (передвигать) огонь по объекту атаки прямо перед атакующей маневренной группой...» Буквально та же формулировка содержалась ранее в основном полевом уставе американской пехоты «Взвод и отделение пехоты (пехота, парашютный десант, посадочный десант, рейнджеры) FM 7-8» в редакции от 31.12.1980 г. В новой редакции 1992 года ее нет, но ничего запрещающего такой способ действий в новой редакции устава не появилось, а в наставлениях этот способ остался.

Аналогичное указание имеется в наставлениях американской морской пехоты.

В канадской армии при отработке фланговой атаки взвода учат тому же. По мере того, как маневренная группа продвигается с одного фланга вражеской позиции до другого, очищая окопы от противника, группа огневой поддержки ведет огонь непосредственно перед маневренной группой. Вот как соответствующее указание звучит у канадцев: «Группа огневой поддержки стреляет по вражескому окопу до тех пор, пока атакующая группа не загородит ей обстрел. Тогда группа огневой поддержки либо переносит огонь вглубь, либо обстреливает цели с фланга по мере продвижения атакующей группы по окопам».

Атака отдельным пехотинцем (парой пехотинцев) окопа противни-

ка осуществляется с использованием того же приема. Подавляющий огонь пулеметчиком по окопу противника ведется до тех пор, пока атакующий пехотинец, которого он поддерживает своим огнем, не подползет к окопу настолько близко, что сможет не закинуть, а заложить гранату в окоп (post a granade). Считается, что бросая гранату из положения лежа, в окоп все равно не попадешь. Здесь следует отметить, что преодоление крайних метров до окопа осуществляется по «англосаксонским» взглядам ползком, а не бегом.

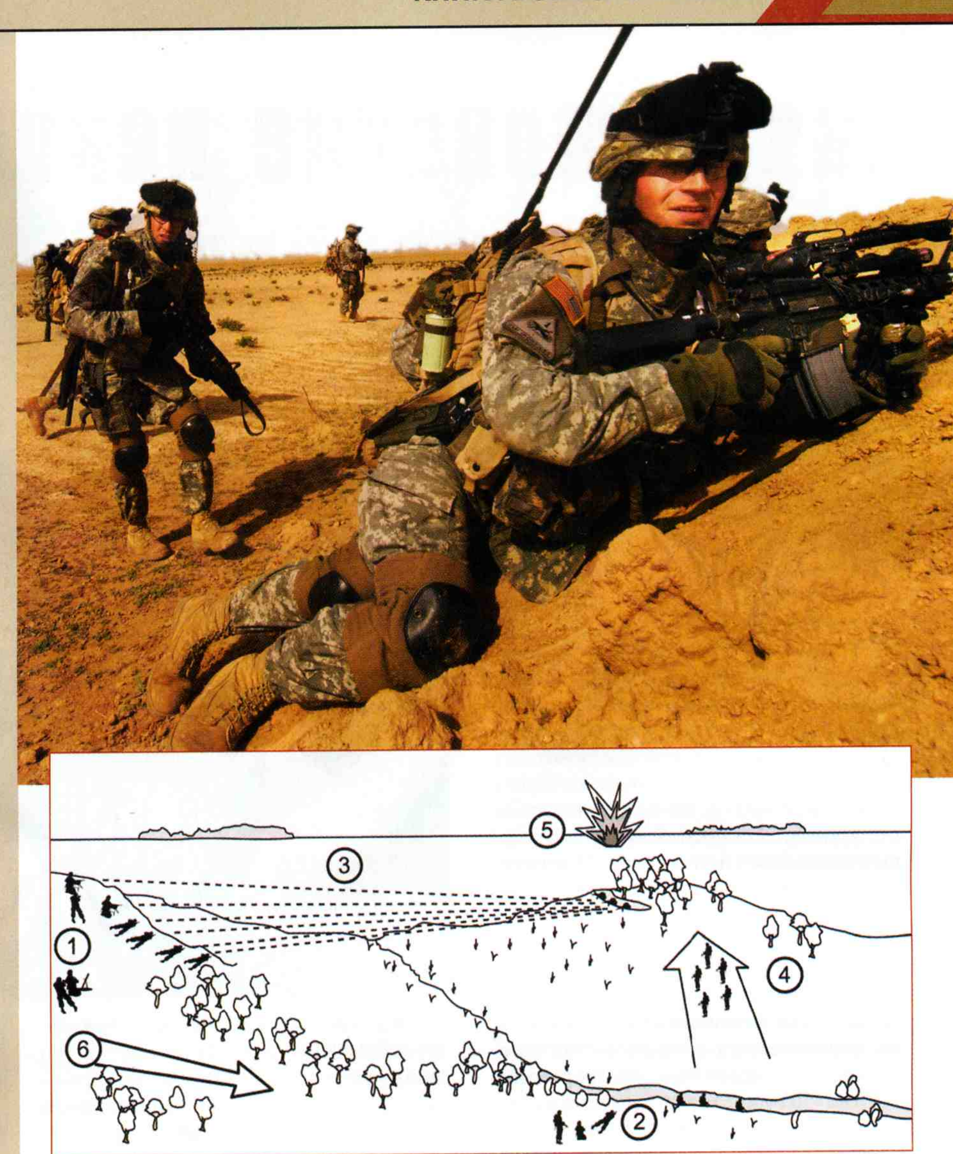
На первый взгляд все логично – чтобы сблизиться с окопом противника, нужно обязательно подавить его (заставить спрятаться под бруствер) и поддерживать это подавление (вообще не давая противнику возможности высовываться для ведения огня), чтобы сократить расстояние, которое нужно будет преодолевать атакующим солдатам под огнем противника. В идеале это расстояние должно быть таким коротким, чтобы обороняющийся противник просто не успел открыть огонь по атакующим до того момента, когда последние достигнут его окопа.

Однако из отечественных наставлений по стрелковому делу следует, что использование тактического приема, когда атакующий находится на одном удалении с обороняющимся противником, по которому ведет огонь поддерживающий пулемет (как это происходит при фланговой атаке под углом 90 градусов к направлению стрельбы поддерживающей группы), невозможно. В наших наставлениях есть раздел «стрельба в промежутки и из-за флангов своих подразделений». В нем сказано, что огонь пулемета в промежутки и из-за флангов своих подразделений разрешается вести только со станка или из установленного на бронетехнике и при соблюдении, в частности, правила о том, что все точки падения пуль должны быть дальше своих подразделений. Для этого расстояние между целью и нашими подразделениями должно быть не меньше:

– 200 м, когда расстояние до своих подразделений от пулемета менее 400 м;

– 300 м, когда расстояние до своих подразделений от пулемета более 400 м.

Попробуем разобраться, откуда появилось это требование. Вот что указывалось в наставлении по стрелковому делу 1946 года («Основы стрельбы из пехотного оружия». Военное издательство Народного Комиссариата Вооруженных Сил Союза ССР, 1946, стр. 80, 82, 83): «При стрельбе из-за флангов и в промежутки [безопасность обеспечивается]... наличием такого расстояния между целью и расположением своих подразделений, при котором исключена возможность падения пуль ближе расположения своих подразделений и, следовательно, возможность поражения их с **рикошета**. ...При расчете расстояния между целью и своими подразделениями для безопасности стрельбы из-за флангов и в промежутки принимаются во внимание: а) ближняя половина полного рассеивания пуль по дальности, увеличенная в полтора раза (6 вероятных отклонений по дальности); б) возможная ошибка в определении расстояний до своих подразделений (около 10%)». Там же приводилась таблица примерных расчетов для станкового пулемета, из которой следовало, что при дальности стрельбы 100 метров наименьшее расстояние между целью и своими было 100 м. То есть впереди пулемета своих быть не должно. При стрельбе на дальности 200 и 300 метров наименьшее расстояние между целью

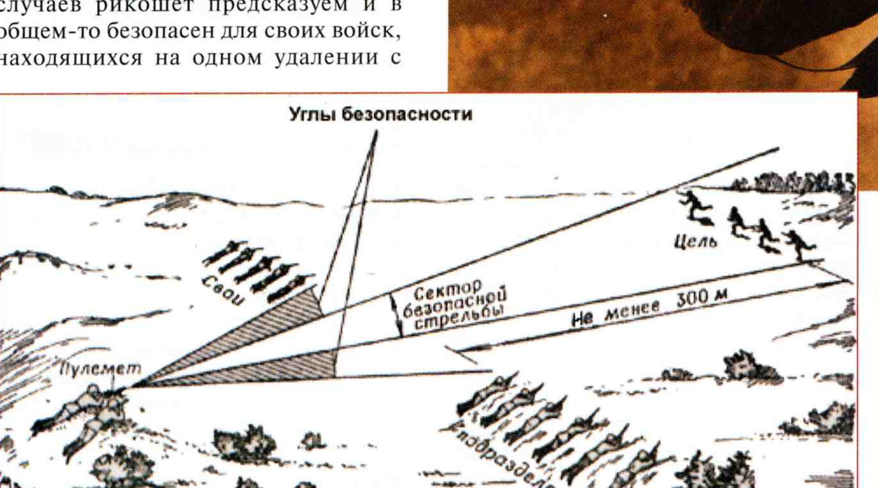
Условная схема фланговой атаки (обратите внимание, что маневренная группа атакует под углом 90 градусов к направлению стрельбы группы)
1. Группа огневой поддержки, составляющая большую часть подразделения.
2. Скрытный выход во фланг маневренной группы.
3. Подавление обороняющихся огнем.
4. Маневренная группа атакует. Подавление осуществляется до последней возможности.
5. Перенос огня группой огневой поддержки.
6. Ввод резерва для развития успеха

и своими должно быть 150 метров. Глубина маневренной полосы для своих впереди пулемета 50 метров. При стрельбе на дальностях 400 метров и выше наименьшее расстояние между целью и своими устанавливалось в 200 метров.

Перечислим наиболее часто упоминаемые в военной литературе свойства рикошета. В отдельных случаях полет пули может при рикошете быть непредсказуем, однако, как правило, после рикошета пули чаще отклоняются в правую сторону, то есть в сторону деривации, и чем меньше от плоскости стрельбы отходит пуля, тем дальше она летит после рикошета. Те пули, которые сильно отклоняются, летят не так далеко, такие пули падают вскоре после рикошета либо плашмя, либо боком. Пробивное действие при рикошете тем меньше, чем пуля больше отклонилась от плоскости стрельбы. При стрельбе на очень малое расстояние на ровной местности пуля рикошетирует под малым углом, описывает отлогую траекторию и опять рикошетирует через 5–7 метров. Имеются данные, что угол поворота артиллерийского снаряда после рикошета доходит до 60 градусов. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев рикошет предсказуем и в общем-то безопасен для своих войск, находящихся на одном удалении с позицией противника и от своего пулемета, ведущего огонь по этой позиции. Однако в месте падения пули могут оказаться камень, ветка, кочка, ямка, у грунта в месте падения могут быть какие-то особенности, что существенно изменит углы приложения сил, действующих на пулю, и может повлиять на направление полета пули после рикошета совершенно непредсказуемым образом. Таким образом, основная проблема безопасности заключается в том, что существует, хотя небольшая, возможность рикошетов по совершенно непредсказуемым траекториям.

Имеется ли понимание у «англосаксов» проблемы рикошета? Достаточно иллюстративным является подход, который можно найти у канадцев. При имитации боя в учебных общеознакомительных целях они требуют соблюдать правило: для обстрела учебной цели прицел должен быть увеличен на 500 метров по сравнению с тем, который должен быть установлен для прицельного обстрела цели, причем солдаты не вправе продвигаться за линию цели, проводимую перпендикулярно к плоскости стрельбы. При проведении учебных фланговых атак требование смягчается: солдаты по-прежнему не вправе продвигаться за линию цели, но от них всего лишь требуют, чтобы маневренная группа атаковала под углом меньше 90 градусов к плоскости стрельбы. Уже упоминалось выше, в документах, описывающих, как нужно действовать в ходе войны, возможность рикошета не учитывается. По всей видимости, и здесь мы можем только гадать, почему риск поражения рикошетом «англосаксонские» армии считают несущественным и маловероятным, по крайней мере для того, чтобы вводить ограничения в использование ряда тактических приемов.

Требования обеспечить полную безопасность от поражения рикошетом налагают ограничения не только на фланговую атаку со сковывающими действиями с фронта, но и на ряд других тактических приемов. К ним можно отнести практически все нелинейные засады, используемые в иностранных армиях: то есть засады в форме буквы «Г», в форме римской цифры «V», треугольные и квадратные засады. Сюда же относится «подползающая» тактика атаки окопов противника, упомянутая выше, которая также является одной из основ подготовки солдат «англосаксонских» армий. Наконец, сюда относится такой традиционный тактический прием, как фронтальное сближение с окопами противника под прикрытием огня пулеметов, простреливающих атакуемые окопы огнем с фланга. Этот последний прием упоминался еще в наставлениях для немецких штурмовых групп 1917 года.

■ **Условия, обеспечивающие безопасность стрельбы в промежутки между своими подразделениями (по нашим наставлениям)**

Наверно, будет неправильным в рамках настоящей статьи делать окончательный вывод об обоснованности или необоснованности указанных выше требований наших наставлений по стрелковому делу. Однако полагаю, что необходимость широкого обсуждения этого вопроса очевидна. Слишком важные тактические приемы пехоты оказываются «за бортом» из-за наличия таких требований.

ОРУЖИЕ-СОЛДАТ

НЕНАУЧНЫЙ РАЗГОВОР О «МАКАРОВЕ»

Юрий Васильев

ЭТОМУ ПИСТОЛЕТУ ОБЯЗАН ЖИЗНЬЮ. ТРИЖДЫ

...«Брожу» по оружейным сайтам. По пистолетным, в частности. Интересно. Народ развлекается стрельбой из пистолетов, а потом в Интернете делится впечатлениями.

Кто-то стрелял из «Глока». Сплошной восторг: и балансировка, и наклон рукоятки, и в руке лежит как надо. Сам из пластмассы сделан. Стрелять приятно и попадать несложно. Но это при стрельбе в тире.

Другой попробовал стрелять из «Кольта» М 1911. Старое, испытанное оружие. Сорок пятый калибр. Пистолетного патрона мощнее уже и быть не может. Стрелок поражен силой выстрела, находится под впечатлением.

Вот и рассказывают наперебой – о «Беретте», «Маузере», «Астре», «Вальтере»... Только о российском оружии помалкивают. О новых образцах российских пистолетов речи нет, они сейчас пока большая редкость. А распространенный «Макаров» у таких знатоков-любителей восторгов не вызывает, и оружейным шедевром они его тем более не считают. Кроме того, в последнее время появилось много публикаций, где ПМ часто представляется маломощным и неэффективным оружием с невысокой меткостью стрельбы.

Но так считают дилетанты. Те, кто не имеет достаточного опыта и знаний в вопросах применения и боевого использования пистолетов.

Знающие же люди понимают, что «Макаров» – не для стрельбы в удовольствие и не для спорта. Это оружие-солдат, он создан для войны. Тот, кого ПМ не подводил и выручал в трудную минуту, был рядом и спасал в бою, понимает это. И ценит его.

Мне пришлось пользоваться «Макаровым» достаточно часто, в том числе и в боевой обстановке. Этот пистолет как минимум трижды сохранил мне жизнь. Он был всегда при мне, став самой необходимой вещью на войне. На основании собственного опыта и сложилось мое отношение к ПМ, мнение о его возможностях и задачах в бою.

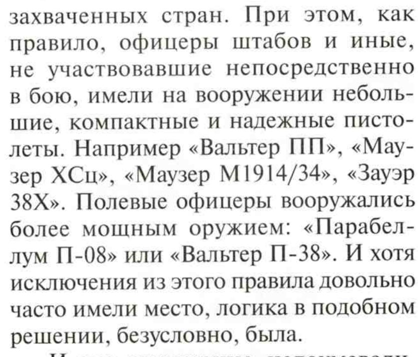
Это моя личная точка зрения, которой и хотелось бы поделиться. При этом постараюсь не касаться уже хорошо известных всем истин об очевидных достоинствах и недостатках этого оружия.

РЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВОЕ, НО...

На первый взгляд странным может показаться то, что на протяжении нескольких десятилетий в СССР, а потом и в России пистолет Макарова был практически единственным и самым распространенным образцом короткоствольного оружия. Им вооружались все: армейские и морские офицеры, работники МВД, инкассаторы, охранники и многие другие. Прямо-таки универсальное оружие. Но универсального оружия не бывает. Потому и претензий в адрес «Макарова» было предостаточно.

В армейской среде, между офицерами, эта тема поднималась достаточно часто. Большинство сходилось во мнении, что на вооружении в армии следовало бы иметь пистолет помощнее, с большим боекомплектом. Откровенно сожалели о том, что такой замечательный, на наш взгляд, пистолет, как АПС, уже давно был снят с вооружения и в войсках встречался очень редко.

Здесь часто обращались к опыту германской армии времен Второй мировой войны. На вооружении там находилось более 30 различных образцов пистолетов, включая и оружие захваченных стран. При этом, как правило, офицеры штабов и иные, не участвовавшие непосредственно в бою, имели на вооружении небольшие, компактные и надежные пистолеты. Например «Вальтер ПП», «Маузер ХСц», «Маузер М1914/34», «Зауэр 38Х». Полевые офицеры вооружались более мощным оружием: «Парабеллум П-08» или «Вальтер П-38». И хотя исключения из этого правила довольно часто имели место, логика в подобном решении, безусловно, была.

И мы откровенно недоумевали, почему в Советской Армии не пошли по этому же очевидному и логичному пути, а приняли на вооружение всего-навсего один, как нам тогда казалось, не самый удачный, посредственный образец.

В настоящее время подобное решение меня уже не удивляет. Мало того, опираясь на свой нынешний опыт, могу сказать, что, скорее всего, именно оно, это решение, и являлось верным. Почему?

В бою никакой пистолет не может играть роль основного оружия. Он применяется только как дополнительное, резервное оружие. И в этом случае наиболее важную роль начинают играть такие характеристики, как габариты и вес, надежность и безотказность, безопасность в обращении. Но самое главное – время первого выстрела. И если подходить в плоскости этих требований, чем «Макаров» плох?

В боевой обстановке – и в бывшей Советской Армии, и в нынешней Российской – все офицеры, от командира взвода до командира батальона включительно, в качестве основного оружия имеют на вооружении автомат. Мало того, в Чечне даже штабные офицеры вооружались автоматами. А в этом случае им абсолютно не нужен большой, мощный и дальнобойный пистолет. Именно компактный и надежный ПМ как нельзя лучше подходит на роль дополнительного оружия.

ТАКОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ ЛИШЬ РАЗ, НО И ЖИЗНЬ – ОДНА

На войне офицер должен быть вооружен всегда. Это правило. Даже спокойная, на первый взгляд, обстановка может мгновенно и неожиданно измениться, поставив безоружного в безвыходное положение. В моей практике подобных случаев было предостаточно. Исходя из этого, и выводы были сделаны соответствующие. С ПМ не расставался никогда. В обычной обстановке, находясь на территории части, пистолет был на поясе в армейской кобуре. К поясному ремню пристегнут штатным кожаным ремешком.

Мне было не совсем понятно решение некоторых офицеров не получать на складе это личное оружие, довольствуясь лишь автоматами. Мотивация была простой – можно потерять или могут украсть. Справедливости ради следует заметить, что случаи утраты оружия хоть и не часто, но имели место. Причем автоматы терялись ничуть не реже, чем пистолеты.

Во время выходов, когда при себе приходилось иметь весь комплект вооружения и снаряжения, ПМ оказался отнюдь не лишним. И работа ему всегда находилась. Такое оружие желательно было иметь на тот случай, когда основное, например автомат, не было готово к использованию, разряжено или неисправно. И не столь важно, что такое бывало редко. Все же такие моменты имели место. Лично у меня подобное случалось, и, к сожалению, не раз.

Где в этом случае должен размещаться пистолет, каждый решает сам. Кому как удобнее. Но при этом необходимо учитывать следующее: он не должен мешать, а должен находиться всегда под рукой и постоянно быть готовым к выстрелу, легко извлекаться и не быть на виду. Здесь, конечно, следует еще учитывать и вопрос сохранности оружия. Мне немало пришлось поэкспериментировать, пока не было найдено, на мой взгляд, «золотое сечение». Пистолет размещался в открытой наплечной кобуре, слева, под разгрузочным жилетом. То есть под рукой и не на виду.

Возможность использовать пистолет как дополнительное оружие имелась только у офицеров или прапорщиков, рядовому и сержантскому составу такое оружие по штату не полагалось. Поэтому и вставал вопрос: чем вооружать снайперов или гранатометчиков? Им, как никому другому, требовалось дополнительное оружие, ведь успешно применить снайперскую винтовку или гранатомет можно было далеко не в любой обстановке. В конечном итоге приняли «соломоново решение»: кроме СВД и РПГ снайперы и гранатометчики получили на вооружение в качестве дополнительного оружия укороченный автомат АКС-74У – «Ксюху». Тоже не идеальный вариант, но лучше, чем ничего.

О «КЛОУНАДЕ» В БОЕВИКАХ И О ТОМ, КАК ВСЕ ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ

Достаточно часто имели место случаи, когда использование пистолета было более предпочтительным, чем автомата. Например, при осмотре помещений, жилых домов. Автомат убирался за спину, пистолет – в правой руке, левая рука свободна. Преимущество пистолета в данных условиях – его мобильность. Можно быстро изменить направление стрельбы, переместив руку либо довернув кисть руки, в которой находится оружие, в сторону цели и сделать выстрел.

Другая рука при этом остается свободной. Ею можно толкнуть дверь, прикрыться от наносимого удара. Да мало ли для чего еще она может понадобиться? Большое дело в таких обстоятельствах – свободная рука. Использование автомата таких преимуществ не дает. Да и слишком уж мощным оружием является автомат для стрельбы в помещениях – можно покалечиться самому либо искалечить своих товарищей. Речь идет о рикошете своих же пуль.

Подобная картина происходила и при досмотре блиндажей в захваченных бандитских лагерях. В правой руке пистолет, а в левой – фонарик. Автомат на ремне убирался за спину. Конечно, сразу в блиндаж с пистолетом и фонариком в руках никто не лез, соблюдались меры предосторожности. В дверной проем либо в печную трубу забрасывали гранаты. Правда, не всегда это было возможно. Зачастую печная труба была выведена в сторону от помещения, и бросок гранаты в нее ничего не давал. Кроме того, встречались блиндажи, перед входом в которые отрывалась ломаная траншея. Поразить такие блиндажи ни броском гранаты, ни выстрелом из гранатомета, ни автоматной очередью не представлялось возможным. Тогда в них проникнуть никто и не пытался. Их разрушали накладным зарядом, установленным на крыше блиндажа.

Хотелось бы предостеречь от приемов использования пистолетов, навеянных кинематографом. Особенно американским, но и отечественный теперь тоже под стать. Например, сериал о морском спецназе «Морские котики». В нем герои довольно часто, с сосредоточенными и суровыми лицами, «выполняют задачи» в недрах больших кораблей, подвалах домов и цехах заброшенных заводов. При этом

пистолет они держат двумя руками, вытянутыми перед собой. Резкими и судорожными движениями им приходится поворачиваться всем корпусом в разные стороны, пытаясь обнаружить врага. Перемещаются они при этом семенящими шажками, «раскорячившись» на расставленных полусогнутых ногах. Причем зачастую смотрят в одну сторону, идут в другую, а оружие при этом направлено в третью. В этом случае, обнаружив врага, они успеют только испугаться, может быть, еще «мама» успеют сказать. А вот навести оружие на цель и выстрелить – уже нет, не успеют. Так и хочется подсказать им, чтобы держали пистолет одной рукой. Уж куда проще при этом станет действовать: двигаться и стрелять. Правда, тогда и зрелищность уже будет не та.

Но это кино, и с суровой действительностью здесь ничего общего нет. А стрельба с двух рук из ПМ вполне возможна и в некоторых случаях даже предпочтительна, так как дает более высокий результат попадания. Правда, при условии, что дальность до цели велика и есть возможность и время тщательно прицелиться. Но это исключения, а правило – пистолет должен быть в одной руке, так гораздо удобнее. Кто не верит, пусть попробует и убедится сам.

ВЫСТРЕЛ – В ЛЮБУЮ СЕКУНДУ

Револьвер в сравнении с пистолетом имеет немало недостатков. Но есть и ряд достоинств, причем достаточно серьезных. Одно из них, весьма важное, – готовность оружия к выстрелу. Другое – безопасность в обращении. Здесь револьвер превосходит пистолет.

Общеизвестно: чтобы произвести из пистолета выстрел, его нужно извлечь, снять с предохранителя, передернув затвор, дослать патрон в патронник, навести на цель, и только тогда – выстрел. Сколько все это займет времени? Несколько секунд? Но это много. В бою их нет. Как быть? Пришлось махнуть рукой на некоторые меры предосторожности. И как потом оказалось, совершенно не зря.

Пистолет готовился следующим образом: в него устанавливался снаряженный магазин, затвор передергивался, и патрон досылался в патронник. Магазин вновь извлекался, постановкой пистолета на предохранитель курок сбрасывался с боевого взвода. После чего оружие снова снималось с предохранителя. Магазин доснаряжался одним патроном и устанавливался в пистолет. Все. Теперь мы имели: девятый патрон в стволе, курок не взведен, с предохранителя пистолет снят. Это обеспечивало относительную безопасность в обращении с оружием. Но самое главное – он теперь всегда был готов к выстрелу. Есть время – можешь взвести курок, нет – первый выстрел делаешь самовзводом.

ПМ – хорошее оружие. Он прощал и такую вольность, как патрон в патроннике: даже когда пистолет падал и ударялся тыльной частью, выстрела не происходило. Главное, чтобы курок в этот момент не был взведен. Не в пример ему пистолет ТТ, который, имея патрон в патроннике, при падении почти стопроцентно дает выстрел. А там уж одному Богу известно, куда полетит пуля.

В БОЮ – НЕ В ТИРЕ, ОЦЕНКУ СТАВИТ ТОТ, КТО ОСТАЛСЯ ЖИВ

Встречается мнение, что пистолет Макарова малопригоден для точной стрельбы. Объяснить это пытаются тем, что у него короткая линия прицеливания и не очень удачная балансировка. Конечно же это не совсем так. Не могут попадать из ПМ те, кто не обучен стрельбе из пистолета. Это как в шутке про плохого танцора: рад бы сплясать, да все время мешает что-то. Но дело даже не в этом. Тут следовало бы разобраться с вопросом: а куда и как, собственно говоря, нужно попадать из пистолета? Белке в глаз, как якутский охотник?

Когда-то, достаточно давно, в одном из военных журналов мне встретилась довольно интересная информация на эту тему. Там речь шла о том, что в Америке было исследовано десять тысяч случаев применения короткоствольного оружия: пистолетов и револьверов. И оказалось, что почти всегда это оружие применялось на дальности от 3 до 7 метров.

Мой опыт применения пистолета говорит о том же. Огонь велся по целям, находящимся на дальности не более 6 метров. Только один раз пришлось стрелять из ПМ на дальность около 70 метров. Но о какой-либо прицельной стрельбе в этом случае речь уже не шла, тем более что огонь велся в движении. На этот счет один мой знакомый чеченец шутил, что пистолет нужен в драке – для того, чтобы не бить кулаком. В этой шутке определенный здравый смысл имеется.

И какая при стрельбе на такие дальности нужна точность? Здесь гораздо более важными являются другие параметры оружия. Опять же – время первого выстрела и безотказность в работе.

А такое понятие, как прицельная стрельба из пистолета в боевой обстановке, является достаточно условным. Это не в тире и не на стрельбище. Но о возможностях точной стрельбы из ПМ тоже можно поговорить.

Я имел возможность постоянно тренироваться в стрельбе из «Макарова». Пожалуй, не было и дня, когда бы не сделал несколько десятков выстрелов. Это обстоятельство позволило стать достаточно подготовленным стрелком. Во всяком случае, пивную бутылку, установленную на 20 метров, разбивал вторым-третьим выстрелом, стреляя с руки. Это хороший результат. И не надо улыбаться по поводу пустых пивных бутылок. В Чечне редко кто стрелял по стандартным мишеням. Основными целями там были пустые бутылки и консервные банки, а согласно размерам готовили мишени разве что только для пристрелки оружия и при проведении занятий по стрельбе с личным составом.

Но при этом я не являлся лучшим стрелком, имелись и более подготовленные, которые, тоже стреляя по бутылкам, из 8 выстрелов добивались 7 попаданий. Так что из «Макарова» точная стрельба очень даже возможна. Главное, чтобы он оказался в умелых руках.

О надежности и безотказности ПМ

ходят легенды. И это справедливо. Так оно и есть, здесь даже добавить нечего. Только хотелось бы узнать, как поведет себя, например, пластмассовый «Глок», находящийся на вооружении какого-нибудь пехотного лейтенанта, командира взвода, живущего в сырой палатке и неделями не вылезающего из грязных окопов. Сомневаюсь, что в подобных условиях «Глок» смог бы составить «Макарову» достойную конкуренцию.

ПОГИБНУТЬ МОЖНО ИЗ-ЗА... ШНУРА

Один из моих командиров называл эту принадлежность «ревшнуром». Револьверный шнур, все вполне понятно. Но так она называлась тогда, когда на вооружении имелись револьверы, а сейчас по-другому – пистолетный шнур. Важная принадлежность, хотя многие и пренебрегают ею, считая, что она мешает. Предназначена для того, чтобы обеспечить сохранность оружия при различных обстоятельствах. А обстоятельства могут быть какие угодно: стрелок споткнулся, упал, выронил оружие или его выбили из руки. И не придется тогда пистолет искать в траве или в грязи, он останется на прочном кожаном ремешке, пристегнутом к поясному ремню. Но оружие можно потерять не только в бою, а и в спокойной, обычной обстановке тоже. Примеров тому предостаточно. В том числе и при посещении, извините, клозета. Увы, подобные случаи имели место не раз. Здесь можно обойтись и без натурализма, хотя должен отметить одну интересную деталь: извлеченное из туалета оружие уже ничем и никак нельзя было спасти. Оно стремительно ржавело.

Но и неправильное использование пистолетного шнура могло привести к серьезным неприятностям. Расскажу об одном случае, который чуть было не завершился трагическим финалом. В ходе боя в населенном пункте пришлось под обстрелом менять огневую позицию. Перебегая к укрытию, зацепился пистолетным шнуром за торчащие из разбитой бетонной плиты прутья арматуры. Это оказалось настолько неожиданным, что с размаху упал на бетон, больно ударившись локтем и коленом. Прутьями арматуры травмировал бедро. Мало того, выронил автомат, который отлетел в сторону. От боли на несколько мгновений перестал соображать и понимать происходящее. Придя в себя, пытался освободиться. Но пистолетный шнур перехлестнулся каким-то немыслимым образом вокруг прутьев арматуры и затянулся морским узлом. Освободиться никак не получалось. Я был совершенно беззащитным на открытом участке. Казалось, что противник стреляет только в меня, а потому висеть на кожаном шнурке мне оставалось совсем недолго. Распутать или порвать ремешок не выходило, а разрезать было нечем. Выручили ребята. Подбежали втроем, у одного из них в руке уже был нож. Шнур был перерезан мгновенно. Меня подхватили под руки и бегом оттащили в укрытие, на ходу подобрав и мой автомат.

Вывод из произошедшего со мной был сделан сразу. В дальнейшем пистолетный шнур я аккуратно сворачивал и укладывал либо под поясной ремень, либо под разгрузочный жилет. Все зависело от того, где в этот момент находился пистолет. Теперь он не мешал и ни за что не цеплялся, а при извлечении оружия легко расправлялся. Несмотря на такой неприятный случай, считаю, что использование пистолетного шнура в боевых условиях желательно. И не обязательно это должен быть штатный кожаный ремешок. В зимних камуфляжных куртках имеется внутренний карман, предназначенный специально для ношения пистолета. В нем находится и капроновый шнур с карабином для крепления пистолета. Приходилось использовать подобные шнуры, взятые от старых зимних курток. Одним концом их пристегивали к ПМ, а другим привязывали к снаряжению, например к лямке разгрузочного жилета.

P. S. Вот, пожалуй, и все. На этом можно было бы и завершить краткий разговор о «Макарове». Хотя нет, можно еще улыбнуться, вспомнив одну веселую историю. Она произошла в годы моей офицерской молодости. В ту пору служба моя проходила в Туркестанском военном округе. Гарнизон располагался в небольшом туркменском городке на берегу маленькой речки. Оазис посреди пустыни Каракумы. Вдалеке виднелся Копетдагский хребет. Служил там с нами один офицер, звали его Валера Шлихман. Хороший парень и толковый специалист. Но карьера офицерская у него почему-то не складывалась: в свои двадцать девять лет он был еще старшим лейтенантом, командиром танкового взвода.

Командование части справедливо решило, что офицеру нужно расти по службе, и предложило ему вышестоящую должность. Валера дал свое согласие на перевод и вскоре убыл к новому месту службы, на капитанскую должность. А новое место оказалось в глухом туркменском военкомате, затерянном где-то в пустыне Каракумы.

Прошло полгода, а может, и несколько больше. Валера явился к нам на побывку погостить, уже в звании капитана. В офицерском общежитии быстро накрыли стол и организовали праздничный ужин. Вечер прошел в разговорах и беседах, под столом сгрудилось несколько пустых бутылок. Все настойчиво просили Валеру рассказать о службе на новом месте.

– Все нормально ребята, все в порядке. Только одно плохо: русских там мало, двое всего.

– Как мало, как двое? – удивились мы.

– Да, мало русских, – снова повторил Валера, подняв глаза и обведя всех мутным, нетрезвым взглядом. – Всего двое – я и пистолет Макарова. – И, довольный произведенным эффектом, откинулся на спинку стула.

Нам стало весело. Учитывая Валерину фамилию, его типичную еврейскую внешность, своеобразную манеру разговаривать и легкую картавость, его и самого можно было считать русским достаточно условно. Так что настоящий русский в том глухом туркменском военкомате был всего один – пистолет Макарова...

Юрий СЕЛЕЗНЕВ

«Огненный» выпуск подполковника Тимермана

Давно и не нами сказано: по-настоящему человека характеризуют не слова, но поступки. В свои 30 лет Константин Тимерман успел совершить дела, которых иному не совершить и за полстолетия.

...Страшный кровавый бой в пригороде Цхинвала. Тогда его неполный батальон численностью в полторы сотни человек принял на себя удар втрое превосходивших сил грузинской армии. Комбат российского миротворческого батальона, сам получивший в начале боя тяжелое ранение, и его подчиненные не только выстояли, но и нанесли противнику существенный урон, а затем, уничтожив секретные документы и оставшуюся технику, унося раненых, вышли из-под огня. За этот подвиг Тимерман удостоен высокого звания Героя России.

Откровенно говоря, поначалу Константин и не думал становиться общевойсковым командиром. После окончания средней школы подал документы в училище Внутренних войск в Новосибирске. Да не получилось — «завалил» историю. Всего их поступало четверо одноклассников. Удача улыбнулась лишь одному. Остальные трое «неудачников», прихватив в штабе свои «личные дела», угрюмо брели по плацу в сторону КПП. Здесь их остановил незнакомый подтянутый капитан:

– Что, ребятки, отучились?

Приятели что-то промямлили в ответ: не повезло, мол, бывает. Но капитан оказался парнем настырным, придержал троицу. Вкратце расспросил, что и как, неожиданно предложил еще раз испытать удачу и попробовать стать курсантами, но теперь уже Новосибирского высшего общевойскового командного училища. Благо сроки подачи документов еще не вышли. Дал адрес. Ребята совещались недолго – в родную деревню Кыштовка, что в Новосибирской области, они всегда успеют вернуться. Сели на автобус. Приехали в училище. Поступили.

Но и это был еще не факт, что Константину Тимерману уготована судьба военного человека. Только закончились вступительные экзамены и для вновь испеченных курсантов началась строгая и одновременно немного суетная жизнь на КМБ (курс молодого бойца), как однажды вечером дневальный по роте сообщил, что к Косте приехал отец. Отпросившись у замкомвзвода, парень побежал на КПП. Там, в комнате для посетителей, и самом деле его ждал отец, Анатолий Анатольевич. Однако поначалу разговор вышел безрадостный. Старший Тимерман не очень прельстился жизненными перспективами сына: и охота ему всю жизнь сапоги носить? В их семье военных не было, стезя непривычная, неизведанная. Да и время такое, что офицерская профессия явно выходила из числа престижных.

– Давай, сын, собирайся. Пока присягу не принял, поехали отсюда.

Константин молчал, хмуро глядя себе под ноги. Потом, словно окунаясь в ледяную воду, сказал:

– Нет, батя! Я здесь учиться буду. Решил.

К его удивлению, отец настаивать на своем не стал. Тоже помолчал немного, будто подыскивая слова. Потом решительно кивнул, приобнял сына:

– Смотри, твое решение.

В судьбе человека много случайностей. Переплетаясь между собой, они образуют ту неотвратимую нить событий, которая и ведет его по жизни. Кто бы мог лет пятнадцать назад предположить, что 8 августа 2008 года Константин Тимерман встретит в должности командира миротворческого батальона и примет бой?..

Была ли тому альтернатива? Трудно судить. Курсантом Тимерман был прилежным, учился хорошо. Да и в спорте не из последних. Когда подошла пора менять курсантские погоны на лейтенантские (а выпустили их почти на полгода раньше предусмотренного срока, в марте 1999-го), на Константина нашлось немало «покупателей». Предлагали остаться командиром взвода в родном училище. Можно было поехать на аналогичную должность в Московское ВОКУ: чем не успешный старт служебной карьеры?

Но Константин все для себя решил заранее – службу нужно начинать в «боевых» частях. Тем более что добрая половина командиров их курсантских взводов прошла первую чеченскую кампанию, они часто рассказывали юным курсантам «о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах». Хотел он проситься в 201-ю бригаду в Таджикистан. Но тут в училище приехал представитель Северо-Кавказского военного округа, сказал, что нужны младшие офицеры в 205-ю мотострелковую бригаду. Побеседовали, договорились. В числе более чем сорока сокурсников Тимерман отправился служить именно в это соединение. Кстати, у абсолютного большинства этих офицеров (разумеется, кто остался в строю) служба сложилась успешно, должности занимают от командира батальона и выше. Крепкой закалки оказались люди.

Это был по-настоящему «огненный», фронтовой выпуск. Первым в боях с террористами погиб Саня Черноусов. Вторым сложил голову под Тондо Роман Сидоров, ставший первым Героем России из их выпуска. Много потом еще погибло ребят. На Юге России шла война. И мужали молодые офицеры не по дням, а по часам. Преждевременный выпуск ничего хорошего им в общем-то не сулил. Даже классность не присвоили: положенных часов на боевой технике не наводили. Наверстывать упущенное, вернее, недоученное, пришлось уже там, в частях. Наверстали. Кто успел. Тимерман успел. Какой ценой удалось этого достичь – другой разговор. Чуть ли не на следующий день после прибытия в часть лейтенант Тимерман убыл на батальонные тактические учения. Напомним, шел 1999 год, и холодные ветры над Главным Кавказским хребтом далеко окрест разносили запах пороха, запах близкой войны.

Затем были многочисленные служебные командировки в Чеченскую Республику, где Константин Тимерман сначала в качестве командира мотострелкового взвода, а затем роты гонял по ущельям чеченских боевиков, перевод в Южную Осетию в подраз-

деление, выполнявшее миротворческие функции.

Словом, первый в их молодой офицерской жизни железнодорожный контейнер с нехитрым домашним скарбом супруга Константина Юлия получала одна. В городе Прохладный, что в Кабардино-Балкарии, они вместе с другой офицерской семьей «на паях» снимали квартиру. Из одежды у него была военная форма да старенькие джинсы с майкой. У нее – пара сарафанов. Но ничего, жили в любви и согласии. Когда они поженились, Юля только-только окончила первый курс медицинского колледжа. И сразу поехала с мужем на Северный Кавказ.

...С раннего утра 8 августа от разведчиков и постов наблюдения комбату стали поступать доклады о продвижении к Цхинвалу грузинских войсковых колонн. В четыре утра из тех же источников стало известно, что грузинские миротворцы свернули свой лагерь и покинули место дислокации. На Цхинвал двинулись грузинские танки. Война была предрешена. Она стала реальностью.

Первый снаряд разорвался на территории городка миротворцев в 6.20 утра. Грузинские войска пытались овладеть юго-западной окраиной югоосетинской столицы со стороны селения Земо-Никози. Несколько танков и до батальона пехоты почти сразу же атаковали российских миротворцев. Танки близко не подходили, боялись огня гранатометчиков, лупили по казармам и другим постройкам метров с пятисот. А вот пехота попыталась идти напролом. И напрасно она это делала. Хорошо обучал своих подчиненных «науке побеждать» подполковник Тимерман. Заместитель командира гранатометного взвода сержант Рамазанов на предельной дальности стрельбы так «колбасил» по живой силе противника, что она быстро и в большом количестве превращалась в неживую... Замкомвзвода за полчаса боя подавил три вражеские огневые точки. При поддержке огня из стрелкового оружия сослуживцев Рамазанов вскоре отбил у грузинской пехоты всяческое желание в открытую штурмовать позиции российских миротворцев.

Не отставал от товарища и сержант Станислав Хорош, полностью оправдывая свою фамилию и очень грамотно снабжая командира батальона разведданными обо всех передвижениях и действиях грузинских вояк. Вместе с командиром разведвзвода Хорош прикрывал огнем отходившее под напором грузинских танков выдвинутое ранее вперед подразделение. Стаса Тимерман знал еще с Чечни. Парень «тертый». Когда было нужно, мог без особых проблем заменить командира взвода, понимал комбата с полуслова.

Ни на секунду не задумываясь, выполнял самые рисковые приказания комбата сержант Беленготов. Отлично показали себя военнослужащие инженерно-саперного взвода – они под пулями и осколками проделывали проходы в минно-взрывных заграждениях.

Впрочем, солдатам и сержантам российского миротворческого батальона было с кого брать пример. Когда осколком танкового снаряда в 8 часов утра ранило Тимермана (этим же снарядом был убит командир разведывательного взвода старший лейтенант Сергей Шевелев), командование батальоном принял начальник штаба капитан Александр Бугрий.

– Я тогда сразу толком не понял, что со мной случилось, думал, ногу оторвало, – вспоминает Тимерман. – Пока мне оказывали помощь, батальоном командовал Бугрий.

Он стал «глазами и ушами» командира батальона, внимательно следил за обстановкой, всеми передвижениями противника, подбадривал личный состав. Вместе с младшими командирами Рамазановым, Хорошем, Беленготовым капитан Бугрий создал надежное ядро обороны городка миротворцев. И будь у них сил побольше, грузинские солдаты вообще не имели бы шансов продвинуться вперед. Но, еще раз

напомним, Тимерман командовал именно миротворческим батальоном. Танкам и гаубицам противника они могли противопоставить только пушки нескольких боевых машин пехоты да противотанковые управляемые ракеты и гранатометы.

И все же до вечера они простояли. Положение усугублялось еще и тем, что в котельной городка нашли убежище югоосетинские женщины и дети из близлежащих домов. Да своих женщин-военнослужащих было несколько человек плюс раненые. Всех их нужно срочно эвакуировать. Чем и занялись комбат и его начальник штаба. Превозмогая боль в раненой ноге, подполковник Тимерман организовал погрузку людей в бронированный «Урал» с красными крестами на бортах. Пользуясь естественным задымлением от пылавшей казармы, машина выехала в направлении пробивавшегося к ним на помощь 1-го батальона 135-го полка. Вслед «Уралу» грузины открыли огонь из гранатометов. Слава Богу, не попали.

Ночью грузины постреливали, но реже. Было ясно, что с рассветом следует ждать новой массированной атаки. Орудийным огнем подожжена еще одна казарма, разрушены хозяйственные постройки и парк боевой техники.

– А потом наши бойцы захватили грузинского корректировщика огня. – Голос подполковника Тимермана тих и ровен. – Тот сказал: «Через час вас не будет. Летит авиация, и «Грады» наготове. У нас приказ на ваше полное уничтожение».

И тогда комбат принял решение выводить из боя уцелевших бойцов. И вновь ему улыбнулась удача. Сам он считает, что это была слепая случайность войны. В нескольких десятках метров от еще не занятых грузинами позиций начиналась лощина. Промытая прошедшими месяц назад обильными дождями, она представляла собой почти идеальный полуподземный ход, ведущий как раз в том направлении, в котором только и можно было отойти. Набросав побольше дымовых шашек и взвалив на плечи раненых, подчиненные Тимермана вышли из окружения. Случайность?

...Была в годы учебы Константина Тимермана в Новосибирском ВОКУ тайная курсантская традиция – приманивание «ша́ры» (удачи, везения). Со стороны – чудаческая, для курсантов – привычная. Согласно обычаю, перед сдачей очередной сессии нужно было, облачившись лишь в спальную простыню и тапочки, добежать до училищного плаца и там перед трибуной сесть на раскрытый учебник и выкрикнуть: «Ша́ра, приди!» После этого вернуться в казарму и положить учебник под подушку. Считалось, что это поможет вытянуть на экзамене счастливый билет. Причем «ша́ру» ловили как отличники, так и середнячки. Как училищное начальство ни боролось с этой традицией, сколько строгих патрулей у плаца в дни сессий ни выставляло, желающие следовать ей всегда находились. Правда, жизнь подсказывала, что хорошие оценки на экзаменах все же получали те, кто учил предмет...

Почти за двое суток боя батальон Тимермана потерял около трех десятков офицеров убитыми и ранеными, уничтожил свыше полусотни грузинских военнослужащих, спас жизнь двадцати мирным жителям пригорода Цхинвала.

...Раненую ногу подполковник Тимерман лечил в окружном военном госпитале Северо-Кавказского военного округа. Ему почти сразу предложили эвакуацию в Москву. Он отказался. Здесь, в округе, его сослуживцы, его батальон. Часть из них, кстати, проходили лечение здесь же. Приходили, проведывали, по мобильнику названивали. Куда он от них? Константин Анатольевич даже от перевода в палату люкс отказался. Дескать, тут рядом со мной лежит парень, тоже подполковник. Чем я лучше него, что скажу, как в глаза посмотрю? Словом, несмотря на полученную Звезду Героя, «звездная» болезнь Тимерману, судя по всему, не грозит. Когда нога заживет, Тимерман планирует вернуться в свою часть. Есть у него там, кроме прочих, еще одна неотложная задача.

– Слышал, капитана Бугрия за Цхинвал наградили орденом Мужества, – говорит Тимерман. – Рад за него. А вот некоторых других ребят пока наградами обошли. Неправильно это, несправедливо. Нужно этим вопросом заняться.

Потом, если сложится, комбат намерен продолжить военное образование в академии. К слову, отец этот выбор Константина теперь уже полностью одобряет. Понял, что есть в сыне военная жилка. Ведь, если перефразировать слова известной киногероини, в 30 лет служба только начинается. А что, разве не так?

P. S. Губернатор Кемеровской области (где родился Константин Тимерман) Аман Тулеев вручил матери Константина Наталье Тимерман областную награду – медаль «Материнская доблесть» за достойное воспитание сына и сообщил, что постановлением совета народных депутатов и коллегии администрации области Константину Тимерману присвоено почетное звание «Почетный гражданин Кемеровской области».

Возвращение в АДЕН

Михаил БОЛТУНОВ

Путь полковника Владимира Ованесовича Наона был извилистым и трудным. Мечтал быть военным моряком или летчиком, а стал танкистом. Желал служить на Севере, но всю жизнь прослужил на юге. Всей душой рвался в командиры, но окончил инженерный факультет Бронетанковой академии и был зампотехом. Любил английский язык, а попал на арабское отделение.
И вместе с тем он был лучшим курсантом своего училища, передовым взводным в дивизии, его прочили из зампотеха на должность командира полка. Но Наон стал военным разведчиком. Служил помощником военного атташе Советского Союза в Египте, военным атташе в Народной Демократической Республике Йемен.

«ХОЧУ БЫТЬ ТАНКИСТОМ...»

Володька Наон сколько помнил себя, столько мечтал стать военным. Только военным. Отроду ему было семнадцать лет, но характер еще тот – упертый, резкий. Ежели что задумает, обязательно своего добьется.

Отец не одобрял решение сына. Хотел видеть Володьку студентом университета. Только что ж от его хотения. Попытался убедить, да толку никакого. Наон-младший и слушать не желал про студенческую жизнь, грезил офицерскими погонами.

Ованес Наон был секретарем райкома партии Адлерского района Сочи, руководил тысячами людей и делал это вполне успешно. А вот с сыном совладать не смог. Володька, несмотря на молодость, был сам себе голова.

В конце концов отец сдался, махнул рукой. Хочешь стать офицером – езжай. И вчерашний выпускник школы Владимир Наон махнул в Ленинград, в знаменитую Фрунзенку – Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе.

Прошел медкомиссию, успешно сдал экзамены. А на «мандатке» начальник училища, старенький, седенький адмирал (во всяком случае, таким он показался семнадцатилетнему парню), сказал: «Давай, сынок, расскажи свою биографию». А что тут, собственно, рассказывать: родился, учился, не женился. Вот и начал Володька с того момента, как появился на свет. Отчеканил как положено: «Родился в 1933 году...» Хотел было перейти к делам школьным, да видит, у адмирала лицо от удивления вытянулось:

– Так тебе сколько лет, сынок? Семнадцать, что ли?

– Семнадцать, – подтвердил Наон.

– А ведь мы с восемнадцати принимаем. Таков закон.

Адмирал развел руками.

– Приезжай на следующий год.

Володька чуть не заплакал от обиды. Как это – на следующий год? А до восемнадцати как ему жить?

Но, как говорят, выше головы не прыгнешь. Собрал вещички и двинул в дорогу. Только не домой, а в Батайск, в Военное авиационное училище. Наон не собирался сдаваться. Тем более знал, в Батайском авиационном учат летать на реактивных самолетах.

Но и там его быстро вычислили как «малолетку» и отправили к месту постоянного жительства. Вернуться домой, к отцу, означало пойти в университет. А он мечтал о курсантской жизни. Однако мечты мечтами, а возвращаться пришлось.

Володька добрался до Краснодара и от нечего делать коротал время на вокзале, ждал поезд на Адлер. Случайно познакомился с ребятами, тоже выпускниками школы. Они ехали в Саратов – поступать в танковое военное училище. Те, видя его настроение, естественно, спросили: «Что киснешь?» Рассказал. И про Ленинград, и про Фрунзенку, и про Батайск. Пацаны поначалу притихли, осмысливая сказанное, а потом кто-то неожиданно предложил:

– А, была не была, давай с нами, в Саратов. Может, повезет.

– Поехали... – поддержали другие.

– Да что толку, – отмахнулся Володька. – Опять домой отправят.

– Авось не отправят, – успокаивали его ребята. – Бог троицу любит...

Это был серьезный аргумент, и Наон, подхватив свой чемоданчик, поспешил за своими новыми товарищами.

В Саратове все повторилось заново: медицина, экзамены, мандатная комиссия. У него были справки из обоих училищ об успешной сдаче вступительных испытаний, но Владимир их зажал, не показывал. Ведь ясно, предъявишь справку – и сразу вопрос: а почему не приняли? Потому и пошел он в третий раз по большому кругу, все сдал, выдержал, а на «мандатке» его опять завернули.

Вышел из кабинета, на душе кошки

скребут. Присел в комнате дежурного, вытащил из кармана куртки свои любимые спортивные значки.

– Твои, что ли? – спросил через плечо курсант, на рукаве – повязка помощника дежурного.

– Мои, – отозвался со вздохом Володька.

– А чего не весел, голову повесил?

– Да в училище не приняли.

– Как не приняли? – удивился помдеж. – С такими значками?! Да я с ними в любое военное училище поступлю.

Наон удивленно поднял голову. Курсант ткнул пальцем в значок второго спортивного разряда.

– Это по какому виду?

– По самбо.

– А тот?

– По боксу... У меня еще грамоты и дипломы есть, – с надеждой сказал Володька.

– Так вот, завтра натягивай все значки на грудь, бери под мышку дипломы и вперед на «мандатку». Только не стесняйся, будь понаглее. Точно примут, это я тебе говорю...

Назавтра Владимир Наон так и сделал: переступил порог кабинета, где заседали члены мандатной комиссии, – вся грудь в значках, а под мышкой – сверток с грамотами.

Начальник училища, генерал, бывший кавалерист, удивился:

– По-моему, ты вчера был, Наон.

– Да, был, вы меня не приняли. Но я хочу стать танкистом. Я что, виноват, что родился на год позже?

Генерал аж из-за стола подскочил от такой наглости. Захотел разглядеть поближе нахала, подошел и остановился. Стал рассматривать значки и, подобно вчерашнему помощнику дежурного, спрашивал: это по какому виду спорта, а это?..

Увидев сверток, попросил развернуть. Читал, удовлетворенно качал головой. Потом возвратился за стол комиссии.

– А впрочем, ему уже восемнадцатый год. Я в его лета уже шашкой беляков рубил. Ничего, жив, здоров. И он выдержит, парень крепкий, спортивный, – подвел итог генерал, оглядев членов комиссии. – Наон Владимир Ованесович, вы зачислены в училище. Думаю, возражений нет.

Возражений не было. Так Владимир стал курсантом Саратовского танкового командного училища.

Через два года его в числе лучших курсантов в качестве поощрения переведут в Ульяновское гвардейское танковое училище. Практиковался в ту пору подобный вид поощрения. Хотя был весьма спорным. Курсантов срывали из родного училища, из привычной обстановки, коллектива, и отправляли к новому месту учебы. Тем более что в Саратове обучение шло на тяжелых танках, а в Ульяновске – на средних.

Пришлось курсанту Наону срочно догонять своих товарищей по роте, которые уже два года учили средний танк. Но тем не менее догнал.

В 1953 году окончил училище и попал служить в Китай, на Ляодунский полуостров, в город Цзиньчжоу. Волей судьбы оказался не в танковом подразделении, а в батальоне, на вооружении которого стояли самоходные артиллерийские установки. Опять пришлось переучиваться.

Через два года советские войска из Китая стали выводить, и он в составе своего подразделения прибыл в Группу советских войск в Германии. Попал в 12-ю танковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Нойруппине.

Прибыв в отделение кадров, случайно услышал, что один из полков дивизии перевооружают на новые танки Т-54. «Ага, – решил он, – значит, есть возможность освоить самые современные боевые машины». И Наон во время беседы, как бы между прочим, заметил, мол, в училище изучал Т-54. Хотя на самом деле и в глаза его не видел. Разумеется, Владимира распределили в этот полк.

■ **Ульяновск. В. Наон (справа). 1953 г.**

«ВЫ НАМ ПОДХОДИТЕ»

Командиром взвода в полку лейтенант Наон был передовым, лучшим, но отношение к нему у руководства было неоднозначное. Уж очень отличался Владимир от других взводных. Он никогда не повышал голоса, не кричал на подчиненных, но потребовать, добиться своего умел, как никто другой.

На занятиях взводный дважды не повторял. Он заранее предупреждал об этом своих подчиненных. Проводит, к примеру, занятие по инженерной подготовке. Рассказывает об окопе полного профиля, дает для запоминания размеры. Однако видит, его предупреждению не все вняли. Поднимает солдата, просит назвать размеры окопа. Тот не слушал объяснения командира, мямлит, ответить не может. Нет, лейтенант не ругает его, не взывает к комсомольской совести. Приходит очередное воскресенье, и нерадивый солдат-двоечник в сопровождении взводного оказывается на полигоне.

Приказ: отрыть окоп полного профиля. Начинается работа. После упорного труда окоп готов. Лейтенант рулеткой придирчиво вымеряет стенки. Ошибся солдат: тут на десять сантиметров больше, а там на двадцать меньше. Окоп зарывается, и работа начинается заново. Перед этим двоечник докладывает взводному точные размеры саперной лопатки. Ведь у солдата нет рулетки, а стенки окопа лопаткой можно измерить.

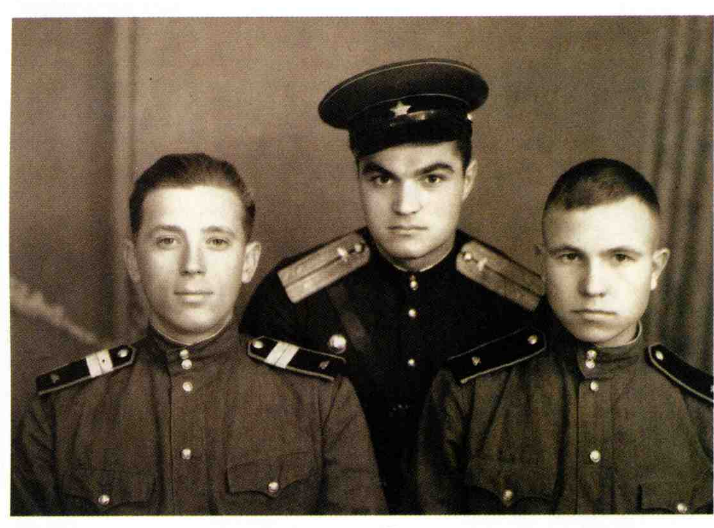
Такое воскресное воспитательное занятие дает прекрасные результаты: солдат не только натренирован в рытье окопа, но и на всю жизнь запоминает его размеры.

Подобных воспитательных приемов в арсенале лейтенанта Наона было немало. Однако не всякий вышестоящий командир одобрял их, а замполит батальона считал, что лучше «пропесочить» двоечника на комсомольском собрании. Но Владимир упрямо гнул свою линию. И она давала отличные результаты – взвод от проверки к проверке признавался лучшим в полку. За три года службы в ГСВГ за успешное командование подразделением и высокие результаты в боевой и политической подготовке Наон получил две грамоты ЦК комсомола. Всякий, кто помнит те времена, подтвердит: такие грамоты направо и налево не раздавали, их действительно надо было заработать.

Поговаривали, что его вот-вот выдвинут на роту, но неожиданно лейтенанта Наона вызвал к себе комдив. Честь высокая, редко какого взводного приглашает на разговор сам генерал. Казалось бы, радоваться надо, а Наон после беседы с комдивом огорчился. Дело в том, что генерал предложил ему

как лучшему взводному назначение в учебный батальон. Иные от такого назначения были бы вне себя от радости, но Владимир отказался. А батальон, между прочим, ходил в лучших, его командир сам объезжал подразделения, искал, подбирал офицеров.

Теперь пришла очередь удивляться и огорчаться командиру дивизии. Естественно, он спросил, почему Наон

■ **КНР. г. Цзиньчжоу. Лейтенант Наон с механиком-водителем и наводчиком. 1954 г.**

отказывается служить там, куда другие мечтают попасть. Лейтенант сказал, что, во-первых, видит себя только в боевых частях, а не в учебных, во-вторых, методы его работы с личным составом не вписываются в систему воспитания и обучения в батальоне.

Генерал позеленел от возмущения и, едва сдерживаясь, сказал, что командованию дивизии виднее, где и как использовать лейтенанта.

Так Наон оказался в учебном батальоне. Правда, комбат вскоре пожалел, что взял этого ершистого взводного к себе. Нет, служил лейтенант добросовестно, обязанности свои выполнял в полном объеме, и учебный взвод под его командованием так же числился в лучших. Но головной боли у командира прибавилось.

Любил комбат по утрам пройтись по территории части. Идет и вдруг видит – окурок. «Командира дежурной роты ко мне!» – звучит команда. Обязанности ротного исполняет лейтенант Наон. Появляется перед очами комбата.

– Это что, товарищ лейтенант?

– Окурок, товарищ майор.

– Почему на территории?

Вместо того, чтобы быстро устранить недостаток, исполняющий обязанности ротного с невинным видом заявляет:

– Это не ко мне вопрос, а к вашему заместителю. Такие папиросы курит только майор Кирий.

Ну какому командиру понравится подобный разговор? Однако опытному комбату признаваться, что он ошибся в подборе кадров, тоже не с руки. Что ему ответят? Да как обычно в таких случаях – воспитывайте. И тогда комбат использовал старый проверенный прием – выдвинуть Наона кандидатом для поступления в бронетанковую академию. Кто усомнится в правильности решения? Никто. Наон – образцовый офицер, лучший в соединении командир взвода. Словом, с глаз долой, из сердца вон. И, разумеется, подальше от себя.

Наон и здесь сопротивлялся как мог. Он хотел в академию на командный факультет, его же рекомендовали на инженерный.

Экзамены сдал успешно, поступил, отучился пять лет. По окончании просил послать его в любой гарнизон, где похолоднее, – в Забайкалье, на Чукотку, Камчатку. Послали в Закавказский военный округ, в Ахалкалаки.

Была еще одна беседа перед отъездом в часть. Правда, он не воспринял ее всерьез, тем более что на некие странные предложения Наон ответил в своем стиле – прямо, жестко, с насмешкой. Беседу вел полковник, как он представился, «одного из главных управлений Генштаба»:

– Мы изучили ваше личное дело. Вы нам подходите.

– Товарищ полковник, а чем я буду заниматься, что делать? Объясните.

– Этого вам сейчас сказать не могу.

– Но тогда возникает другой вопрос: я вам подхожу, а вы мне? Поймите, здесь я получил образование, люблю и знаю свое дело. То, что вы предлагаете, не представляю.

На том и разошлись. Полковник, видимо, ушел в свое главное управление, Наон уехал в Ахалкалаки.

В дивизии его назначили старшим помощником замкомдива по технической части. Однако он целый год исполнял обязанности зампотеха соединения, так как его начальник находился в командировке на Кубе.

Однажды Наона пригласили на беседу. «Неужто вновь полковник одного из главных управлений Генштаба?» – подумал Владимир. Однако на сей раз приехал вполне нормальный, понимающий офицер. Рассказал, что он представляет Главное разведывательное управление и о Наоне не забыли в Москве. Предложил стать кандидатом для поступления в военно-дипломатическую академию.

– Боюсь, что в моей биографии есть один сложный момент, – признался Наон, – и я вам не подойду.

– Говорите.

– Моя сестра вышла замуж за румына и покончила жизнь самоубийством.

Полковник улыбнулся и сказал:

– Правильно, что не умолчали, но мы это знаем. Наше предложение остается в силе.

Вскоре капитана Владимира Наона перевели в разведуправление Закавказского военного округа на стажировку. На следующий год он уехал в Москву, сдал экзамены. На мандатной комиссии ему задали всего два вопроса. Первый: что это за значок у него на груди? Наон ответил: «Мастер вождения».

Второй вопрос задал седой человек, с красивыми вьющимися волосами. Был он в гражданском костюме, сидел в сторонке, что-то черкал на листе бумаги, и казалось, совсем не слушал, о чем говорят члены мандатной комиссии.

Когда начальник академии спросил, есть ли еще вопросы, седой встал, подошел к Наону, показал лист бумаги. Владимира удивило, с каким мастерством был сделан карандашный набросок одного из лидеров арабского мира.

– Это кто? – спросил седой.

– Гамаль Абдель Насер, – ответил Наон.

– Я его беру, – сказал седой членам комиссии.

Позже Владимир Ованесович узнает: это был начальник ближневосточного управления ГРУ генерал Сеськин. «Так я попал на арабский язык, – скажет в беседе со мной Наон. – Было неимоверно тяжело. Приходил и до полуночи учил. В шесть утра вставал и опять зубрил. Но язык не шел совершенно. Со второго курса стали давать нам английский. И вот мне сдавать госэкзамены по арабскому языку, а я начинаю успешно говорить на английском.

И тем не менее экзамены сдал, из академии выпустился и был назначен помощником военного атташе в Египет.

4 апреля 1970 года я прибыл в Каир».

ВЫГОВОР ОТ МИНИСТРА И ОРДЕН НА ГРУДИ

К тому времени Владимиру Наону исполнилось 37 лет. Он уже двадцать лет носил погоны, имел солидный послужной список, но вот в разведке, на практической работе подполковник делал только первые шаги.

К счастью, ему повезло на учителей. В ту пору резидентом советской военной разведки в Египте был генерал Николай Леонидович Румянцев. Личность неординарная, профессионал самой высокой пробы, с огромным опытом работы за рубежом.

Вот как о нем вспоминал сам Наон. «У Румянцева была потрясающая работоспособность. Мог работать без отдыха сутками. А еще он всегда мыслил нестандартно.

Однажды «дед» (так мы звали Николая Леонидовича между собой) дал мне предметный урок по подбору тайников. Для разведчика тайник – первейшая забота. Ходишь, смотришь, выбираешь. Потом, как учили в академии, описываешь. Ну вот я присмотрел такой тайник, описал. «Дед» прочел и говорит:

– Поехали, посмотрим.

Приехали. Он все оглядел, ничего не сказал. Молча вернулись в посольство.

Наступил вечер. «Дед» меня вызывает:

– Вперед, по коням. Туда же.

Едем, пока ничего не понимаю. Останавливаемся. Выходим из машины. И... немая сцена.

Слева и справа от того места, где я выбрал тайник, два огромных фонаря. Горят ярко, светло, как днем. Как к такому тайнику подойдешь?

– Ты теперь все понял? – спрашивает «дед». – Место для тайника надо выбирать ночью, а сам тайник – днем. Отличный урок».

Потом Наон, когда сам станет руководителем разведаппарата, будет постоянно применять «метод Румянцева». Только, разумеется, дополнит и разовьет его.

Помнится, подчиненный подберет тайник и будет настаивать, доказывая, сколь он хорош. «Ладно, – согласится Наон, – у нас сегодня день зарплаты. Так вот, половину оставишь в тайнике, а я через сутки лично заберу ее оттуда».

Офицер задумался, притих. Потом воспринял слова шефа за розыгрыш.

– Что вы, Владимир Ованесович, это же зарплата.

– А агент, который придет к тайнику, между прочим, туда не зарплату кладет, а голову.

Больше подчиненный не проронил

■ В. Наон (справа). ГСВГ, 1955 г.

ни слова. Только попросил поработать еще некоторое время над выбором тайника.

Да уж, генерал Румянцев был классным педагогом. Однажды, напрочь выбившись из сил, использовав, на свой взгляд, все возможные варианты подхода к агенту, Владимир Наон сдался.

Право слово, не в его правилах сдаваться, но тут, как казалось разведчику, был случай особый. А познакомиться помощник военного атташе желал ни много ни мало, а с египетским генералом. Станет ли этот генерал впоследствии источником, время покажет, а пока задача одна – «подойти к нему поближе», как говорят в разведке.

В общем, пробовал Владимир и так и этак – не выходит. Пришло время, доложил шефу все как есть. Тот выслушал, да как гаркнет:

– Ах, мать вашу, никто думать не хочет!

– Да думал я, все время думал, – пытался оправдаться Наон.

– Плохо думал. Разбей ему машину. И дело с концом. – Видя, как опешил подполковник, Румянцев улыбнулся: – Заодно и повод будет познакомиться.

Разбить машину... Для молодого советского разведчика, чье детство пришлось на войну, а юность – на голодные послевоенные годы, проделать подобное – фантастика. Ему и в голову такое прийти не могло.

Но шеф дал добро. И через два дня старенькая посольская «Волга», неуклюже пытаясь припарковаться у небольшой лавчонки рядом с домом генерала, разбила фару у «мерседеса».

Из «Волги» вышли двое, из магазина выскочил испуганный хозяин. Все ахали, сожалели.

Один из этих двоих спросил лавочника:

– Кто хозяин этой машины?

– О, это большой человек! – закатил глаза к небу араб.

– Он в форме?

– Да, но форму надевает редко. По праздникам. – И тут же посоветовал: – Вы уезжайте скорее, он сегодня был не в духе.

Наон не согласился:

– Как же уехать, ведь мы разбили машину. Где он живет?

Хозяин лавки назвал подъезд, квартиру. Владимир Ованесович поднимается, звонит. Дверь открывает заспанный недовольный генерал. Происходит объяснение не из приятных: мол, я, работник советского посольства, случайно разбил фару у вашей машины. Но обязуюсь восстановить, а пока она будет в ремонте, поработаю у вас за водителя.

Назавтра Наон отвез генерала на службу, доставил обратно, на следующий день проделал то же. Вечером, когда возвращались к дому генерала, отремонтированный сияющий «мерседес» уже был на стоянке. Так они познакомились.

За четыре года работы в Египте у Владимира Наона было много всякого. Попал он и на войну, ту самую, которую египтяне назвали операцией «Бадр», а израильтяне – «Иом-Киппур», что в переводе на русский означает «день искушения», или «день суда». Советские историки именовали ее «октябрьской войной 1973 года».

Конечно, он не шел с передовыми частями наступающих египетских войск и не сидел в окопах с солдатами 3-й армии, но у него были свои очень важные задачи. Каждый день помощник советского военного атташе проводил в войсках, чтобы собственными глазами убедиться, в каком положении находятся противоборствующие силы, каковы итоги боев, потери и многое другое, что интересовало в те дни Москву. Дважды в сутки он добирался с фронта в посольство, чтобы написать отчет. А утром – новая поездка на фронт. Такой график был у Владимира Ованесовича практически целый месяц.

«Жутко тяжелый месяц, – признавался Наон. – С передового командного пункта надо было отмахать 120 километров. Усталось дикая. Хорошо, что там пустыня, максимум в песок зароешься. Вот я выезжал, намечал две точки и, закрыв глаза, старался делать только одно – держать руль прямо. Доезжал до предполагаемой точки, и все повторялось заново».

На той войне он увидел такое, что не сможет забыть потом всю жизнь. Например, расстрел танковой колонны израильской бригады. Египтяне устроили примитивную засаду у дороги, подбили первые два танка, последний, и началась бойня. Боевые машины пылали как свечки, солдаты выскакивали из танков. Бежали. Падали убитые, раненые...

Потом вместе с офицером из египетского генштаба побывали на поле боя. Страшная картина. Остовы догорающих танков, погибшие... Увидел убитого молодого мальчонку, израильского танкиста. Лет девятнадцать, не больше, лицо открытое, красивое, ветерок шевелит волосы на голове.

■ На полевых занятиях в академии. 1962 г.

Часа через два, когда возвращались обратно, Наон вновь отыскал глазами этого израильского юношу. Но теперь он лежал почему-то босой. Стало горько на сердце: неужто украли ботинки? Присмотрелся, оказывается, ботинки лежали рядом. Солнце высушило труп, ступни усохли, и обувь свалилась с ног. Голова танкиста тоже ссохлась, стала с кулачок, и только ветер по-прежнему шевелил его густые волосы.

Разумеется, кроме самой свежей информации с переднего края, на сотрудниках атташата лежала другая традиционная задача – добывание образцов новой военной техники и оружия. А поскольку израильтянам эта самая техника и оружие поставлялись из США, задача обретала особую ценность.

На первый взгляд тут не было никакой проблемы. В те годы Египет – дружественная Советскому Союзу страна. Вся их армия оснащена нашим оружием. В период той же октябрьской войны 1973 года СССР организовал по сути воздушный мост. В Египет, в Сирию, в Ирак на самолетах АНТ-12, АНТ-16, АНТ-22 перебрасывались боевая техника, оружие, боеприпасы, словом, все необходимое для ведения войны.

В свою очередь, подобным образом американцы помогали израильтянам. Казалось бы, стороны определились: ясно, где друг, а где враг. Однако на самом деле все обстояло намного сложнее. После смерти президента Гамаль Абдель Насера Египтом вот уже третий год правил Анвар Садат. Он проводил иную политику, чем его предшественник. От помощи Советского Союза не отказывался, но по всему чувствовалось охлаждение отношений между двумя странами. А летом 1972 года советских специалистов и вовсе попросили из страны. Так и объявили: по решению египетских властей миссия советских военных специалистов прекращается.

Кстати, с изменением политики администрации президента Садата связана поучительная история из жизни помощника военного атташе Владимира Наона.

За несколько месяцев до высылки советских специалистов из Египта, когда, казалось, отношения между нашими странами по-прежнему были безоблачны и крепки, один из ценных источников Наона, имеющих доступ к информации государственной важности, принес поистине шокирующую весть: принято решение отказаться от помощи военных советников и специалистов из СССР. Когда это будет осуществлено, источник не знал, но то, что принципиальное решение принято, утверждал со стопроцентной уверенностью.

Действительно, информация неожиданная и в ту пору больше похожая на некую провокацию, чем на правду. По существу, этот агент, как оракул, предсказывал крушение почти двадцатилетнего сотрудничества между СССР и Египтом. В такое трудно было поверить.

Резидент приглашал к себе подполковника Наона еще и еще раз. Но ничего нового Владимир Ованесович добавить не мог, кроме того, что источник надежный, а решение в Каире было принято в узком кругу президента Садата и его самых близких соратников.

После раздумий, сомнений резидент все-таки принял решение, и в Москву была отправлена соответствующая телеграмма.

Три дня Центр молчал. Потом в резидентуру пришел разгромный ответ. Информация источника Наона была названа дезинформацией, а резидент строго предупрежден. В телеграмме – резюме: подобная дезинформация может нанести ущерб долголетним советско-египетским отношениям.

Владимир Ованесович потом не раз возвращался в мыслях к этой жесткой оценке Москвы. Каким образом его развединформация могла помешать отношениям двух стран, сложно сказать. Но с Центром особо не поспоришь. Тем более в данном случае.

Жизнь вскоре подтвердила правильность действий ценного источника, его руководителя Наона и резидента, однако официально этого никто не признал. Да и кому хочется посыпать голову пеплом и каяться в своих ошибках. Хотя пример весьма показательный.

...Однако вернемся в 1973 год, в октябрьские дни, к задаче, которую выполняли наши разведчики, – добывание образцов военной техники вероятного противника.

«Мелочовку от египтян, – вспоминал Владимир Ованесович Наон, – какие-то мины, снаряды, которые и не шибко нам были нужны, мы получали без проблем.

Шариковые бомбы имели. Поначалу ведь непонятно было, от чего погибает человек. Ранение в ногу вроде нетяжелое, а солдат погиб. Почему? Оказывается, от болевого шока.

Получили от египтян танк «центурион». Но это же старье, ничего интересного. Он нам был известен от и до еще в академии. А вот как только дело дошло до новых моделей американских боевых машин, тут – стоп! Все кивают наверх. Хорошо, идем с атташе к начальнику генштаба. Мило улыбается: «Конечно, дадим. Есть у нас такие образцы, захвачены. Но я не вправе. Только министр обороны может дать добро».

Идем к министру. Та же картина. Только теперь министр кивает на президента».

С огромным трудом военному атташе и его помощнику удалось добиться разрешения на передачу танка советской стороне и отправку его в Москву. Но даже на последнем этапе, когда, казалось, самые «высокие» разрешения получены, им пытались вставить палки в колеса. Возможно, египетским генералам это и удалось бы, но, увы, им не повезло. Помощник военного атташе Советского Союза подполковник Владимир Наон оказался танкистом. Более того, в академии он учился на инженерном факультете, а потом служил зампотехом. Так что танки, как свои, так и чужие, знал отменно. Конечно, новейший американский танк, захваченный в ходе боев у израильтян, он видел впервые, но это не меняло сути дела.

А вот египтяне думали иначе. Они надеялись, что обхитрят советских офицеров. Тем более что военный атташе был морским офицером. Откуда ему знать американские танки?

Словом, египетские военные показали впервые американский танк и дали согласие – забирайте. Правда, уточнили: как будете вывозить?

– Самолетом, – ответил атташе.

– Не выйдет, пушка развернута на 90 градусов. Не влезет даже в самый большой самолет.

– Так мы ее развернем...

На это хитрые египтяне только усмехнулись:

– Она не разворачивается.

– Почему?

Начальник бронетанковых войск генерал Самир показал Наону на башне небольшую вмятину:

– Заклинило от удара.

Теперь пришло время улыбнуться Наону. «Что ж ты мне мозги пудришь, – подумал про себя Владимир Ованесович, – от такого удара башню не заклинит».

Пришлось залезть в танк. Подполковник осмотрелся. «Вот тут должна быть шестерня, на которой и вращается башня». Отвернул несколько болтов, снял так называемый погон башни, который прикрывает шестерню. А вот и «подарок», подготовленный египтянами, – стальные шарики, аккуратно уложенные между зубьями шестерни. Они-то и заклинивали башню.

«Это же задачка для первоклассников», – хмыкнул Наон.

Через несколько минут к изумлению и досаде бронетанкового генерала башня начала отменно вращаться и была установлена в нужное положение.

Однако теперь запустить двигатель танка не удалось. Но вскоре неисправность обнаружилась: чья-то «услужливая» рука разъединила контакты, вставив между ними картонку.

Вскоре «американец» взревел всей мощью двигателя, и это говорило о рухнувших надеждах египтян.

...В тот же день боевая машина была отправлена в Москву. Правда, Владимир Наон еще не знал, что именно этот танк, который они с таким трудом вырвали у египтян, станет причиной для его... наказания. Да еще какого наказания. Он, подполковник, попадет в приказ самого министра обороны.

А произойдет это следующим образом. В сумасшедшей спешке, в борьбе с египтянами, он заберет танк, загонит его в самолет, но не успеет проверить пушку. Лайнер проделает путь Каир – Будапешт – Москва. В Чкаловском его выгонят из самолета, откроют клин танковой пушки и оттуда выскользнет снаряд. Так что выговор в приказе министра обороны поделом, считал сам Владимир Ованесович. Остается добавить, что по итогам командировки в Египет он получил еще и орден Красной Звезды. Что поделаешь, таковы парадоксы жизни военного разведчика: за одно и то же можно сразу получить и выговор, и орден.

ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО

По возвращении из Египта подполковник Владимир Наон два года служил в центральном аппарате ГРУ. «В Центре больше двух лет сидеть не на пользу, – скажет однажды в беседе с автором этих строк Владимир Ованесович. – И когда начальник управления генерал Вилков вызвал меня на беседу, внутренне я уже был готов двинуть в командировку. Куда? Тоже примерно знал. До этого несколько офицеров в Южный Йемен отказались ехать. Кому климат не подходит, а кто уже в Москве пригрелся – не оторвать.

Словом, Вилков предложил мне место военного атташе в Адене. Я согласился. Сказал тогда, что не стану обещать горы свернуть, а вдруг не сверну, но работать буду честно и добросовестно.

7 мая 1976 года только что назначенный министром обороны Дмитрий Федорович Устинов досрочно присвоил мне звание полковник и назначил военным атташе Советского Союза в Народной Демократической Республике Йемен».

Тогда Владимир Наон не знал, не ведал, что вся его последующая служба с некоторым перерывом будет связана с Йеменом, сначала с Южным, а потом уже и с объединенным. Десять лет жизни проведет он в этой арабской стране на юге Аравийского полуострова.

Это будут тревожные, непростые годы в истории Йемена – военный переворот 1978-го, вооруженное столкновение между сторонниками президента страны Салем Рубейя Али и генерального секретаря социалистической партии Абдель Фаттах Исмаила. Все произойдет во время первого пребывания Наона в Йемене. Вторая командировка в январе 1986 года и срочное прибытие в Аден Владимира Наона и вовсе будут происходить во время гражданской войны, когда все дороги в Южный Йемен окажутся перекрыты. Его путь в охваченную войной страну – история особая, и рассказ о ней впереди.

Так что это были десять лет напряженной, опасной работы.

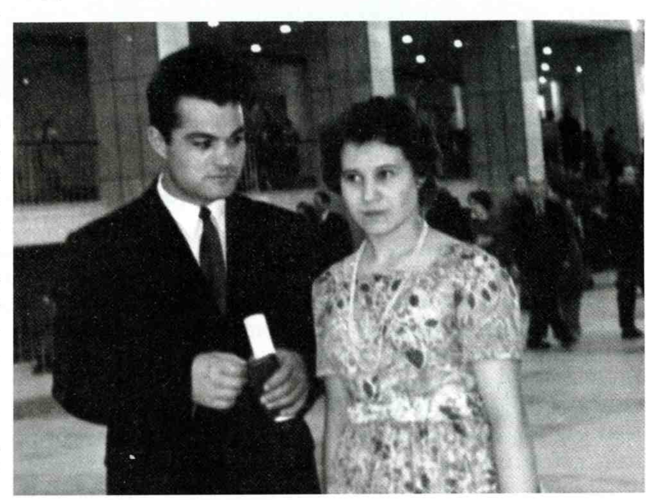
А началась она с того, что Москва... не поверила своему атташе в Южном Йемене.

«Когда я приехал в Аден, – рассказывал Владимир Ованесович, – это была тихая, мирная страна. В декабре 1977-го пишу доклад о состоянии военно-политической обстановки. Получилась такая огромная телеграмма. В ней главное – неизбежность вооруженного столкновения двух лидеров, то есть, иными словами, гражданская война. Ну а кому же об этом хочется слышать? Все было мирно, тихо, а тут Наон войну напророчил.

Сначала я назвал срок ноябрь-декабрь, но чуть позже, в апреле, в новой телеграмме в Центр, уточнил – вооруженное столкновение произойдет не позднее конца августа. Было ясно, ни тому, ни другому отступать некуда. Но мы еще могли их остановить. Я предлагал пригласить и Салем Рубейя Али, и Абдель Фаттах Исмаила в Москву и сказать: «Вы нам оба нужны, но не каждый в отдельности. Только вместе. Езжайте, работайте».

К сожалению, этого не сказали. И как я узнал позже, в Центре решили, что Наон вообще перегрелся. Мол, климат тропический, тяжелый, атташе два года в отпуске не был. Разрешили пойти в отпуск».

Но все это будет потом. А пока страна упорно двигалась к гражданской войне.

С женой в Большом Кремлевском дворце. 1963 г.

По мнению Владимира Наона, у Рубейя оставался единственный выход: объявить войну Йеменской Арабской Республике. Пусть война продлится сутки, двое, неделю, неважно, но это даст возможность верховному главнокомандующему поднять войска, ввести их в Аден и блокировать партийную верхушку.

В июне, накануне трагических событий, Наон вновь докладывает в Москву: противоборство двух враждующих сторон приняло острый и необратимый характер, вооруженное столкновение неизбежно.

До полуночи советский военный атташе находился в посольстве. Но в городе было тихо, и он уехал домой. Лег спать, а уснуть не мог: сверлила мысль, неужто ошибся?

Едва задремал, как в два часа ночи его разбудил грохот орудий. Началось. Президент вывел из казарм бригаду и открыл артиллерийский огонь по зданию ЦК партии и правительства.

■ **Наон (второй справа) с будущим президентом Египта Хосни Мубараком (первый справа). Каир, 1971 г.**

Владимир Ованесович решил офицеров атташата не посылать под пули, но сам выехал, чтобы осмотреться, разобраться в обстановке. На машине поднялся на сопку, которая господствовала над городом. Видно было – стреляют в разных концах столицы.

Чтобы получше рассмотреть, вышел из автомобиля. Едва отступил на несколько шагов, как по машине ударила автоматная очередь. Неизвестный стрелок, видимо, заметил свет в салоне, когда он открывал дверь, и нажал на курок, к счастью, с небольшим опозданием. Утром Владимир Ованесович так и приехал в посольство на автомобиле, пробитом пулями.

Еще сутки в городе шли бои. Все закончилось победой Абдель Фаттах Исмаила и его сторонников. Однако победа была пиррова. Новый президент и генсек в одном лице – руководитель слабый, безвольный, пристрастившийся к выпивке, всюду за собой таскал любовницу. Уже через несколько месяцев стало ясно, что он обречен.

Один из агентов Наона, близкий к высшим руководителям страны, принес тревожную весть: Абдель Фаттах Исмаила будут снимать. А это могло повлечь за собой роковые последствия.

Наон доложил эту информацию послу Борису Федотову. Тот, откровенно говоря, поначалу отнесся к ней с недоверием. «Вчера был у него, – сказал посол. – Фаттах спокоен, считает, что оснований для беспокойства нет».

Помнится, тогда Наон только и ответил послу, что может сказать руководитель, который не только не контролирует ситуацию, но даже себя. На том и разошлись.

А через несколько дней ночью в дверь квартиры военного атташе постучали. На пороге стоял испуганный агент:

– Фаттаха будут расстреливать!..

Полковник Наон быстро оделся, прыгнул в машину и погнал к зданию центрального комитета. Здание было окружено танками.

Владимир Ованесович развернулся, помчался в посольство. Поднял с постели заспанного посла, рассказал о случившемся.

– Надо спасать Фаттаха, – вымолвил Федотов.

Пока собирались, стало известно, что Фаттах Исмаила перевезли из здания ЦК в президентский дворец. Вскоре посол Федотов и военный атташе полковник Наон были у ворот дворца. К ним навстречу вышел министр иностранных дел.

– У нас личное послание руководителя Советского Союза для вашего президента.

Министр замялся, бормотал что-то невнятное, но посла уже было не остановить. Их проводили в президентские покои. Перед ними предстал бледный, еле живой Абдель Фаттах Исмаил.

– Вот что, господа, – сказал советский посол, – кто будет президентом в стране, это ваше внутреннее дело, но если с Фаттах Исмаила упадет хоть один волос, вся ответственность ляжет на вас. – И он обвел взглядом присутствующих здесь премьер-министра, министра иностранных дел, других руководителей. – В зависимости от этого Советский Союз будет определять свою будущую политику по отношению к вашей стране.

Он повернулся к Наону.

– Пожалуйста, военный атташе может подтвердить мои слова.

Все это время Владимир Ованесович стоял спиной к окну. Услышав слова посла, он сделал шаг в сторону, чтобы подойти поближе к Федотову, и потянул плечом штору. Окно обнажилось, с улицы ударил яркий свет, и все вдруг увидели несколько красавцев – советских боевых кораблей, которые мирно покачивались на лазурных волнах Аденского залива.

В кабинете неожиданно стало тихо. Йеменские руководители завороженно смотрели на залив. Первым заговорил премьер-министр. Он заверил, что у них и в мыслях не было убивать Фаттаха.

...Когда посол и военный атташе покидали президентский дворец, Федотов с улыбкой спросил:

– Ты это специально финт со шторой проделал, Владимир Ованесович?

– Да нет, Борис Николаевич, случайно. – И хитро подмигнул послу. – А что, неслабый аргумент в поддержку ваших слов. Главное, своевременный.

Они оба от души рассмеялись.

«ДОПЛЫВУ, СЫНКИ...»

Вторая командировка в Аден состоялась у полковника Наона в начале 1986 года. По сути, он опять попал на войну. В Южном Йемене вновь стреляли друг в друга.

Несколько лет старый знакомый Наона – Абдель Фаттах Исмаил провел в Советском Союзе. Затем он возвратился в Йемен. Его ввели в политбюро ЦК партии, и когда Фаттах стал набирать силу и авторитет, противники устроили на него покушение. Специально подготовленный убийца под видом официанта принес чай в кабинет, где заседали Фаттах, заместитель премьера Али Антар, министр обороны Касем, начальник политуправления Алишея. Выхватив автомат, он расстрелял всех, кто находился там. Это стало началом гражданской войны.

Что и говорить, война есть война. И, разумеется, в таких экстремальных условиях дипломаты нередко попадают в сложное положение. Однако, как ни горько в этом признаваться, советский военный атташе, мягко говоря, повел себя неадекватно. Было приня-

то решение отозвать его на родину. На замену в Южный Йемен срочно убыл полковник Наон.

– Когда я приехал в Аден, – рассказывал Владимир Ованесович, – оставалось только посочувствовать коллеге, сказал тогда: «Мне кажется, тебя неласково встретят в Москве». Да он и сам это понимал.

Но до того момента, как Наон взглянул в глаза коллеге, было целое путешествие.

Это в мирное время сел на самолет, загрузился в пароход, долго ли, коротко, но добрался до места службы, где бы оно ни располагалось. Но война ставит иные проблемы. Как попасть в страну, в которой идут боевые действия и все въезды в нее – дороги, вокзалы, порты, аэродромы – закрыты. Считай, как в кино – миссия не выполнима. Только тут не кино, а суровая действительность.

К счастью, прошлая командировка не пропала даром: Наон хорошо знал этот регион. Поэтому путь его сначала лежал в Северный Йемен, оттуда – в Джибути. Перед отъездом руководство военной разведки договорилось с Главным штабом Военно-морского флота о посылке в Джибути корабля, на котором военного атташе полковника Владимира Наона предстояло доставить в Аден. Иного пути просто не было.

«В общем, из Джибути, – вспоминал Владимир Ованесович, – отправил телеграмму в Главный штаб ВМФ. Корабль прибыл, на него, кстати, пришлось пробираться с большим трудом. Ведь это в Йемене я военный атташе Советского Союза, а в Джибути – кто такой? Да никто. И в порт кто меня официально пропустит?

Пришлось действовать неофициально. В Джибути родной язык арабский, но все, особенно иностранцы, говорят на французском. А я с пограничником завел разговор по-арабски. Они, конечно, размякли, заулыбались, вдобавок блок сигарет, две бутылки виски сделали свое дело. Через час я уже загружался в нашу шлюпку – и вперед на родной, советский корабль.

А у меня ведь в мешке радиостанция, документация. Только подумаешь – вспотеешь. Если что, трибунал».

Однако все прошло, как говорят космонавты, в штатном режиме. Хотя сама ситуация уникальна. Военный атташе, миновав все границы, высаживается с борта советского десантного корабля в Аденском заливе.

Так оно и было. Наш десантный корабль, замаскированный под нефтеналивной танкер, через несколько часов пути лег на курс Адена. Когда стали подходить ближе к берегу, Наон, помнится, не удержался, подсказал капитану, мол, возьми правее, а то сядешь на мель. Капитан сильно удивился, что сухопутный пассажир указывает морскому волку, куда идти: вот перед ним лоция.

– Да ты не обижайся, командир. Я тут каждый камешек знаю. В первый заезд подводной охотой увлекался, изучил залив как свои пять пальцев, – успокоил Наон.

Корабль остановился на рейде. Вновь Владимир Ованесович, вместе с мешком, погрузился в шлюпку – и к берегу.

А на берегу тем временем стреляли. Не доходя метров ста пятидесяти, полковник Наон приказал: «Давайте, ребята, назад, на корабль, а я уж сам доберусь». Старший из матросов пытался возразить: «Как же вы до берега догребете с таким баулом?» – «Догребу, сынки, а вами рисковать не хочу. Мало ли кто с берега увидит шлюпку, подумает недоброе. А один я скорее проскользну».

Наон знал, он опытный пловец, до берега доберется благополучно, даже с тяжелым мешком. А дальше уже своя земля – территория советского посольства в Адене выходила прямо к заливу.

Сотрудники аппарата военного атташе потеряли дар речи, когда увидели своего нового шефа, мокрого с ног до головы, с мешком за плечами.

– Откуда вы, товарищ полковник?

– Со стороны Аравийского моря. Иначе к вам не попасть. Вы же здесь, как в осажденной крепости.

На следующий день Владимир Ованесович поехал к своему старому знакомому – начальнику бронетанковых войск. За эти годы главный танкист вырос в должности – возглавил генеральный штаб.

А в первую свою командировку с этим йеменским генералом они дружили. Генерал в свое время окончил Бронетанковую академию в Москве, с симпатией относился к нашей стране. Но сошлись советский военный атташе и йеменский генерал не только на этом. Как-то на учениях танкисты местной бригады утопили танк, а Наон, присутствовавший на маневрах, подсказал, как проще, легче и быстрее вытащить боевую машину.

С тех пор при встречах с генералом военный атташе шутил:

– Как там мой танк? Смотри, если содержится не в порядке, заберу.

■ Визит генерала армии А. Лизичева в Йемен. Аден, 1987 г.

Генералу нравилась эта шутка. Теперь Наон ехал в генштаб и надеялся, что генерал не забыл его.

«Приезжаю, захожу в приемную, – поведал Владимир Ованесович, – а порученец у него все тот же. Знает меня прекрасно. Увидел, глаза округлились, вскочил, поспешил доложить. Я остановил его: «Сиди, сам доложу...» Открываю дверь, захожу. Начальник генштаба сидит за столом, скользнул мимолетным взглядом, в лицо даже не посмотрел. А моего предшественника он не жаловал. Подхожу, кладу руку на плечо и по-русски говорю:

– Ты, может, поздороваешься, а то ведь заберу свой танк.

Генерал вскинул голову, удивился:

– Владимир, откуда? Не знал, что ты приехал».

Посидели. Поговорили. Вспомнили былое. Владимир Ованесович вытащил паспорт, другие документы, попросил, чтобы сделали отметку, что въехал в страну официально.

– Хорошо, – сказал генерал, – паспорт – через час, остальные документы – завтра.

И, что самое важное, слово сдержал. Так началась его вторая командировка в Аден. Здесь полковник Наон пережил объединение Северного и Южного Йемена и стал руководителем аппарата ВАТ в новой столице государства – Сане, активно работал со своими офицерами в период первой ирако-кувейтской войны. Возвратился домой, в Москву, в октябре 1991 года, считай, в другую страну. Ему уже было 58 лет, более сорока из которых он отдал армии.

ГАЛЕРЕЯ

Автоматическая винтовка G-36 разработана немецкой фирмой «Хеклер и Кох». Фирменное наименование винтовки НК-50. Работы над ее созданием велись с начала 90-х годов прошлого столетия. На вооружение бундесвера поступила в 1995 году. По некоторым данным, еще в 1994 году было принято решение о покупке относительно небольшого числа этих винтовок – 33.500 экземпляров для вооружения частей быстрого реагирования бундесвера. В 1999 году винтовка G-36 поступила на вооружение испанской армии. Кроме этого, известно о покупке винтовок G-36 для вооружения полиций Великобритании и США.

При разработке винтовки G-36 компания «Хеклер и Кох» в значительной мере отошла от своих, казалось бы, твердо устоявшихся принципов. В частности, вместо запирания канала ствола полусвободным роликовым затвором фирма применила жесткое запирание поворотным затвором. По конструкции винтовка соответствует требованиям, предъявляемым к такому оружию, а по эффективности огня превосходит существующие аналоги. Технологически G-36 адаптирована для изготовления на современном высокопроизводительном оборудовании.

По типу автоматики G-36 относится к оружию газоотводного типа с отводом газов из канала ствола через боковое отверстие в стволе. Газоотводный узел газового регулятора не имеет. Газовый поршень со штоком-толкателем выполнены отдельно от стебля затвора и имеют короткий ход. С целью уменьшения величины воздействия на оружие импульса газовой камеры диаметр поршня выполнен весьма небольшим, при предельно уменьшенной массе поршня со штоком. Жесткое запирание канала ствола обеспечивается шестью боевыми упорами легкого поворотного затвора, что позволяет получить небольшой угол его поворота – 30 градусов. Основная масса стебля затвора расположена над осью канала ствола. Верхняя часть стебля выходит вверх наружу из затворной коробки, выступающая вперед часть стебля несет на себе рукоятку перезаряжания, которая в походном положении оружия расположена вдоль затворной коробки и удерживается пружиной. Для перезаряжания оружия рукоятка может быть повернута на правую или на левую сторону. Стебель затвора движется на длинном стальном стержне, выступающем из затыльника. На этот же стержень одета возвратная пружина.

Ударно-спусковой механизм куркового типа выполнен в виде отдельного отъемного узла, совмещенного с рукояткой управления и спусковой скобой. Переключение режима огня производится флажковым предохранителем-переводчиком, находящимся в положении, удобном для переключения большим пальцем, и продублированным на обе стороны рукоятки. Таким образом, оружие одинаково удобно для стрельбы как с правой, так и с левой руки. Существуют варианты ударно-спускового механизма с отсечкой длины очереди в два и три выстрела. Затворная коробка выполнена из прочной литьевой пластмассы со стальными вкладышами. Из этого же материала выполнено и цевье. Приклад винтовки складной на правую сторону оружия, изготовлен из такой же пластмассы.

Сверху затворной коробки находится транспортировочная рукоятка с прицельными приспособлениями. Ими являются встроенный в рукоятку 3,5-кратный оптический прицел и находящийся над ним съемный коллиматорный прицел. Коллиматорный прицел удобен для быстрой стрельбы «навскидку» на ближних дистанциях, оптический прицел необходим для точной стрельбы по целям, находящимся на больших расстояниях.

Питание патронами производится из 30-зарядных секторных магазинов с двухрядным расположением патронов и двухрядным их выходом. Корпуса магазинов изготовлены из прозрачной пластмассы, что дает возможность следить за наличием патронов в магазине. Боковые стенки магазинов имеют устройства, позволяющие соединять магазины в пакеты по три магазина. Для ускоренного снаряжения магазинов патронами есть специальный переходник и обоймы, снаряженные десятью патронами. В G-36 могут использоваться любые стандартные

5,56-мм немецкая автоматическая винтовка

G-36

Основные характеристики

Вес, кг	4,1
Длина с откинутым прикладом, мм	1.000
Длина со сложенным прикладом, мм	758
Длина ствола, мм	480
Прицельная дальность, м	800
Начальная скорость пули, м/с	925
Темп стрельбы, выстр./мин.	750
Емкость магазина, патр.	30

магазины НАТО и двойные барабанные магазины Beta-C на 100 патронов. Отражение стреляных гильз производится в правую сторону.

На винтовке может устанавливаться штык-нож, заимствованный от 5,45-мм автомата АК-74 производства ГДР, а также 40-мм подствольный гранатомет производства «Хеклер и Кох». Пламегаситель G-36 имеет стандартный диаметр для метания винтовочных гранат.

На базе винтовки G-36 создан ручной пулемет MG-36, имеющий более длинный ствол и сошки.

По отзывам отечественных специалистов, стрелявших из G-36, точность стрельбы одиночным огнем из этой винтовки лучше, чем при стрельбе из автомата АК-74.

КОГДА ДЕРЕВЬЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ «ИЗГНАННОЙ» ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РХБЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В свою бытность Военная академия химической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, как она именовалась раньше, не нуждалась в особом представлении. Энциклопедия «Москва» почтительно сообщала об этом учебном заведении, что оно является кузницей командных и инженерных кадров для химических войск, мощной структурой по разработке средств защиты от оружия массового поражения.

Десять лет назад, согласно новомодным тенденциям, тот же научно-образовательный центр был преобразован в Военный университет радиационной, химической и биологической защиты, объединивший в качестве филиалов два специализированных военных училища – Костромское и Тамбовское. Однако сей «триаде» не суждено было долго процветать в стенах восьми внушительных корпусов старинного столичного квартала возле метро «Бауманская». Федеральная программа не оставила вузу иного шанса, кроме как удалиться на периферию, за 360 км от прежнего местоположения – в город Кострому. В середине 2006 года и состоялся этот маневр поневоле. Развернутая на новом месте Военная академия радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко является, как подчеркивается в официальных справках, самым современным, многопрофильным и многоуровневым государственным образовательным учреждением.

Тем не менее вопросы остаются. И самый главный из них: что нашли, а что потеряли на новом месте? Согласитесь, без потерь при «большом перемещении» никак не обойтись. Тем более при перемещении из столицы... И когда вновь рожденная в новых стенах академия станет полноправным и заслуженным научным центром, объединяющим в себе традиции, неповторимую школу, профессорско-преподавательский коллектив и многое, многое другое, присущее именитым вузам? Тогда, когда деревья станут большими, если перефразировать название известного фильма «Когда деревья были большими».

Впрочем, не будем торопиться с выводами. Попробуем вместе с автором этих строк, побывавшим недавно в Академии РХБЗ, посмотреть на положение дел непредвзято, как говорится, по факту и тогда уже оценить все достоинства и недостатки этого крупнейшего проекта оптимизации системы военного образования. Итак, рассмотрим все по порядку...

ПРОИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ

Для начала упомянем о состоявшемся не так давно V Московском международном химическом саммите. О многом заставило задуматься весьма острое выступление мэра Москвы Юрия Лужкова. Химик по образованию, он, прежде чем прославиться на ниве столичного градоначальника, занимал руководящую должность в Министерстве химической промышленности СССР. В начале выступления Ю. Лужков привел статистику. Москву с полным правом можно назвать городом большой химии. Здесь сосредоточено около 60 процентов потенциала химической науки, работает 232 соответствующих крупных предприятия и более 50 отраслевых НИИ (некоторые из них принадлежат Минобороны РФ). Однако, как сказал докладчик, имея «потрясающие позиции», мы в 1990-е годы, увы, скатились со всех командных высот – в производстве волокон, пластмасс, лакокрасочных изделий... «Самое страшное, что мы уже потеряли те кадры, которые обеспечивают непрерывность передачи опыта», – констатировал Ю. Лужков.

Коснулся он и такого опасного явления, как «атаки рейдеров»: «Им совершенно не нужны исследовательские институты, им нужны только помещения для использования с личной выгодой».

В наш век, когда чуть ли не все страны мира торопятся шагнуть на более высокую ступень технического развития, у нас происходит обратный процесс: превращение лабораторий и производственных цехов в рестораны, казино и прочие объекты, милые сердцу стяжателей. Дабы не потерпеть окончательное поражение, «приходится сражаться», признался мэр.

Но как-то не ощущается пока успехов в этом сражении. Снят даже документальный фильм под названием, звучащим приговором рейдерам: «Теперь здесь офис». Однако говорят, публицистическая лента под запре-

том, никак не пробьется на широкий экран...

Так вот, возвращаясь к нашей теме: подсчитывал ли кто-то, сколько выхолощенного от военной науки пространства потеряно нами за последнее время? Не удалось ведь сохранить Военную академию РХБЗ в прежнем положении (in statu quo ante), несмотря на заступничество именитых ученых во главе с вице-президентом РАН Н. Платэ. В обращении к первым лицам государства они предупреждали, что «такие акции напрямую противоречат концепции национальной безопасности России», что «в условиях возрастающих террористических угроз» непоправимый удар будет нанесен разработчикам средств защиты от всех известных видов оружия массового уничтожения.

Воззвание осталось неуслышанным. Из «города большой химии» преспокойно убрали важнейшую оборонную компоненту...

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Что ж, говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И разобраться на месте, что к чему...

Костромской Академгородок расположен в центральной части областной столицы. Это современная инфраструктура без малейшего намека на помпезность, с чем обычно связывается понятие «академизм»: без колоннад, парадных лестниц и прочих архитектурных канонов античности. Без седых профессоров, без фолиантов, на которых пыль веков... И в то же время перед вами – прекрасно благоустроенная территория, где последнее слово строительных технологий угадывается в облике каждого здания и сооружения. Со строевым плацем соседствуют живописный фонтан с подсветкой и мемориал славы химических войск.

Офицеры управления не скрывали, что приказ о перебазировании вуза вызвал легкую панику. Мало кому хотелось, распрощавшись с Москвой, ехать в неизвестность. Однако настроение резко изменилось, когда узнали, что руководящий и преподавательский состав на сто процентов будет обеспечен квартирами.

Никто не обманулся в своих ожиданиях. В Костроме их ждало благоустроенное жилье в многоэтажных новостройках, которые эффектно доминируют среди старой застройки. Огромное здание с лоджиями, занимающее чуть ли не полквартала, в обиходе получило уважительное название как «Дом адъюнкта». От места работы – десять минут ходьбы. Повезло прежде всего тем, кто в столице мыкался по чужим углам. Там только на дорогу в один конец многим приходилось тратить не меньше часа.

Слушателям отведено жилье в городке № 2. В трех полностью переоборудованных гостиницах они устроены вполне прилично, по-домашнему, в чем я имел возможность убедиться. В распоряжении семейных – двухкомнатные, холостых – однокомнатные квартиры, полностью меблированные. Больше того, для уюта все продумано до мелочей, вплоть до детских кроваток, наборов посуды, комплектов постельного белья и т.д.

– Разве не прогресс: поступившим в академию нет необходимости тащить с собой контейнер с домашними вещами?! – риторически вопрошает начальник командного факультета полковник А. Таран. – Приезжают на все готовое.

– Совершенно так, – охотно засвидетельствовал майор А. Мальцев. – Мне с женой и сыном сразу выделили двухкомнатную квартиру – с кухней, ванной, санузлом. Жена трудоустроена, сын – в садике. Проблем в этом плане ни у кого нет – спросите любого.

Я, естественно, поспрашивал, хотя и сам чувствовал: скепсис тут излишен. Слушатели «костромского образца» лишь понаслышке знают о трудностях, с которыми сталкивались их предшественники. А те с дрожью вспоминают общежитие барачного типа на улице Бауманской. Дом в аварийном состоянии. Клетушки три на два метра – на семью из четырех человек. Составлялось расписание: кому и в какие часы посещать единственный туалет... Дороговизна столичной жизни заставляла наниматься в охрану, разгружать вагоны, проситься в ночную смену в хлебопекарне. Так что здесь, в Костроме, можно облегченно вздохнуть – прощай, унизительный тренинг по выживанию! Или до свидания...

И в городском транспорте не нужно трястись – рейсы академического автобуса приурочены к началу и концу занятий. А о предоставлении рабочих мест офицерским женам поза-

СТАНУТ БОЛЬШИМИ...

Василий ХОРЕШКО

ботились местные власти, служба занятости, наконец, старожилы гарнизона, например бывший начальник службы спасения МЧС полковник в отставке А. Лобовский.

Как я убедился, сделано все возможное, чтобы постоянный и временный личный состав занимался своим делом, чтобы не давил на него груз житейских хлопот. Почти каждый мой визави выкладывал этот главный козырь: комфорт, удобства проживания в Костроме.

Социально-бытовое устройство – фактор, разумеется, первостепенный. Но, с другой стороны, одного этого явно недостаточно для полноценного образа новоиспеченной академии, которая, еще раз подчеркнем, должна являться научно-образовательным центром высшей пробы. На эту тему мы предметно поговорим дальше.

БОЛЬШИНСТВО УЧЕНЫХ БЛИСТАЮТ... СВОИМ ОТСУТСТВИЕМ

С недавних пор, когда высшая школа перешла на двухступенчатую систему образования, в околонаучных кругах зазвучала шутка: бакалавр – человек, который знает все, но не умеет ничего, а магистр – ровным счетом наоборот. К академии сей ярлык не приклеишь. В программу заложено 60 дисциплин. Учебно-тренировочный комплекс, имитационный центр моделирования ситуаций на поле боя, напичканные компьютерами классы – все это впечатляет. И, что важно, позволяет достаточно быстро и уверенно овладеть самым современным оружием.

– В чем мы преуспели в сравнении с московской академией последнего образца? – привычно выдвинул взвешенный довод один из профессоров. – Нельзя сказать, что обучение курсантов там было поставлено из рук вон плохо, и тем не менее звено командиров взводов выпадало из общей цепи высшего образования. Когда они дорастали до соответствующих должностей и становились слушателями, мы за голову хватались: их простонапросто требовалось переучивать! Теперь академия по праву позиционирует себя как многопрофильное, многоуровневое государственное общеобразовательное учреждение. Многоуровневый принцип подготовки военных кадров – не самоцель и не дань моде, а необходимое условие их последовательного стабильного профессионального роста. Тем самым гарантируется и преемственность, и единство требований.

Комната досуга для курсантов младших курсов

Душевая комната

Качество обучения курсантов не вызывает сомнений. А если взять категорию офицеров-слушателей? Тут уровень постижения теории и практики на порядок выше. Как известно, назначение научного центра – вести исследования по самому широкому спектру проблем защиты от РХБ-оружия. Училищная-то планка поднята. А академическая?

На первый взгляд, и тут вроде бы все обстоит благополучно. Академия нацелена на реализацию самых дерзких проектов инновационного развития в своей сфере. Тому подтверждение – кафедра высокомолекулярных соединений, база которой позволяет осуществлять смелые эксперименты. Есть лаборатории: нанотехнологии, неорганической химии, физико-химических методов анализа, механизации производства...

Каждый учебный корпус – вместилище разнообразной оргтехники и уникального оборудования. Лекционный зал на 120 мест. В нем четыре проектора, три экрана, интерактивная доска. Устанавливали оборудование старшие прапорщики А. Зверев и С. Чеканов. Интернет-класс оборудован по последнему слову техники. И даже читальный зал библиотеки оснащен компьютерами – солидная часть специальной литературы представлена в электронном виде.

Еще одна отрада для военного человека – кафедра автоматизации управления войсками. Полная компьютеризация процессов! Простор для увлекающихся программированием! Имеющих талант и вкус к этой работе привлекают для составления банка данных, базы знаний.

Не ослабевают контакты с МГУ, Институтом им. Менделеева и другими столичными «маяками науки». Приезжают оттуда вузовские патриархи, читают лекции по определенной тематике. Лучшие образцы блестяще изложенного материала записаны на электронных носителях. Так что обучаемым предоставляется лекторий высокого класса.

Комната бытового обслуживания

– Условия для учебы – оптимальные, – рапортует слушатель 2-го курса командного факультета майор А. Ермолаев. По его словам, ушел в прошлое традиционный образ профессора с указкой и школьным мелком у классной доски. Какой смысл вещать с

кафедры, когда есть все средства ту же информацию в более доступном виде выдавать на интерактивном экране?

Но, с другой стороны, может быть, как раз и не хватает сейчас той самой фигуры заслуженного, умудренного долгим опытом московского профессора у классной доски, который может поведать гораздо больше, чем электронные источники? Возможно, молодые слушатели не особенно задумываются над этим, им не с чем сравнивать, они не учились в Москве. Им трудно судить, насколько уровень преподавания отличается от московского. В то же время они не могут не сознавать, что академию, переведя из столицы, как бы понизили рангом. И кто может поручиться, что они ничего не потеряли?

Академизм без архаики имеет свои уязвимые стороны. Можно, конечно, уповать на то, что при развитых средствах коммуникации и возможности виртуального обучения роль наставника стала меньше. Тем не менее это не так. Жизнь доказывает: очень важно, чтобы будущий докторант учился непосредственно у знатока своего дела. Как говорится, «вживую». Тягу к глубоким знаниям, страсть к постижению неведомого способен передать лишь высокоталантливый преподаватель, непререкаемый авторитет в своей области – из рук в руки. Например, об увлекательности лекций «отца русской физиологии» И.М. Сеченова, идеальной ясности изложения предмета даже спустя много лет с благодарностью вспоминали его ученики, в том числе не менее знаменитый естествоиспытатель К.А. Тимирязев. Никакое, даже самое усердное чтение специальной литературы не заменит живого общения с советующимися и спорящими учеными. Только им по силам зажечь искру интереса, вовлечь «в мир познания скрытых явлений пред лицом неразгаданных тайн».

Как не вспомнить и завет выдающегося педагога В.А. Сухомлинского: «Обучают и воспитывают не программа, не учебник, не метод, а личность и только личность учителя». Это относится и к преподаванию в военном вузе.

Я не хочу сказать, что среди вновь набранного профессорско-преподавательского состава нет самобытных ученых. Разумеется, есть, но все-таки большинство именитых, так сказать, блистают... своим отсутствием.

На территории академии выделяется строгое, почти классического вида здание научно-исследовательского отдела, так называемый Дом ученых. Звучит внушительно, но до громкого титула пока не дотягивает. Докторов наук не хватает. In corpore (в полном составе) собрать на месте ученый совет невозможно. На заседания приглашают мэтров из Москвы.

Что же все-таки получилось из этого конгломерата: супер училище или квазиакадемия? Без сомнения, проще качественно выпестовать первичные офицерские кадры. Куда сложнее гарантировать квалифицированную подготовку среднего и высшего командно-инженерного состава.

ФОРС-МАЖОРНАЯ… ПРОФЕССУРА

Научная иерархия издавна отличалась разнообразием: приват-доценты, ординарные и экстраординарные профессора, члены-корреспонденты и т.д. Ситуация форс-мажора, в которую были поставлены «вынужденные переселенцы», позволяет выделить особый вид профессуры.

Скажем прямо – передислокация привела в состояние шока многих преподавателей. Научно-образовательное учреждение – это вам не классическая воинская часть: снялась с места в полном составе и вооружении – и вперед. Оружие ученых – иного рода, главное богатство – в умах. В данном случае «утечка мозгов», как и предполагалось, произошла еще на стадии проекта переброски академии. То есть задолго до сигнала о выдвижении многие «академики», вместо того чтобы собирать чемоданы, начали подыскивать себе, так сказать, запасной аэродром. Особых проблем не было: предложения сыпались со всех сторон. Какой вуз или НИИ откажется принять в свой штат незаурядных теоретиков и практиков с огромным опытом преподавания?! Новоселам же замаячила перспектива остаться вовсе без вузовских светил. Так оно в общем-то и произошло. Мало кто даже из кандидатов наук соблазнился сменить Москву на небольшой, по столичным меркам, волжский городок (с населением около 300 тысяч), хоть и включенный в Золотое кольцо России. Если бы не экстренные меры со стороны правительства и высшего военного руководства, подкрепленные снизу, неизвестно, чем бы все кончилось. Понятно, немалые средства понадобились, чтобы не провалился эксперимент на «полигоне» модернизации армейского образования...

Казалось бы, худшего не произошло. Нашлись и в глубинке светлые умы. Вернее, их отыскали. Отобрали наиболее достойных в костромских вузах: технологическом университете, сельхозакадемии, Педагогическом университете им. Некрасова. Соответственно распределили: одни преподают химию, биологию и другие предметы на военно-специальных кафедрах, другие – гуманитарии – востребованы для освоения социально-экономической части программы обучения.

Лингафонный класс

Выходит, «мать-кормилица» (как переводится альма-матер) стала питать-содержать многих специалистов «со стороны». Не пренебрегли ли в данном случае народной мудростью: за одного ученого двух неученых дают, и то не берут?

Во всех «секторах» местного академического круга оскорбились обидным предположением. Например, на ведущей кафедре, возглавляемой кандидатом технических наук А. Карташовым,

искренне убеждены, что случайных людей у них нет:

– Мы рады пополнению своих рядов. Это необходимые специалисты из Шихан, что под городом Саратовом (где располагается НИИ РХБЗ и арсенал), человек двадцать – все в расцвете сил, самому старшему – около сорока лет. Молодая поросль ученых со свежими идеями – настоящий подарок. Подлинное украшение академии – коренной ленинградец, интеллектуал и эрудит профессор Валентин Всеволодович Софронов. Из регионального института, расположенного в г. Иваново, к нам прибыл доктор наук, крупный авторитет в вопросах химической технологии Олег Павлович Акаев. Среди профессуры – специалист в области физико-химических методов анализа А. Кебец из костромской сельскохозяйственной академии, доктор фармацевтических наук Н. Богдашев, возглавлявший кафедру в одном из вузов г. Пятигорска, сделавший себе имя в изучении проблем коллоидной химии.

Вроде бы получилось, как в поговорке: с бору по сосенке... Вместе с тем приход новых людей – благо, поскольку амбициозных планов стало больше, с учетом этого скорректирована и расширена исследовательская тематика. 24 адъюнкта заявили о себе сильными работами по всем направлениям – химии, биологии, материаловедению. Выпускается сборник с научными публикациями.

Флагман науки Северного региона – Ивановский химико-технологический исследовательский центр – поделился с коллегами опытом разработок по растворам и покрытиям, в области экологии и метрологии. Такая поддержка просто неоценима для «новобранца» в научном цехе. Когда еще он по праву войдет в круг академических «тяжеловесов», дорастет до московского уровня...

– Первые полгода было тяжело, – не хочет лукавить начальник кафедры материаловедения полковник А. Комаров. – Ликвидированная кафедра создавалась заново. Своими силами, конечно, не обошлись: у меня из двенадцати преподавателей четверо – со стороны. Серьезным подспорьем стал Костромской государственный технологический университет. Кадровый некомплект отчасти был восполнен за счет «доморощенных». Назову двоих – это старшие лейтенанты С. Требухов и А. Смирнов. Сегодня оба работают над диссертациями.

– А что Москва! – как бы продолжая давний негласный спор (возможно, и с самим собой), аргументирует мой собеседник. – Там компьютеры были старенькие, слабенькие, оборудование – морально устаревшее. Об интерактивных досках лишь мечтали. Здесь же интенсивно создается мощная лабораторная база. Взять хотя бы электронный микроскоп, спектрометры и другие приборы, которые не просто облегчают, но и стимулируют творческий поиск.

РЫВОК ИЗ «ЗОНЫ ПОРАЖЕНИЯ»

На определенные размышления натолкнул разговор с председателем диссертационного совета при Военной академии РХБЗ доктором технических наук, профессором полковником запаса В. Булатовым. Владимир Михайлович сразу дал понять, что нужно смотреть правде в глаза:

– Нелегко пришлось, ведь нарушилась вся система. Потребовалась перерегистрация вуза. С переездом адъюнкты потеряли своих руководителей. И все-таки за счет продуманной работы мы вышли из положения. Есть откуда черпать новые силы: максимально используем резерв из числа офицеров московского выпуска академии. Они прибыли к нам, поднабравшись войскового опыта, – значит, как бы обрели новое качество. От них, сдавших вступительные экзамены на должность адъюнктов, мы многого ожидаем. А в целом за короткий срок уже защищено 25 кандидатских диссертаций, на подходе – докторская. Стараемся ничего не упускать ради повышения статуса нашей высшей школы. 60 процентов преподавательского состава с учеными степенями – этот норматив выдерживается. Укрепляем научные связи с ведущими вузами как столицы, так и регионов. Ряд экспериментов проводим не на своей базе, а за ее пределами – в сотрудничестве с известными НИИ. С вводом собственных лабораторных мощностей диапазон исследований существенно расширится.

Занятия по автоподготовке

Оптико-электронный тренажер «Янычар»

...Уже после командировки фамилия моего собеседника прозвучала в беседе с генералом Генштаба: «Трудно переоценить заслуги Булатова в воссоздании той научной школы, которая была в Москве. Совместно с руководством академии он отдает много сил выращиванию молодых ученых».

Что и говорить, в своем стремлении воссоздать нынешний день академии в сравнении со вчерашним главной ценностью было то, что немало сведений я получил, что называется, из первых уст.

Вот еще одна кафедра – биологической защиты войск и населения. Она по праву считается одной из лучших. В числе «активных штыков» – 3 доктора и 7 кандидатов наук, 2 докторанта. В соискателях ученой степени недостатка нет, в следующем году ожидается увеличение рядов ученой братии. Совместно с Главным военно-медицинским управлением ведутся разработки по шести направлениям. Выпустили семь учебных пособий, еще пять обещают подготовить в течение года. Адъюнкт капитан М. Мальцев выдвинут на премию Президента РФ. Старший преподаватель кандидат биологических наук подполковник медслужбы Е. Кармановская вынесла на самый строгий суд свою монографию, которой отдала полтора года. Большие надежды возлагают на достраивающийся учебный корпус. Там кафедре отведут целый этаж – с автоклавами и другим необходимым оборудованием.

Не менее весом потенциал другой профилирующей кафедры, которой руководит кандидат химических наук, доцент полковник Г. Пригорелов: 3 доктора, 3 профессора, 11 кандидатов. В кабинете начальника кафедры я обратил внимание на висящее в рамке на стене свидетельство о почетном звании заслуженного работника высшей школы – «За заслуги в научно-педагогической деятельности и подготовке высококлассных специалистов».

Внушительно выглядит снаружи главный учебный корпус, которому сулят в скором времени подобающую «начинку». Оснащен он будет в соответствии с последними достижениями науки и техники. Долгожданный дар для пытливых и дерзающих! Хотя пессимисты расхолаживают их, предрекая, что пройдет не меньше двух-трех лет, пока тут утвердится «царство» приборов и установок.

У оптимистов же свои резоны:

– Многое говорит в пользу того, что мы не застопорились, а, наоборот, шагнули вперед. За последние полгода защищено 25 диссертаций. Ученую степень кандидата военных наук получили шесть офицеров, 13 – кандидата технических и 6 – химических наук. Там, в Москве, этот показатель был вдвое меньше. Соискателем на докторскую степень стал полковник Игорь Арсенович Манукянц. Его диссертация – первая такого уровня, подготовленная исключительно с использованием базовых возможностей академии в ее нынешнем состоянии. Значит, мы вправе воспринимать это событие как знаковое.

К фундаментальным разработкам подталкивает и разнообразие заказов – от технических университетов, различных фирм. Оправданы эти обращения к военной школе: будущие и настоящие ученые в погонах держат марку серьезных исследователей. Представители академии достойно выступают на многочисленных специализированных совещаниях. На тематической конференции в 2008 году в Санкт-Петербурге их сообщения, посвященные медико-биологическим проблемам, вызвали немалый интерес. Аудитория была удивлена, когда объявили, откуда докладчики. Для многих стало новостью, что возникла никому неведомая военная академия в Костроме...

То есть рывок из «зоны поражения», то бишь обустройства на новом месте с валом новых проблем, состоялся не худшим образом. Впереди, надо верить, – великие дела! Но, с другой стороны, можно предположить: будь все на прежнем месте, не пришлось бы воссоздавать многого заново, то есть с нуля, а прогресс шел бы по нарастающей? Вопрос сложный, однозначных ответов нет. Факт тот, что все есть как есть, и теперь главное – двигаться вперед.

(Продолжение следует)

РАКЕТНЫЙ ЩИТ ЗЕМЛИ ДАЙВЬЕТ

Владимир ИВАНОВ

Более 200 лет назад древняя юго-восточная страна Дайвьет была переименована во Вьетнам. Для любого государства такой период развития является небольшим, но только не для Вьетнама, народ которого практически все эти годы боролся за свою независимость и свободу. Самым же жестоким и значимым в эти годы для вьетнамцев был период вооруженной борьбы против агрессии США (1964–1973 гг.).

Но в этой борьбе вьетнамский народ не был одинок. Среди тех, кто первым протянул ему руку помощи, был СССР. Начиная с апреля 1965 года в рамках широко развернувшегося военно-экономического сотрудничества плечом к плечу с воинами Вьетнамской народной армии (ВНА) против американцев сражались и советские военные специалисты. Опыт, накопленный ими в условиях реальных боевых действий, актуален и по сей день.

О том, что приобрели наши воины зенитных ракетных войск в те годы, рассказывает бывший заместитель начальника отдела боевой подготовки Архангельского объединения войск ПВО страны полковник в отставке Владимир Иванов.

В апреле 1967 года нашу группу подготовленных офицеров из разных округов и армий войск ПВО страны в количестве 12 человек направили из Москвы во Вьетнам в годичную спецкомандировку. Во главе ее стоял полковник Павел Шикуля. В группу кроме него входили: полковник В. Желтов, капитаны М. Смирнов, А. Москоленко, В. Иванов, В. Спиранде, С. Кириенко, В. Смирнов, В. Южанин, Н. Назаренко, А. Тимаев и В. Садчиков.

Задача была для нас хорошо знакома – проводить практическое обучение вьетнамского личного состава боевой работе дивизионов и полков ЗРК С-75, настраивать комплексы перед боями, устранять неисправности, самим набираться опыта подготовки расчетов, организации и ведения боевых действий по отражению воздушных ударов ВВС США.

Уже на второй день после прибытия в Ханой мы начали свою работу в «подопечных» дивизионах. Этот период был отмечен известными массированными налетами американской авиации. Времени на раскачку не было. Мы трудились с охотой. Вьетнамцы внимательно присматривались к нам и нашей деятельности и молча оценивали, на что мы способны. Все наши ребята имели высокую квалификацию и работали на технике без каких-либо инструкций, хотя и схемы систем находились всегда рядом. Все диалоги с подсоветными велись только через переводчика. Действовали по принципу «каждый с каждым», но в начале выслушивали просьбы вьетнамцев и их замечания по работе комплексов в условиях боя.

Вьетнамский командный и технический состав был немногословен, да и мы не очень «влезали» в их души. Считали, что им нужно больше слушать, а нам – показывать на технике. Подсоветные тщательно записывали все, что мы им рассказывали. Оценок личному составу мы не давали, но для себя замечали высокую боеспособность вьетнамских дивизионов. Операторы кабин управления в отдельных случаях дейс-

твовали лучше, чем советские офицеры. В этом была заслуга наших предыдущих товарищей, которые воевали во Вьетнаме с лета 1965 года.

Полученный боевой опыт помог сформулировать важные выводы. Отбор операторов на конкретное рабочее место – главное в работе всего офицерского состава дивизиона. Немаловажное значение имеет желание выбранного бойца трудиться на этом месте, его совместимость с другими членами отделения. Ведь в бою от его результатов зависит жизнь личного состава всего дивизиона. А вот критиковать данного человека за то, что он не подходит к работе на установленном месте, нельзя. Он может проявить себя на другом рабочем месте и сделать это лучше. Отбор операторов в кабину управления – сложная вещь. Из всех прибывших в подразделение людей по своим физическим данным могут подойти всего 2–3 человека. И даже они во время боя по-разному справляются со своими обязанностями. Причин тому много, но главная – накопившаяся усталость при работе за экраном. Следить за физическим и психологическим состоянием ведущих операторов и офицеров необходимо постоянно, как и своевременно их подменять.

В ходе боя за спиной оператора в качестве дублера стоял, как правило, оператор из другой смены или офицер системы. Они были способны по отметкам на экране определять запуск американских ракет по дивизиону. Надо было видеть, как напрягались в этот момент спины вьетнамских операторов. Мы восхищались этими солдатами, которые сопровождали захваченную цель до последней минуты, пока ее не уничтожали. Но иногда цель прорывалась, и тогда... После боя кровь раненых товарищей по оружию часто оставалась на экранах и штурвалах аппаратуры. Ведь в 60-е годы прошлого века еще не было бронежилетов. До сих пор не могу забыть перевязанных наших и вьетнамских специалистов, когда пришлось их выносить после удара американцев по батареям ствольной зенитной артиллерии. Нельзя не помнить и тех, кто пострадал при подрывах ракет и контейнеров с шариковыми бомбами.

Первые группы советских военных специалистов сами садились за пульты управления и стреляли по реальным американским целям, показывая все на личном примере. За их спинами стояли отобранные на должности вьетнамские воины. Бои вели расчетами поочередно, а иногда и смешанными расчетами. Когда же уверенность вьетнамцев в своих силах на комплексе С-75 достигала максимального результата, расчеты дивизиона ВНА переходили на самостоятельное обслуживание техники и ведение боя.

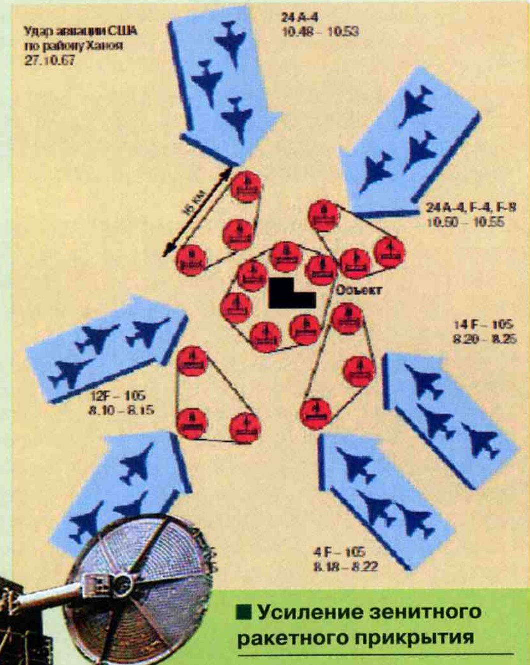
В первых боях при отражении налетов американцев расход боезапаса составлял 2–2,5 ракеты на одну сбитую цель. Это был хороший результат. К нему мы стремились, отрабатывая практические навыки на занятиях, в ходе тренировок на технике или в боевых условиях. При этом вьетнамцы всячески старались нас беречь и даже отказывались вести бои, если мы находились в дивизионе.

Вьетнамские товарищи особое внимание уделяли отбору офицерского состава на должности командиров зенитных ракетных дивизионов, батарей, офицеров подразделений обнаружения и захвата. Тщательно выбирались лидеры, за которыми мог пойти в бой личный состав подразделения. Все они в основном приходили в ракетчики из ствольной зенитной артиллерии, где были свои правила ведения боевых действий. Ракетную технику они не знали, и надо было вселить в них уверенность в возможности наших ЗРК. Это достигалось только личным примером.

■ Станция наведения ракет комплекса С-75 вьетнамской армии

Все занятия чаще всего мы стремились проводить в реальной обстановке, когда был виден конечный результат. Организовывались они после совершения марша на новую позицию, во время регламентных работ или в ходе устранения повреждений техники. Все вопросы технического характера разбирались по схемам и на отдельных приборах и узлах. По окончании каждого боя мы старались выяснить у подсоветных, как вела себя техника, какие были отказы и то, что у них не получалось. Лучше всего это происходило, когда в подразделениях находился тот, кто понимал по-русски.

■ Усиление зенитного ракетного прикрытия

Лично я старался не давать советов и рекомендаций, пока сам не изучил проблему или ситуацию. Хороший эффект давала совместная работа наших и вьетнамских специалистов на восстанавливаемой технике. Так было, к примеру, после того, как однажды по дивизиону противник нанес удар контейнерами с шариковыми бомбами. В том бою получили ранения два наших специалиста. На разборе выяснилось, что при смене стартовой позиции в передающей кабине упал на пол плохо закрепленный прибор замера частоты изделия. Тем не менее им «настроили» станцию, в результате чего она перестала «видеть». Поврежденный комплекс мы были вынуждены вывезти на замаскированную позицию полка и в течение двух месяцев совместно восстанавливать.

Опрос и проведение экзаменов и зачетов после наших занятий у личного состава проводила вьетнамская инженерная служба полка. Хотя, на мой взгляд, делать это зачастую было и не нужно, поскольку офицерский состав систем дивизионов был достаточно «проэкзаменован» американскими ВВС в непрерывных налетах на Ханой.

С особой теплотой вспоминаю наиболее подготовленных по моей системе вьетнамских товарищей: Неуэн Ван Миэна, Фам Ван Шо, Хоанг Ван Хоя, Лыу, Нгуен Хыу Ле. Не могу не сказать о самом лучшем переводчике Камен Данти Тане. Я думал, что он знал систему лучше меня. Сегодня всем им более шестидесяти лет.

Особенно нелегко приходилось нашим специалистам в боях 1967 года. Каждую ночь мы выезжали в шесть дивизионов, а днем обычно работали в полку или в одном из подразделений. Как раз в конце года американцы применили на театре военных действий свой новый самолет-разведчик SR-71. Он попробовал летать на столицу ДРВ и через наши боевые порядки. Чтобы уничтожить его, мы провели с вьетнамцами теоретические и практические занятия на имитаторе. В итоге в октябре один из дивизионов успешно выпустил по шпиону-«стервятнику» две ракеты при параметре ноль и высоте полета самолета 18 километров. Одна из них подорвалась по цели. Как позже писала пресса, «самолет ушел со снижением в сторону моря». И хотя нам его не засчитали, поскольку обломки не были представлены на ЦКП, больше SR-71 над Ханоем не появлялись.

Вершиной искусства ведения боя с противником считались «засады». Только дивизионом, имеющим высокую боевую выучку и слаженность расчетов, можно добиться успеха в «засаде». Скрытным маршем через джунгли и точной стрельбой по целям, которые сосредотачиваются в указанном районе, достигается внезапность для противника. Ведение же боевых действий в «засадах» не является самоцелью. Для их проведения необходимы подходящие климатические условия и высокая профессиональная подготовка всего личного состава дивизиона. Последняя достигается кропотливыми тренировками в местах постоянной дислокации с закреплением боевой стрельбой на полигонах. При этом время на открытие огня с заранее подготовленными ракетами после выхода в эфир должно составлять не более 14 секунд. Именно столько требуется атакующей авиации противника, чтобы обнаружить на земле станцию наведения ракет и нанести по ней удар.

Очень важно в «засадах» настраивать на бой и придавать уверенность в своих силах офицеру пуска, командиру дивизиона (стреляющему) и операторам кабины управления. Эту задачу ненавязчиво должен выполнять офицер-воспитатель. После отлично выполненных стрельб в экстремальных условиях необходимо присваивать звание «мастер» всему дивизиону. Лучшими в «засадах» должны быть и боевые расчеты «ложных» дивизионов, батарей прикрытия, операторы. На полигонах их также необходимо включать в боевую работу. Обязанности же управления «ложными» позициями и батареями ствольной артиллерии должны уметь брать на себя начальники штабов дивизионов и командиры батарей.

Отчетливо запомнилась наша работа в «засадах» на северо-западе от Ханоя. Тогда двумя дивизионами мы скрытно совершали марш на 100–120 километров в район сосредоточения авиации США. Технику маскировали, в эфир не выходили. На удалении 10–15 километров от основной позиции тщательно вели разведку с работой имитатора станции наведения ракет. В 200–500 метрах развертывали батарею прикрытия зенитной артиллерии. Как только получали данные разведки о целях, быстро выходили в эфир и производили пуски двумя ракетами (больше не успевали выпустить). И тут же переходили на полное «молчание» дивизиона, выключали станцию и проводили домаскировку. Реально включали лишь имитаторы С-75. В случае нанесения американцами удара по дивизиону в режиме «заградительный огонь» начинала стрелять 125-мм зенитная артиллерия.

Как правило, мы работали два дня, проводили два боя и уходили к месту постоянной дислокации. Однажды двумя ракетами один из дивизионов уничтожил сразу три вражеских самолета: постановщик активных помех типа «Е» и два истребителя-бомбардировщика в группе типа «Ф». Одним из сбитых летчиков оказался начальник авиабазы Такли (Таиланд). Командир нашего зенитного ракетного дивизиона был представлен к званию Герой Вьетнама. Надо было видеть радость и восторг подсоветного личного состава по поводу достигнутых побед.

Всего за время боев в 1967–1968 годах шесть дивизионов нашего полка уничтожили 390 американских самолетов, а всей группировкой ПВО было сбито более 1.200 самолетов. Полк сохранил все свои дивизионы.

Хотя с тех огненных лет прошли десятилетия, вьетнамский опыт не может «уйти в запас». Он и сейчас должен быть востребован. Например, представляется крайне важным отказаться в российских войсках ПВО от начальных стрельб на южных полигонах. Лучше выполнять боевые упражнения только в сложных условиях по целям, действующим на границах зон поражения всех комплексов: на малых и предельно малых высотах, вдогон или вдогон на предельно больших высотах для конкретного комплекса. Надо тщательно проводить объективный контроль проведенных стрельб. Контроль за подготовкой стартовых расчетов осуществлять не реже одного раза в месяц и лучше при «сборе по тревоге» (только после подготовки расчетов командиром батареи). Особое внимание следует обращать на подготовку водителей транспортных машин. На полигонах к боевым стрельбам допускать только те боевые расчеты дивизиона, у которых стартовые расчеты выполнили задачи по заряжанию пусковой установки на «хорошо» и «отлично». В случаях оценки стартовых расчетов на «удовлетворительно» оценку дивизиону ставить по его «учебным» стрельбам. В конце учебного года проводить две тренировки полного боевого расчета с учетом времени перезаряжания пусковых установок. При этом важно знать точное время работы полного боевого расчета при израсходовании боевого комплекта ракет. На индикаторах должны быть нанесены либо сектора, либо сектор отстрела поврежденных ракет в бою...

Проходит время, оно безжалостно к ветеранам и участникам войны во Вьетнаме. Ушел из жизни, с осколком от шариковой бомбы, В. Желтов, о судьбе других боевых товарищей известно совсем немного. Но я знаю точно, что их дела и знания не должны быть забыты и всегда могут быть востребованы.

Записал Андрей Почтарев

Месяцы года	Общее количество стрельб	Количество уничтоженных СВН	Общий расход ракет	Средний расход ЗУР за стрельбу	Средний расход на одно сбитое СВН	Эффективность стрельб
январь	53	17	100	1,88	5,8	0,32
февраль	26	11	48	1,84	4,36	0,42
март	51	21	91	1,78	4,33	0,41
апрель	98	33	157	1.6	4,76	0,33
май	166	59	288	1,73	4,9	0,35
июнь	92	18	152	1.65	8,4	0,2
июль	85	29	148	1,74	5,1	0,34
август	116	27	197	1,69	7,3	0,23
сентябрь	47	18	80	1,7	4,4	0,38
октябрь	201	88	335	1,66	3,8	0,43
ноябрь	108	39	194	1,79	4,97	0,36
декабрь	95	37	162	1,7	4,4	0,38
Всего	1138	397	1952	1,72	4,91	0,34

■ **Результаты боевых действий ЗРВ ВНА в 1967 г.**

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

ПАМЯТИ «НЕУДОБНОГО» МЫСЛИТЕЛЯ

Василий БЕЛОЗЕРОВ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Знакомство с творчеством и судьбой Александра Андреевича Свечина у меня началось, можно сказать, случайно. Его книгу «Стратегия» 1926 года издания в крайне ветхом состоянии мне как-то довелось обнаружить на одной подмосковной даче. Друзья, которым она принадлежит, предложили взять любую интересующую меня литературу, находившуюся на чердаке и оставшуюся от деда – офицера царской армии и генерала Советской Армии. Книг было много, но первой я прочитал упомянутую «Стратегию». И был практически ошарашен: и необычно живым стилем изложения, абсолютно оригинальным и непохожим на столь привычный сухой академический слог традиционных учебников, и ощутимым биением мысли, и системным видением проблем обороны страны, и верностью прогнозов.

В этой связи хотелось бы отметить следующее. Иногда в наши дни приходится слышать от военных специалистов, имеющих самое высшее (академическое) образование, пренебрежительные высказывания в отношении к самому слову «классика», под которой понимается в их восприятии нечто нежизненное, застывшее и устаревшее. Общение с такими людьми показывает, что они ждут от литературы готового ответа на конкретную, решаемую ими сегодня практическую задачу. Между тем предназначение классики иное. Ее ценность – в гимнастике ума, в формировании методологии и аналитических способностей. Тем же, кто усердно пытается искать готовые ответы, автор книги «Трансформация войны» Мартин Ван Кревельд советует «читать «поваренные книги», в которых говорится, что делать, какими инструментами и в каких обстоятельствах. В таких «поваренных книгах» нет недостатка; их так много, что если бы их погрузили на борт «Титаника», он пошел бы ко дну и без помощи айсберга».

К сожалению, приходится констатировать тот тревожащий факт, что до сих пор заброшено «в долгий ящик» духовное наследие отечественных военных мыслителей. Утрачивается преемственность системы военного образования, размывается почти неуловимая, но имеющая огромную важность для армии «институционная память организации» (выражение академика РАН А.А. Кокошина). Думается, что идеи Свечина и других отечественных военных классиков должны не ветшать на чердаках, а жить и работать на Россию и ее обороноспособность.

С учетом сказанного выше можно понять, что о Свечине писать сегодня и легко, и одновременно непросто. Легко потому, что уже нет необходимости, как в былые времена, доказывать: Свечин – один из самых выдающихся и оригинальных отечественных военных мыслителей. Когда-то сама такая мысль могла показаться преступной, ведь жизнь Александра Андреевича оборвалась во времена репрессий 1930-х годов. Он был расстрелян как «враг народа». Так что его наследие осталось незавершенным, он бы многое еще успел сделать. В этом году исполнилось 130 лет со дня его рождения.

В последние годы благодаря усилиям энтузиастов вышли (и неизменно находят читателя!) практически все его основные произведения, пусть далось это большим трудом, книги выпускаются эпизодически, в разных издательствах и ограниченными тиражами. Многие исследователи самого различного ранга – и среди них не только кадровые военные – проявляют искренний интерес к трудам Свечина, используют его оценки и выводы.

Трудность же описания личности Свечина состоит в том, что очень нелегко разжечь среди современных военных специалистов России тот пытливый творческий дух, оригинальный образ мышления, который всегда был свойственен лучшим представителям отечественной военной мысли. От этого мы уже очень много потеряли вчера, теряем сегодня. А сколько потеряем завтра, если отношение к классике в корне не изменится?

ТЕОРЕТИК ИЛИ ПРАКТИК?

Вопрос о влиянии на политическую и военную практику теоретических положений, равно как и о научном осмыслении этой практики, о реализации теоретических разработок, актуален всегда, имеет много аспектов и может решаться по-разному. В случае со Свечиным – да и не только с ним, скажем ради справедливости, – мы имеем наглядный пример того, как качества решительного командира, талантливого военачальника органично сочетаются с аналитическими способностями, склонностью к обобщениям, глубоким выводам и практическим рекомендациям.

Опыта практической работы в войсках и активной боевой деятельности у Свечина было более чем достаточно,

он прошел Русско-японскую и Первую мировую войны. Ему довелось занимать разные посты. Александр Андреевич окончил Академию Генерального штаба, а свою военную карьеру до революции 1917 года завершил в должности начальника штаба армии. И в то же время он всегда стремился осмыслить и использовать приобретенный опыт в широких масштабах. Чтобы донести свои наблюдения и выводы как до начальства, так и до тех, кому в грядущей войне неизбежно придется оказаться на передовой, он использовал любые возможности. К сожалению, понимание ему доводилось встречать далеко не всегда. Поэтому, чтобы «достучаться» до адресатов, он с первых лет своей офицерской службы решил сосредоточиться и на публицистической деятельности, причем проявил себя в этой сфере как талантливый военный писатель. За свои материалы, в которых он нередко чрезвычайно остро критиковал сложившееся положение дел, Свечин получал немало нагоняев от своих начальников.

Уже в 1920-е годы, в Советской России, Свечин писал о своих интеллектуальных усилиях следующее: *«В Русско-японскую войну полками командовали такие известные писатели, как А.М. Зайончковский и Е.И. Мартынов. В числе других и пишущий эти строки в течение 17 месяцев командовал полком... Но прорвать безмолвие фронта нам не было суждено. На протяжении 25 лет моей писательской деятельности эти полтора года представляются единственным перерывом, когда я не держал в руках пера; а между тем я положительно ступал по ценнейшим наблюдениям, я захлебывался в выводах, и никогда армия так не нуждалась в установлении и освещении ее тактического опыта. Полк получил несколько запросов в виде худосочных анкет; полковой адъютант без затруднения дал ответы по этой убогой программе».*

Неугомонным в вопросах преломления практики в теоретические положения, призванные стать руководством к действию, Александр Андреевич оставался вплоть до последних дней своей жизни. Свое творчество и соотношение его с повседневной службой Свечин оценивал следующим образом: *«...моя роль была скромной в бюрократической области и довольно заметной в идейной».* Много ли найдется сегодня действующих офицеров, готовых подписаться под этими словами?

Как о командире о нем красноречиво говорит способ борьбы с членовредительством, которое во время Первой мировой войны приняло массовый характер:

Делопроизводитель ГУГШ А. Свечин. 1913 г.

«За трое суток расположения на Мейшагольской позиции в полку, в различных ротах, было отмечено пять самострелов, отстрелившихся себе умышленно по пальцу. Я сразу не раскачался принять крутых мер. Самострелы не были эвакуированы в тыл, а оставлены в ротах, хотя временно потеряли работоспособность; по традиции три раза в день их заставляли становиться во весь рост на бруствер передовых окопов и прикладывать руки к глазам, как будто они наблюдают в бинокль. Немцы, принимая их за наблюдателей, давали из своих окопов, удаленных на 700–800 шагов, несколько выстрелов по ним, после чего им разрешалось спуститься в окоп. Наказание, не предусмотренное дисциплинарным уставом, но бросавшее в пот самострельщиков. На третий день немцы, к сожалению, сообразили, что их заставляют играть странную роль и перестали стрелять... По соседству же борьба с самострелами совершенно отсутствовала, и они сотнями и тысячами эвакуировались в тыл».

Несомненно, можно по-разному относиться к примененным «педагогическим» приемам, однако в боевой обстановке избранный образ действий позволил обеспечить боеспособность полка. Особенно в сравнении с другими, где самострелов эвакуировали, еще раз подчеркнем, «сотнями и тысячами»... Спустя годы такое «классово-враждебное» отношение к «рабочим и крестьянам в солдатских шинелях» в империалистической войне Свечину конечно же не могли не припомнить...

Свечин один из немногих понимал всю важность для достижения победы фактора осознания народом и армией того, ради чего они воюют и идут на жертвы. Характерен следующий эпизод. При проведении в феврале 1917 года смотра одного из полков Черноморской дивизии, которую Александр Андреевич возглавил, новый командир вдруг нарушил привычный порядок. К ужасу подчиненных офицеров вместо ознакомления с содержимым вещевых мешков и имуществом (что до боли знакомо многим военным и поныне) стал подходить к матросам и устроил своеобразную проверку, задавая непривычные вопросы: *«С кем мы воюем?», «За что воюем?», «Какие цели ставим себе?», «Какой интерес у русского крестьянства в этой войне?»* и т.д. Как вспоминал Свечин, ни одного, даже отдаленно вразумительного ответа получено не было. В то же время *«офицеры остолбенели и мямлили, что они этого со своими подчиненными не проходили».*

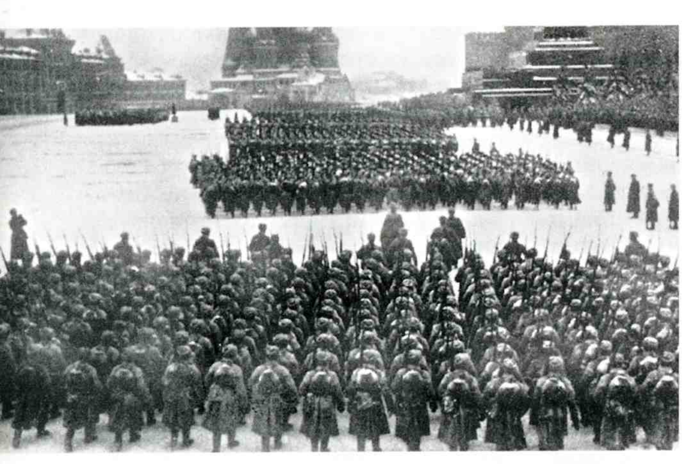
Следует в этой связи отметить, что раздел «Сообщения для печати» книги А. Свечина «Стратегия» до сих пор остается практически единственным примером в отечественной военной литературе, в котором обосновывается необходимость целенаправленной работы органов стратегического руководства с прессой и показаны соответствующие технологии. Кстати, Александр Андреевич, находясь в Ставке русских войск в Первую мировую войну, отвечал за этот участок работы.

Все же командование полком он считал своим настоящим призванием. На этой должности стал генерал-майором и несколько раз отказывался от повышения. Позже Свечин вспоминал: *«Отсутствие какого-либо стремления к дальнейшему повышению и наградам придавало мне большую независимость».*

Знание окопной жизни, всей ее подноготной, большой опыт работы в органах военного управления оперативного и стратегического уровня, любознательность, широкая эрудиция, основательное образование, владение многими иностранными языками позволяли Свечину охватить в целостном виде и осмыслить всю противоречивую картину войны.

ПРОГНОЗЫ СВЕЧИНА

Было бы абсолютно неправомерно оценивать Александра Свечина как исследователя, создающего труды отвлеченно-академического характера. И здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Как известно, продуктом прикладной исследовательской деятельности – в подлинном смысле этого слова – выступает прогноз, выверенное научное предвидение, представляющее в какой-то мере «заглядывание» в буду-

■ «На задаче защиты Москвы должны быть сосредоточены все силы, решительная партия должна быть сыграна здесь», считал А. Свечин

щее, а в конечном итоге – предложение определенного алгоритма действий. Порой результаты работы аналитика со стороны выглядят как нечто сакральное и удивительное, недоступное пониманию обычных людей, как данное свыше. Между тем все было бы слишком просто, если считать такие способности «приходящими свыше». Помимо соответствующей подготовки и незаурядных способностей, требуется еще и постоянный, порой изнуряющий труд, сбор и обработка информации, позволяющие выявлять связи и закономерности. Отечественная аналитика не раз демонстрировала способности филигранно работать с информацией, делать глубокие выводы, готовить верные прогнозы. Часто аналитика действительно представляет собой балансирование на грани неведомого. Очевидно, именно такую ситуацию и имел в виду отечественный мыслитель, соратник и старший товарищ Свечина Андрей Евгеньевич Снесарев, когда писал, что за пределами существующих знаний «может прозревать лишь гений». С полным правом эта характеристика может быть распространена как на самого Снесарева, так и на Свечина.

Выводы, прогнозы и рекомендации Свечина отличал прикладной характер. Весьма показательны его заключения относительно грядущей войны, которая ожидает Советский Союз, сформулированные в книге «Стратегия». В интересах достижения объективных результатов исследования мыслитель принял решение освободиться от ужесточавшихся идеологических клише и не сужать себе задачу, по его же словам, до «наброска красной советской стратегической доктрины». В 1926 году – когда еще совсем свежа была память о недавно завершившейся Гражданской войне, а до трагического 1941-го оставалось целых полтора десятилетия – Свечин формулирует ряд удивительно точных прогнозов относительно предстоящей войны. В частности, он пришел к следующим неприятным для многих выводам.

1. Война примет исключительно ожесточенный и затяжной характер, потребует напряжения всех сил страны. Собственно говоря, этот тезис явился исходной точкой для создания Свечиным концепции обороны страны и написания «Стратегии».

2. Высока вероятность временной утраты западных областей СССР. Противник же может оказаться на подступах к столице: *«На задаче защиты Москвы должны быть сосредоточены все силы, решительная партия должна быть сыграна здесь».* Свечин показывает возможность отступления в интересах достижения в конечном итоге победы. Примером гибкого подхода к обороне выступают следующие его рассуждения: *«Весьма вероятно, что в будущую войну мы не встретим такого резкого разделения – 15-дневного спокойного сбора войск по обе стороны границы, прерываемого лишь слабыми вторжениями конницы или изолированным нечаянным нападением, и затем резкого встречного движения миллионных масс. Второстепенные цели, выдвигаемые вперед стратегией измора, заставят, быть может, начать войну с ряда второстепенных операций; можно предвидеть ряд горячих стычек и возможность крупной операции, развивающейся из постепенно усиливающейся поддержки прикрытия. Однако на нашей западной границе далеко не всюду имеются достаточные географические ценности, наличность которых могла бы оправдать такую активность в период, предшествующий окончанию сосредоточения. Напротив, на многих участках местность по обе стороны границы так бедна, что, казалось бы, оправдывает и отступательный маневр частей прикрытия; продвижение на пару переходов во многих пунктах не дает ничего, кроме некоторых хлопот за свои сообщения».*

3. Ленинград вследствие своего географического положения, нахождения вблизи границы и сосредоточения в городе многих промышленных предприятий окажется в особо уязвимом положении. Поэтому Свечин, вспоминая Крымскую войну, именовал город «Севастополем будущей войны». Он, что называется, как в воду глядел: *«В настоящее время некоторые сомнения вызывает ленинградская промышленность. Царское правительство умудрилось сосредоточить в Петрограде много учреждений, не стесняясь тем, что оно вступало при этом в борьбу с природой. Ленинградская промышленность в 1925 г. представляла 14,6% всей промышленности СССР. В том числе в Ленинграде было сосредоточено: 56% резиновой промышленности, 48% — электротехнической, свыше 13% — металлической промышленности, главным образом, столь важная для мобилизации промышленности постройка двигателей дизель, станков, оборудования. ...Невыгоды стратегического положения Ленинграда еще усугубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья. В мирное время это удаление отражается лишь на повышении себестоимости ленинградской продукции, что отчасти компенсируется хорошим фабричным оборудованием, наличием традиций производства, квалифицированных рабочих и жилищной площади. Но в военное время придется считаться уже не только с накладными расходами, но с разрушающим транспорт длинным пробегом вагонов с сырьем, топливом и продовольствием, что представляет весьма нежелательное осложнение военной экономики».*

■ Как и предвидел А. Свечин, Ленинград оказался в особо уязвимом положении

Чтобы быть готовым к войне, Свечин предлагает не прятать, подобно страусу,

голову в песок, а приступить к реализации ряда неотложных упреждающих мер. Для этого требовалось перестроить планы обороны страны, решительно отказаться от «шапкозакидательских» настроений и готовиться к трудной, изнурительной борьбе, безотлагательно разворачивать промышленное производство на Урале и в восточных регионах страны, на удалении от западных рубежей. Теоретик писал: *«Важно добиться группировки всей военной промышленности и развития промышленных центров именно в хорошо защищенных своим географическим положением районах, притом по возможности ближе к источникам топлива и сырья»*.

Не составит большого труда заметить, что все это, как и многое другое, действительно пришлось осуществлять, однако не заблаговременно, а уже в ходе войны, ценой неисчислимых жертв и титанических усилий, под натиском врага.

Вряд ли в те годы, когда в Советском Союзе преобладало столь радужное мнение, что воевать Красной Армии предстоит на чужой территории «малой кровью и

Свечин предсказал Перл-Харбор – массированное применение японцами авиации

могучим ударом», при поддержке рабочего класса страны-противника, прогнозы Свечина могли встретить понимание политического и военного руководства. Несовпадение с официальной позицией дорого далось мыслителю: его взгляды были заклеймены как упаднические и паникерские. В 1931 году он был арестован, однако вскоре освобожден. В дальнейшем, находясь в распоряжении Разведуправления РККА, Свечин тщательно обосновал характер действий японской армии. По сути, он с высокой точностью предсказал Перл-Харбор, массированное применение японцами авиации.

Прогноз же его был таков: *«Внезапному началу войны японцы придают особое значение. Внезапность будет осуществлена воздушной морской дивизией, к которой присоединятся сухопутные авиационные силы. ...Флот, начавший войну 1904 года внезапным торпедным нападением на порт-артурскую эскадру, начнет и будущую войну, но посредством внезапного нападения с воздуха»*.

Некоторые труды Свечина середины 1930-х годов, посвященные анализу военного искусства японской армии, были запрещены к опубликованию в открытой печати. Командование Красной Армии испытывало вполне обоснованные опасения, что в Японии, ознакомившись с трудами Свечина, сумеют сделать полезные для себя выводы. 9 мая 1934 г. Ян Берзин так и доложил наркому обороны Ворошилову по поводу статьи «К вопросу об оперативной доктрине японской авиации»: «Поскольку статью написал именно Свечин, ее будут читать с особым вниманием за границей, и японцы критику и «советы» Свечина, без сомнения, учтут, благо они весьма тщательно изучают нашу военную литературу».

Нельзя не отметить, что на сегодня Свечин остается единственным отечественным военным теоретиком, чьи труды с момента их выхода известны за рубежом. Подводя итог своей творческой деятельности, мыслитель отмечал: *«С 1906 года я написал около 30 книг и свыше 600 журнальных и газетных статей по военному делу и считался как в старой, так и в Красной армии одним из наиболее авторитетных и интересных военных писателей. Мои книги до революции переводились на иностранные языки. Труды, написанные после революции, оживленно комментировались не только в русской, но и в мировой печати»*.

Уже в наши дни «Стратегия» вышла на английском языке в США в 1992 году, а «Клаузевиц» (с многоговорящим подзаголовком «Классическая биография из России») – на немецком в Германии в 1997 году. Кстати, Свечин одним из своих духовных менторов считал немецкого философа войны. Все же в определенной мере удручает то обстоятельство, что в России «Стратегия» небольшим тиражом переиздана на 11 лет позже, в то время как «Клаузевиц» с 1935 года не выходил вовсе.

Закономерен вопрос: читают ли и изучают ли за рубежом эти произведения? Как представляется, об этом можно судить, например, по диалогу, состоявшемуся у автора этих строк с профессором из Германии Беатрис Хойзер, специализирующейся на исследовании проблем безопасности и обороны и являющейся сотрудником Университета бундесвера. Фрау Хойзер, в частности, делилась своими творческими планами, связанными с исследованиями военно-стратегических взглядов в межвоенный период, при этом она высоко оценила точность прогнозов о характере будущей войны Михаила Тухачевского. На замечание, что большего внимания в этом отношении заслуживают труды Свечина, и в частности «Стратегия», профессор со знанием дела ответила: у них в библиотеке эта книга имеется и она ее читала.

Известно и то, что в процессе подготовки военных кадров в США предусмотрено использование трудов нашего соотечественника. Посетив, например, сайт американской военной академии в Вест-Пойнте, нетрудно убедиться, что «Стратегия» и «Клаузевиц» в библиотеке этого учебного заведения имеются. Многие ли военно-учебные заведения России могут похвастать наличием в своем библиотечном фонде вышедших на русском языке произведений Свечина? Ранее автору уже приходилось высказываться о неприемлемости ситуации, когда такие важные для формирования мировоззрения военного профессионала предметы, как военная история и история военного искусства, в наших военно-учебных заведениях и поныне изучаются по трудам Фридриха Энгельса, человека, который, мягко говоря, не испытывал симпатий к России. К сожалению, до сих пор соответствующие учебные программы не строятся на основе военно-исторических трудов Свечина и других достойных представителей отечественной военной мысли.

КОГДА ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Как показывает практика, человеку, специализирующемуся на исследовании политических вопросов обороны и безопасности и выдающему качественный интеллектуальный продукт, в России крайне трудно быть «пророком в своем Отечестве» в силу самых разных причин. Достаточно назвать лишь некоторые обстоятельства. В частности, очевидно, что почти неизбежный удел мыслителя-интеллектуала, а таким, безусловно, был Свечин, – оставаться вечно недовольным существующим положением. К тому же не каждому удается оставаться на позициях объективности и конструктивности. По мере подгона результатов под предъявленный заказ – чаще всего в интересах соответствия идеологическим установкам – аналитическая деятельность автоматически перестает выполнять свое предназначение. Помимо того, что ангажированность политической аналитики практически всегда ведет к утрате объективности в угоду заказу и предпочтениям, что, по сути, означает ее смерть, подобное вредно и даже

опасно для организации обороны и безопасности.

Для этого направления исследовательской деятельности свойственно и то, что на определенном этапе происходит персонификация выводов. Рано или поздно аналитика позволяет понять причины сложившегося состояния дел, показывает пути решения проблемы, а главное – прямо или косвенно говорит об ответственности за принятые решения. Иначе говоря, появляются ответы на извечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?», а это далеко не всегда приемлемо для лиц, ответственных за принятые решения...

Как представляется, жизненный путь и творчество Свечина, в судьбе которого в полной мере отразились практически все проблемные стороны отечественной политической аналитики, особенно показательны. Выводы, к которым он приходил, зачастую для многих были неприятны и нарушали покой и благодушие. Между тем размышления и оценки Свечина, подкрепленные «убийственными» аргументами, отличались убедительностью и логикой, при этом он не стеснялся на откровенные, порой уничтожающие и нелицеприятные характеристики.

Во многом столь резкая позиция способствовала тому, что власть, да и некоторые сослуживцы не жаловали Свечина. Еще до революции за одну из своих статей он был даже арестован по личному приказу императора, что, кстати, было единственным за многие годы случаем вмешательства царя в военно-литературное дело, и это тем не менее, по признанию самого Свечина, только добавило ему популярности как автору. Александр Андреевич хорошо знал себе цену и сопоставлял себя с коллегами, иногда весьма ловкими. Спустя многие годы после окончания Русско-японской войны Свечин с сожалением отмечал: *«С моей наблюдательностью, умением владеть пером, физической выносливостью, незаурядными знаниями, знакомством с особенностями Маньчжурии, с горной тактикой, я был отброшен на второй план».*

За критику действий Михаила Тухачевского в польской кампании 1920 года Свечин подвергся самой настоящей обструкции с его стороны. Александр Андреевич удостоился особой «чести»: после его первого ареста в Ленинграде состоялось специальное заседание военной секции Коммунистической академии. Оно было посвящено развенчанию взглядов Свечина, первую скрипку в нем и сыграл будущий маршал. Обсуждение, которое не может быть названо дискуссией, поскольку акценты были расставлены заранее, проходило заочно, а сам «виновник торжества» находился в тюремной камере. По итогам была выпущена специальная брошюра под названием «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-научных взглядов профессора Свечина» – массовым тиражом 10 тыс. экземпляров.

К регулярным выпадам в свой адрес «неудобный» мыслитель старался относиться спокойно, считая их инициированными «несколькими дурачками с партбилетами».

Понятно, что Александр Свечин обладал исключительно резким, жестким неуживчивым, независимым и конфликтным характером. Разумеется, все это вкупе со стремлением оставаться самостоятельным и независимым только увеличивало ряды его оппонентов и недоброжелателей. *«Несмотря на то, что мне скоро исполнится 59 лет, язык мой остается несдержанным и выкладывает все, за исключением, разумеется, доверенной мне военной тайны»,* – признавался он незадолго до ареста и расстрела.

Противоречивость и целостность его натуры, в которой удивительным образом совмещались талант мыслителя и сложность в общении, видели и современники. Так, комиссар академии, где работал Свечин, признавая его остроумие и талант, а также ценность для учебного заведения, давал ему следующую специфическую характеристику: «...парадоксальный по своей натуре, чрезвычайно ядовитый в общежитии, он не упускает случая подпустить шпильку по всякому поводу. Однако работает чрезвычайно плодотворно».

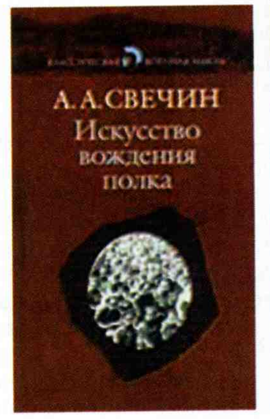
Не может не удивлять, что вплоть до последних дней жизни Свечин продолжал творить и качество его работы не снижалось. Что же им двигало? Ведь к тому времени маховик репрессий уже был раскручен, ряды его товарищей редели на глазах. Вряд ли у Александра Андреевича, человека трезвомыслящего, могли оставаться хоть какие-то иллюзии относительно того, какая судьба его ждет. Думается, черпать силы для творчества мог лишь в понимании того, что он работает на будущее страны, а его идеи и труды, безусловно, будут востребованы. И тем большего нашего уважения заслуживает научный подвиг мыслителя.

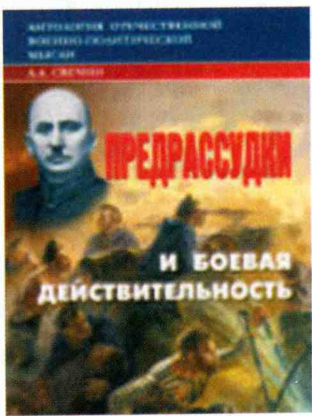
Сегодня мало кто из работающих в московском доме номер 34 на Софийской набережной знает, что здесь до ареста жил Свечин. Арестовали его второй раз и уже окончательно 30 декабря 1937 года. У него было изъято 1.780 книг, за которые жене выплатили компенсацию из расчета за каждую книгу в жестком переплете – 3 рубля, в мягком – 2...

В ходе следствия Александр Андреевич вел себя стойко, виновным себя не признал и никого не оговорил. 29 июля 1938 г. он был осужден по обвинению в участии в террористической организации и подготовке террористических групп и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 8 сентября 1956 г.

И все же нельзя не признать: Свечину с его бойцовским характером, несмотря на постоянное непонимание и противодействие, удавалось бороться с «интеллектуальной анархией», будить оборонное сознание нации. За семь десятилетий, прошедших с момента гибели мыслителя, неоднократно подтверждалась правота одного из основных его постулатов, состоящего в том, что Россия всегда находится в угрожаемой ситуации, у нее не бывает спокойных и безмятежных периодов. Этот факт должен быть осознан не только политической и военной элитой, но и всеми гражданами. В осмыслении же проблем обороны страны, в ее практической организации неизбежно предстоит стать на тот путь, который наметили Свечин, Снесарев и другие отечественные военные классики.

Труды военного классика востребованы и сегодня

ЯкБ и ГШГ – наследники ШКАСа

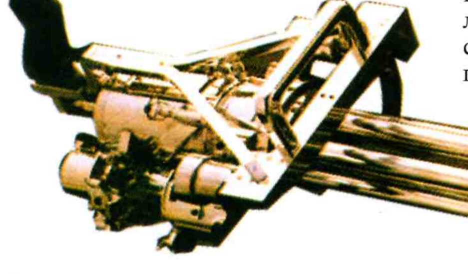

Илья ШАЙДУРОВ

(Окончание. Начало в № 11)

В то же время для стрельбы из ЯкБ можно было использовать патроны и классической конструкции. В боекомплект пулемета входил 12,7-мм патрон с бронебойно-зажигательной пулей БС (7-БЗ-1), предназначенный для борьбы с наземной бронетехникой, низколетящими воздушными целями и живой силой в средствах индивидуальной бронезащиты на больших дальностях стрельбы. По сравнению со штатными патронами крупнокалиберных пулеметов его пуля имела большую массу (56,6 г) и улучшенную баллистику. На дальности около 500 м она могла пробить 20-мм бронеплиту, установленную под углом 20 градусов. Применение других типов 12,7-мм патронов для ЯкБ не предусматривалось.

Приведенное описание «системы подвижного стрелкового вооружения вертолета» СПСВ-24, в которую входил пулемет ЯкБ, показывает, насколько сложна, трудна и комплексна была задача создания стрелкового вооружения вертолета Ми-24. В этой связи работа над пулеметом затянулась: хотя опытный образец был готов уже в 1969 году, официально он поступил на вооружение лишь восемь лет спустя. В ходе проектирования в его конструкцию было внесено столько изменений, что в конечном итоге пулемет радикально отличался от своего прототипа и представлял практически другое оружие. Неизменной осталась лишь принципиальная схема — многоствольное оружие с вращением блока стволов от газового двигателя.

Пулемет Minigun M-134

Впрочем, создание другого компонента вооружения Ми-24 — сверхзвуковой противотанковой ракеты «Штурм» также затянулось, и первый серийный вариант милевской «летающей БМП» Ми-24А получил уже существующий комплекс вооружения К-4В с вертолета Ми-4В, состоящий из ПТУР 9М17М «Фаланга-М» и встроенной одиночной носовой подвижной пулеметной установки НУВ-1 с 12,7-мм пулеметом А-12,7. Пулемет ЯкБ на подвижной пулеметной установке УСПУ-24 впервые появился в составе вооружения следующей версии Ми-24Б (1971 г.), оснащенном более совершенными ПТУР «Фаланга-П» с полуавтоматической системой наведения. Однако в серию Ми-24Б не пошел вследствие неудовлетворительной конструкции кабины типа «веранда». Было принято решение создать другой тип кабины, с тандемным расположением летчика и оператора. Такой вертолет с комплексом вооружения от Ми-24Б получил наименование Ми-24Д. К этому времени был уже готов противотанковый ракетный комплекс 9К113 «Штурм-В», и вариант с ним получил обозначение Ми-24В. Официально обе машины были приняты на вооружение в 1976 году, хотя выпуск «промежуточного варианта» Ми-24Д начался на три года раньше. Серийный выпуск пулеметов ЯкБ освоил Ковровский механический завод, специализировавшийся на производстве единого пулемета Калашникова, гранатомета РПГ-7, противотанковых и переносных зенитных ракетных комплексов.

В 1970-е годы ударные вертолеты стали все больше рассматриваться как противотанковое средство, и крупнокалиберный пулемет явно не годился для борьбы с бронетехникой. Поэтому на последующих версиях Ми-24 пулеметную установку заменили пушечным вооружением. Впрочем, в конце 1970-х годов стрелковое вооружение Ми-24 было решено еще усилить, приняв на вооружение подвесные пулеметные гондолы ГУВ-8700 (гондола универсальная вертолетная, индекс 9-А-669). Эти гондолы были разработаны в МКБ «Вымпел» под руководством Г.А. Соколовского и предназначались для подвески на пилонах вертолетов Ми-24 и Ми-8ТВ. В ГУВ-8700 монтировались один пулемет ЯкБ-12,7 с 750 патронами и два пулемета ГШГ-7,62 с боекомплектами по 1.800 патронов. Вертолет Ми-24 мог брать на борт одновременно два таких ГУВа, в этом случае суммарный темп стрельбы из встроенного и подвесного вооружения мог достигать астрономической

величины 37.000 выстрелов в минуту (более 600 пуль в секунду).

«Младший брат» пулемета Якушева–Борзова 7,62-мм пулемет ГШГ был разработан в Тульском КБП под руководством ведущего конструктора Е.В. Глаголева, согласно тому же постановлению, что и ЯкБ. Обозначение пулемета сложилось из начальных букв фамилий руководителей КБП В.А. Грязева и А.Г. Шипунова, а также ведущего конструктора проекта (Грязев–Шипунов–Глаголев). Впрочем, под таким обозначением он стал известен не так давно, ранее в технической литературе он чаще встречался под обозначением «изделие 9-А-662», или ТКБ-621. Поступил он на вооружение в 1979 году и вместе с ЯкБ выпускался на Ковровском механическом заводе.

В современной литературе можно найти лишь очень скудные сведения о пулемете ГШГ. Даже в последнем издании классического труда Д.Н. Болотина «История советского стрелкового оружия и патронов», лучшей, на взгляд автора, монографии об истории отечественного стрелкового вооружения, этому образцу уделено всего несколько строк. Однако это является абсолютно несправедливым. Принципиальная схема пулемета ГШГ с гибридной автоматикой не имела и не имеет до сих пор аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Известно, что все автоматическое оружие можно разделить на два вида систем: оружие, использующее энергию выстрела, и системы с приводом от внешнего источника (электромотор, гидро- или пневмопривод). Как указывалось выше, каждая схема имеет свои преимущества и свои недостатки. Внешнеприводное оружие проще по конструкции и надежнее, оно легче позволяет регулировать темп стрельбы и управлять перезарядкой оружия, однако из-за внешнего привода является громоздким и тяжелым. Системы же с использованием энергии выстрела не так безотказны и живучи, обладают чувствительностью к типу применяемых боеприпасов и требуют специальных устройств для перезаряжания при первом выстреле или при осечке. Создатели ГШГ нашли оригинальное решение, создав комбинированный двигатель автоматики, сочетающий преимущества обеих систем. Их пулемет представлял собой, как и ЯкБ, четырехствольное оружие схемы Гатлинга, в котором стволы объединены в единый вращающийся блок. Этот блок приводится в движение как при помощи мощного электромотора (через планетарную зубчатую передачу), так и с помощью энергии отводимых из ствола пороховых газов. Электрический двигатель приводит в движение механику оружия при производстве первых выстрелов очереди и помогает газоотводной системе осуществлять вращение блока стволов в случаях, когда энергии выстрела не хватает для нормальной работы автоматики. В нормальном режиме происходит расцепление электропривода с блоком стволов. Такая конструкция несколько напоминает устройство стартера автомобильного двигателя. Питание пулемета ленточное, из металлической ленты со звеном типа «краб». Для стрельбы используются обычные винтовочные патроны 7,62x54R мм с различными типами пуль.

■ **Универсальная вертолетная гондола ГУВ-8700 (9-А-669) устанавливается на вертолетах Ми-8ТВ, Ми-24**

Первоначально пулемет ГШГ применялся исключительно как подвесное вооружение в составе вертолетных универсальных гондол ГУВ-8700. Один такой контейнер с двумя 7,62-мм и одним 12,7-мм пулеметами в заряженном состоянии весил 452 кг, его длина составляла 3.000 мм, максимальный диаметр – 480 мм. Стрельбу из контейнера осуществлял пилот с помощью коллиматорного прицела АСП-17В. Позже пулемет ГШГ стали устанавливать в качестве встроенного вооружения на транспортно-ударном вертолете морской пехоты Ка-29. На нем ГШГ смонтирован на подвижной установке в правой носовой части фюзеляжа. Угол вертикального обстрела установки лежит в пределах от 0 до –31 градуса, углы горизонтального обстрела – 28 градусов влево и 30 градусов вправо. В походном положении пулемет закрывается специальным щитком-обтекателем. Огонь из него ведет штурман-оператор, используя прицел АСП-17ВК. Боекомплект пулемета, как и в ГУВе, – 1.800 патронов. Благодаря высокой живучести ствола (около 40.000 выстрелов) из ГШГ по сравнению с ЯкБ можно было вести более продолжительный огонь – максимальное число выстрелов в очереди достигало 1.000 выстрелов, однако после этого также требовалось длительное охлаждение оружия.

Начавшаяся в 1979 году война в Афганистане стала серьезным испытанием для русских «гатлингов». Вертолеты Ми-24 играли в ней особую роль, показав себя более эффективным средством воздушной поддержки войск, чем истребительно-бомбардировочная авиация. Они могли более длительное время оставаться над целью, чем сверхзвуковые машины, и последствия их ударов были более результативны. Пулемет ЯкБ позволял создать исключительно высокую плотность огня и заслужил прозвище – «металлорезка». То, что это неофициальное название он получил по праву, подтверждает неоднократно упоминавшийся в литературе один из примеров боевого применения Ми-24: в августе 1982 года под Кандагаром вертолет подполковника Александрова «разрезал» на части очередью из пулемета ЯкБ шедший во главе каравана автобус моджахедов.

Впрочем, опыт боевого применения пулемета показал, что он может результативно использоваться не только по наземным, но и по воздушным целям. С пулеметом ЯкБ связан уникальный случай в истории авиации, когда вертолет сумел сбить сверхзвуковой реактивный истребитель. Это произошло в ходе ирано-иракской войны, 27 октября 1982 года в ходе воздушного боя между иракским вертолетом Ми-24 и истребителем ВВС Ирана F-4 «Фантом-2» над населенным пунктом Эйн-Хош. Чтобы ошеломить пилота летящего встречным курсом вражеского истребителя, иракский летчик с дистанции 2.500 м дал залп неуправляемых ракет. Пилот «Фантома» растерялся, чем и воспользовались иракские вертолетчики, расстреляв истребитель огнем своего крупнокалиберного пулемета.

Афганская война выявила, однако, и ряд проблем в конструкции пулемета и пулеметной установки. Высокие температуры и запыленность воздуха приво-

дили к отказам оружия, которое само по себе было сконструировано для работы на предельных для автоматического оружия режимах. При расстреле примерно трети боекомплекта появлялись недопустимые температурные деформации ствола, нарушавшие работоспособность системы, падала кучность стрельбы. Была признана недостаточной живучесть ствола. Серьезные проблемы имела и носовая пулеметная установка УСПУ-24. Система электроподтяга ленты оказалась недостаточно надежной – пулеметная лента подавалась по тракту питания через множество перегибов, и поэтому в сложных условиях эксплуатации наблюдались отказы при подаче патронов. При большой величине настрела из пулемета происходило разрушение шторок пулеметной установки и крепления пулемета. В силу этих причин боекомплект пулемета сокращался и на задание Ми-24 вылетал с половинным боезапасом (750 патронов).

Однако не стоит все огрехи огульно списывать на счет разработчиков оружия. Ряд проблем создавали сами экипажи вертолетов, которые частенько, особенно в горячке боя, превышали предписанные технической документацией режимы стрельбы и не соблюдали достаточно жесткие требования по охлаждению оружия в полете. Определенную лепту в формирование легенды о якобы «исключительно низкой надежности» ЯкБ внесли и производители оружия. В воинские части поступали пулеметы, которые большей частью вообще не проходили проверку стрельбой на заводе. Благое стремление сэкономить производственные расходы и ресурс пулемета приводило к печальным последствиям – отказы и производственные дефекты в начальный период эксплуатации вооружения приходилось выявлять и устранять уже в войсках.

Тем не менее специалисты КБ не остались безучастными наблюдателями выявленных при эксплуатации ЯкБ проблем и приступили к модернизации пулемета с учетом выявленных недостатков. Был проведен ряд мероприятий по увеличению живучести, в частности, удалось увеличить ресурс оружия на 4.000 выстрелов. Длина непрерывной очереди возросла почти вдвое и достигла величины 750 выстрелов. Ее сделали равной величине сокращенного боекомплекта, таким образом была исключена возможность нарушения регламентированного режима стрельбы – некоторые вертолеты не имели ограничителя максимальной длины очереди. Превышение же ее могло иметь весьма плачевные последствия: падение кучности стрельбы, преждевременный износ канала ствола и самовоспламенение капсюля в разогретом патроннике, чреватое самопроизвольной стрельбой. Возрос также темп стрельбы пулемета с 4.000–4.500 до 4.500–5.000 выстрелов в минуту. Оружие, правда, потяжелело на 15 кг, однако это было неизбежной платой за обеспечение необходимого уровня надежности и живучести. Модернизированный пулемет получил обозначение ЯкБЮ-12,7 и был принят на вооружение в 1988 году. После этого особых нареканий по поводу его технического несовершенства не поступало – при грамотной эксплуатации и соблюдении нормативных требований оружие показывало себя безотказным.

■ **Подвижная установка УСПУ-24**

В отличие от ЯкБ пулемет ГШГ не имел претензий по низкой живучести и безотказности – сказалось применение оригинальной гибридной схемы автоматики с поддержкой электромотором, обеспечивающей работоспособность оружия в самых суровых условиях эксплуатации. Однако ГШГ оказался жертвой ошибочных взглядов на тактику применения авиационного оружия – контейнеры ГУВ-8700 с тремя пулеметными точками создавались под очевидным влиянием вьетнамской войны и преследовали цель создания отечественных аналогов американских «ганшипов» – транспортных вертолетов и самолетов, переоборудованных в качестве носителей стрелково-пушечного вооружения и предназначенных для так называемых «противоповстанческих действий». «Ганшипы» же были эффективны только в джунглях, против партизан с очень слабой ПВО. Напротив, в Афганистане применение «ганшипов» было абсолютно бесполезно – многочисленные 12,7-мм и 14,5-мм зенитные пулеметные установки, ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп» моджахедов не давали много времени и возможности повторных заходов на цель для эффективного применения ГУВов. Единственными пригодными целями для пулеметных контейнеров были караваны с оружием, однако для небольших караванов боезапас в 4.350 патронов был избыточным, а крупные караваны являлись большой редкостью. Кроме того, тяжелый 450-килограммовый ГУВ был обузой для Ми-24, «страдавшего избыточным весом». Пилоты вертолетов стремились любой ценой снизить полетный вес машины и отказывались от применения ГУВов, предпочитая более легкие гранатометные (ГУВ-1 с 30-мм автоматическим гранатометом АГ-17А), а позднее 23-мм пушечные контейнеры с легкой пушкой ГШ-23Л.

Тем не менее 7,62-мм скорострельный пулемет ГШГ нашел свое применение в качестве основного встроенного вооружения на вертолете Ка-29, поступившем на вооружение ВМФ СССР в 1987 году.

Впрочем, войсковые рационализаторы нашли весьма оригинальное применение пулеметным контейнерам ГУВ. В 1984 году в дивизии имени Дзержинского была создана подвесная подфюзеляжная установка «Беркут», использующая в качестве вооружения две пулеметные гондолы с пулеметами ГШГ и ЯкБ и имеющая круговой обстрел. Она предназначалась для Ми-8Т и служила для поражения малоразмерных наземных, воздушных и надводных целей (главным образом, при проведении спецопераций), а также для самообороны вертолетов от огня ПЗРК. Позднее были созданы варианты «Беркута» с 14,5-мм пулеметом КПВТ, его модификации с ракетно-пушечным и гранатометно-пулеметным оснащением. В 1990 году военный советник по внутренним войскам представительства МВД СССР в Афганистане полковник Н.И. Хорунжий провел уникальный эксперимент с наземным вариантом «Беркута». Огнем двух пулеметных ГУВов с четырехствольными пулеметами, смонтированными на башне танка, были сбиты в воздухе две зенитные ракеты, выпущенные из английского трофейного ПЗРК «Блоупайп». К сожалению, инициатива военных не нашла поддержки в Министерстве обороны и в 2001 году финансирование проекта «Беркут» было прекращено.

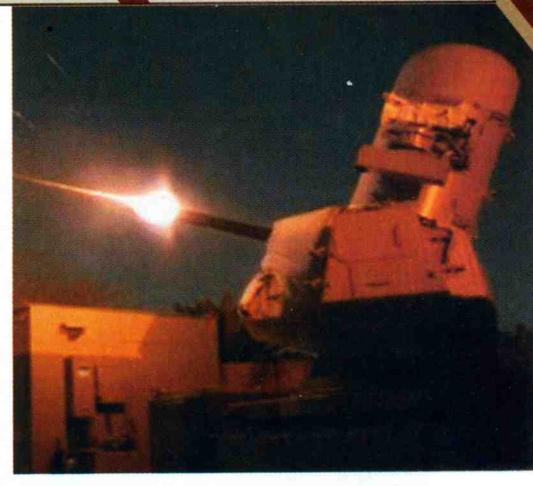
В отличие от многих других систем

стрелкового вооружения отечественным «гатлингам» калибра 7,62 и 12,7 мм российская оружейная пресса практически не уделяла никакого внимания. Здесь сыграло свою роль несколько обстоятельств: и господствовавшая до 1990-х годов чрезмерная секретность, и отсутствие мощной рекламной поддержки (в популярности американского «Минигана» далеко не последнюю роль играли голливудские боевики типа Predator или Terminator с эффектными сценами шквального огня из шестиствольного пулемета), однобокая критика, приведшая к формированию стереотипа: пулемет-де разрабатывался долго и вышел поэтому «так себе», был абсолютно ненадежным и постоянно «плевался», а потом и вовсе был заменен авиационными пушками. Дескать, что ж о нем писать-то?

Однако в данной статье автор хотел исправить некоторую несправедливость относительно русских «гатлингов». Ведь каким-то образом случилось, что Ми-24, большинство из которых было выпущено в пулеметном варианте, стал одним из наиболее заметных достижений отечественного вертолетостроения и завоевал признание во всем мире? Отечественные заводы построили 2.570 таких машин, которые стоят на вооружении более 30 стран и еще долгое время будут оставаться в строю! Хотя автор далек от мысли идеализировать данное оружие и представлять его эталоном, этаким «шедевром» оружейной мысли, лишенным всяких недостатков. Идеальной техники, как известно, не бывает. В то же время нельзя не принять во внимание следующие обстоятельства.

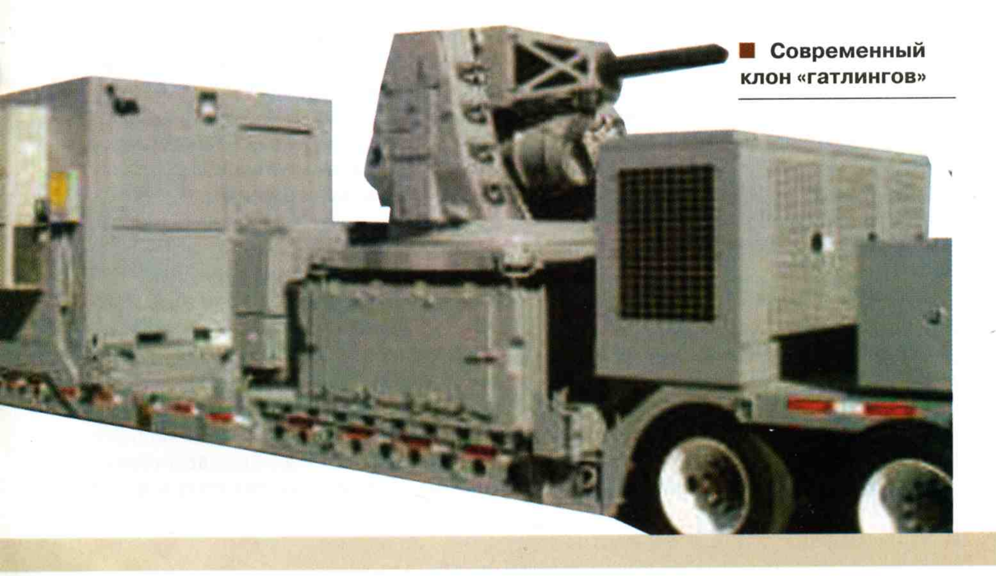
Во-первых, создание и принятие на вооружение многоствольного оружия с оригинальными, не имеющими ни отечественных, ни зарубежных аналогов, принципиальными схемами автоматического перезаряжания, использующими в качестве двигателя только энергию выстрела (ЯкБ) или гибридный привод (ГШГ), – несомненный успех российской оружейной мысли. Появление такого оружия – это продукт долгой и напряженной работы огромного коллектива конструкторов, технологов, техников, чертежников, рабочих опытных производств, испытателей, военных и ученых-исследователей.

Во-вторых, создание таких сложных и высокотехнологичных систем, как ЯкБ и ГШГ, стало возможным лишь благодаря новому подходу к проектированию оружия, согласно которому его разработка представляет не столько техническую, сколько научно-исследовательскую задачу. К 1960-м годам времена конструкторов-самоучек, которые в одиночку у верстака с напильником создавали оружие, безвозвратно прошли. Проектирование многоствольного высокотемпного оружия требовало абсолютно иной теоретической базы и без проведения многочисленных поисковых научных и опытно-конструкторских работ было практически неосуществимо. Сложная кинематическая схема оружия требовала, например, трудоемких вычислений характеристик движения звеньев с учетом их соударений, проектирование газоотводного двигателя и определение его рациональных параметров было бы невозможно без вычислительных экспериментов и компьютерного моделирования, целый комплекс проблем доставлял интенсивный разогрев оружия – весь спектр исследовательских задач перечислить в одной статье просто невозможно. Недаром главные создатели описываемого оружия являются обладателями ученых степеней, несмотря на то, что ранее ВАК крайне неохотно шел на их присуждение специалистам КБ и заводов (пример тому – автор автомата «Абакан» Г.Н. Никонов, которому первоначально было отказано в присвоении степени доктора наук).

Один из проектов программы C-RAM

И, наконец, начало второго тысячелетия ознаменовалось новым всплеском интереса к многоствольному оружию, основанному на принципе Гатлинга. Причина – международный терроризм, «чума XXI века». На Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане террористы доказали свою способность атаковать военные базы и гражданские объекты с помощью минометов, артиллерии и ракет. США и ряд европейских стран развернули целую программу под общим названием C-RAM (Counter Rockets Artillery and Mortar – борьба против ракетно-артиллерийских и минометных обстрелов). На сегодняшний день наиболее реальным путем ее реализации является применение для перехвата летящих в воздухе мин, ракет и снарядов скорострельных автоматических артустановок, получающих данные от радара и автоматически управляемых компьютером. Разумеется, артиллерийская часть установки для поражения столь малоразмерной и скоростной цели должна создавать высочайшую плотность огня, которая достижима лишь в образцах многоствольного стрелково-пушечного вооружения. Жизнеспособность идеи C-RAM американцы уже подтвердили на практике. По заявлениям представителей командования армии США, системой C-RAM (на базе корабельного зенитного комплекса «Phalanx» с 20-мм шестиствольной пушкой «Вулкан») в полете перехвачено 100 минометных мин, выпущенных иракскими боевиками. Еще одним из вариантов применения скорострельных систем Гатлинга в виде многоствольного пулемета является защита бронетехники, например от гранат РПГ. Так что отечественным «гатлингам» еще рано уходить в отставку. Кто знает, может быть, «правнуки» ШКАСа и «пулеметов шквального огня» найдут свое применение и для этой цели.

Современный клон «гатлингов»

Испытания под грифом «секретно»

Дмитрий ШИРЯЕВ

(Окончание. Начало в № 11)

СОВЕТЫ ВЫИГРАЛИ СОРЕВНОВАНИЕ НА ЛУЧШИЙ КОМПЛЕКС...

Прежде всего меня интересовала конструкция боевых частей, а их, судя по маркировке, мы получили два типа.

В общем, когда дело касалось изучения иностранной взрывчатой снасти, мое начальство предпочитало, чтобы разборка производилась на специализированном предприятии другого министерства. Но организация таких специфических (и небезопасных!) работ предварялась нудной перепиской и немалой потерей времени. С этим я уже имел «удовольствие» столкнуться, когда ранее пришлось заниматься с легкими зенитными ракетами – американской «Ред Ай» и английской «Блоупайп».

На этом предприятии разборка выполнялась в бронекабине одним человеком. А уж туда мое начальство «командировало» меня с легким сердцем. Каждое предполагаемое действие записывалось в специальном журнале. После этого за исследователем боевой части закрывалась мощная бронированная дверь...

А у меня было только одно желание, одна страсть – поскорее узнать, что же там, в боеголовках «Кобры», внутри?!

Они оказались неразборными: две главные детали – корпус со снаряжением и длинный конический головной обтекатель, изготовленные штамповкой из листового алюминиевого сплава. Соединены прочным клеем. Пока все...

На следующий же день после получения материальной части я и Юра Александров, еще недавно мой подопечный дипломник, прихватив нехитрый инструмент, удалились в укромное место, где просто-напросто разорвали боеголовку по месту склейки. Устройство повергло нас в изумление – боевая часть относительно невысокого кумулятивного действия одновременно являлась и мощной осколочной! Заряд ВВ представлял собой прессованную цилиндрическую шашку из смеси гексогена с алюминиевой пудрой. Передний торец этой шашки имел коническую выемку, где находилась кумулятивная воронка из красной меди. По боковой поверхности шашки были уложены четыре сегмента с осколочными элементами. Осколками двух из них являлись мелкие (диаметром 2 мм) шарики. Два других сегмента несли в себе бронебойно-зажигательные элементы в виде стальных цилиндриков, начиненных зажигательным составом.

Все это можно видеть на **фото 8**.

Боевая часть второго типа осколочных элементов не имела, их место занимали ВВ и кумулятивная воронка. Таким образом, эта БЧ была нацелена на большую бронепробиваемость.

Оригинальной особенностью «Кобры» было также устройство ее трассера. Если стреляя нашими «Шмелем» или «Малюткой», особенно в сумерках, не следует в первый момент смотреть в прицел – яркое пламя трассера слепит, то трассер «Кобры» первые пару секунд горит спокойным зеленым светом, лишь потом переходящим в яркий красный. Стартовала «Кобра» без какой-либо направляющей, прямо с земли – при срабатывании стартового двигателя подпрыгивала вверх-вперед и устремлялась к цели под действием маршевого двигателя вместе с транспортировочной рукояткой и подвешенным снизу отработавшим стартовым двигателем. Эти «архитектурные излишества» снижали дальность действия примерно на километр.

По сравнению с нашей «Малюткой» «Кобра» выглядела довольно убого. И справедливо было отмечено в одном из зарубежных источников, что Советы выиграли в соревновании на лучший комплекс первого поколения...

В ЛУЧШЕМ ПТУРСЕ БЫЛО МАЛО... ЛОГИКИ?

Следует заметить, что некоторые наши ведущие специалисты отнюдь не восторженно оценивали конструкцию «Малютки». При принятии на вооружение единственным ее конкурентом был тульский комплекс «Овод». Руководителями разработки «Овода» были И.Я. Стечкин и Н.Ф. Макаров.

В период завершения испытаний «Овода» я на том же полигоне проводил работы с «Малюткой», отрабатывая учебный парашютируемый ее вариант. Стечкин интересовался устройством этого снаряда и попросил меня ознакомить его с ним.

Стечкина я знал еще со студенческой скамьи и не раз пользовался

Фото 8

его консультациями при выполнении курсовых и дипломной работы. Я было сказал ему, что тут находится ведущий по «Малютке» от Коломенского КБ Эрих Георгиевич Цвингли, но Игорь Яковлевич (он был представителем другого, конкурирующего КБ) предпочел обратиться ко мне. Ознакомившись с комплексом ПТУРС «Малютка», он довольно быстро разубедил меня в моем восторженном мнении об этом снаряде. По его мнению, логики в конструкции «Малютки» немного, хотя она и признана лучшим ПТУРС первого поколения.

Во-первых, ее крыльевой отсек, выполненный из термореактивной пластмассы АГ-4, лишь внешне кажется технологически совершенным, на самом же деле он сложен и дорог в производстве. До самого завершения выпуска «Малюток» на ковровском заводе себестоимость ее пластмассового, внешне миниатюрного планера была выше сварного алюминиевого и вдобавок громоздкого планера «Шмеля». Мало того, производство планера и других деталей из АГ-4 было небезвредным для здоровья. Мне приходилось наблюдать у работниц, снимавших заусенцы с такой свежеотпрессованной продукции, на запястьях рук красные, похожие на экзему, пятна.

Во-вторых, считавшаяся тогда передовой и не имеющей аналогов идея перенести источник питания с борта ракеты на пульт управления, а электропитание передавать на борт по кабелю управления на самом деле была довольно бестолкова. Кабель пришлось сделать трехжильным, с медными жилами и синтетической несущей основой. Три километра этого кабеля весят 1,5 кг. Пульт управления с оптикой и аккумуляторной батареей питания компонуются во вьюк, вес которого как раз соответствует норме, положенной для транспортировки одним человеком. В данном случае это командир расчета.

При другом подходе источником бортового питания «Малютки» могла бы быть термобатарея весом не более 0,15 кг. Такая термобатарея активируется подачей на нее напряжения и в течение примерно полминуты способна питать бортовую аппаратуру.

В качестве кабеля управления мог бы служить двужильный кабель на синтетической несущей основе, имеющий вес не более 0,54 кг.

Если сэкономленные 0,81 кг перенести на боевую часть, то по мощности она бы соответствовала боевой части тяжелого возимого ПТУРС.

Одним из инженеров ЦНИИТочМаш был даже разработан метод управления ПТУРС по еще более легкому – одножильному кабелю. К сожалению, дальше кандидатской диссертации дело не пошло...

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО КАБЕЛЯ

На ПТУРС «Овод» термобатарея находилась на борту, управление осуществлялось по двум тонким (диаметром 0,12 мм) стальным проводам, намотанным на отдельные катушки. Для снижения электрического сопротивления стальная проволока покрывалась медью. Снаружи такой провод защищался лаком горячей сушки.

Пульт управления «Овода» укладывался во вьюк командира вместе с одним снарядом. Но там были свои недоработки, не позволившие «Оводу» выйти на первое место.

Аналогичное проводное управление было и у первого отечественного ПТУРС 3М6 «Шмель». У «Фагота» два таких провода склеивались вместе. Прозван этот кабель был «лапшой», но отрабатывался он с трудом по причине частых обрывов, даже на дозвуковых скоростях полета снаряда. В конце концов такой кабель был отработан, но наматывать «лапшу» на катушку проводной линии связи могли лишь намотчики высокой квалификации. Автоматизации же процесс намотки «лапши» не поддавался.

Недостатком отечественных ПТУРС с подобным кабелем управления, тех же «Фагота» и 9М113 комплекса «Конкурс», оказалось еще и то, что при стрельбе над морской водой из-за замыканий в кабеле снаряд управлялся лишь на части положенной максимальной дистанции. Это оказалось незамеченным при госиспытаниях снаряда, так как тогда стрельбы на полную дистанцию проводились над пресной водой большого озера. Там все было в порядке...

В результате выполнения специальной госбюджетной научно-исследовательской работы в ЦНИИТочМаш, в моем секторе, с привлечением ряда других отделов, были разработаны опытные кабели на синтетической несущей основе. Для таких работ создали уникальное стендовое оборудование, позволяющее имитировать такую скорость смотки в лабораторных условиях. В дальнейшем на основе этих наработок Тульским КБП при участии специалистов кабельного завода «Чувашкабель» был разработан так называемый «морской» кабель, стойкий в морской воде и по своему сечению пригодный для замены «лапши».

ЗАГАДОЧНЫЙ «МИЛАН»

Больше всего мне хотелось заполучить снаряды франко-западногерманской разработки «МИЛАН», и я всячески настаивал на этом среди наших поставщиков. Дело в том, что уже из изучения зарубежных открытых источников следовало – в комплексе «МИЛАН» (снаряде, аппаратуре наведения и пусковой установке) сосредоточены передовые немецкие конструкторские и технологические достижения. Чувствовалось, что кое-что ценное оттуда можно почерпнуть и для наших разработок.

Головным разработчиком и производителем снарядов «МИЛАН» является фирма «Мессершмитт–Бёлков–Блом». Название этого снаря-

да – «МИЛАН» – отнюдь не в честь известного итальянского города, это аббревиатура французского наименования «Легкая пехотная противотанковая ракета». По сути, «МИЛАН» – это аналог нашего снаряда «Фагот», поскольку вышел он годом позже, хотя разработка «МИЛАН» и была начата раньше.

В конце концов все образовалось в наилучшем виде. Мы получили и боеголовки, и пусковую установку с прибором наведения, и сами снаряды.

Для изучения и оценки технологических особенностей снаряда был привлечен Ижевский научно-исследовательский технологический институт. Несколько снарядов было отправлено в одну из отраслевых организаций, взявшейся провести стрельбы, но через несколько месяцев на мой вопрос по телефону о результатах их деятельности я получил ответ: «Мы вынуждены отказаться от этого мероприятия, да и тебе не советуем». Вдобавок возвращенные снаряды оказались извлеченными из пусковых контейнеров, и их проводные линии связи – оборванными.

Неожиданную поддержку в организации стрельб я получил от руководителя разработки оптико-электронных средств противодействия ПТУРС, весьма талантливой и энергичной женщины, кандидата технических наук, с необычными именем и отчеством – Яхи Яхьяевны Хаджиевой.

Мне она рассказывала, что дедушка ее был шейхом какого-то горного аула. Мы вместе с ней сдавали кандидатский экзамен на кафедре философии МВТУ. Ее философский реферат оказался настолько совершенным, что профессор, заведующий кафедрой, приглашал ее работать на его кафедре, суля ей хорошие перспективы. Но Яха предпочла инженерное поприще, на котором и преуспела. Ей было интересно проверить на «забугорных» снарядах эффективность действия приборов против помех, разработанных в ее лаборатории. Она обещала, используя свои связи, организовать полигонные стрельбы «МИЛАН», если нам удастся привести эти снаряды «в порядок» и заменить их боевые части на инертные.

ИСПЫТАНИЯ

Я сомневался, что руководство полигона допустит нас к стрельбам, ведь никаких паспортов на технику и документов о безопасности работ, а также инструкций по обращению с установкой и снарядами у нас не было и не могло быть. Но Яха Яхьяевна, которая ранее неоднократно там бывала со своими разработками и пользовалась немалым авторитетом у полигонного начальства, заверила меня, что сумеет договориться с руководством полигона.

Материальная часть, состоявшая из снарядов и пусковой установки, была подготовлена довольно быстро при добровольном и активном содействии специалистов – разработчиков систем наведения моего института.

На полигоне подмосковной воинской части, где Яха организовала стрельбы, явно не приспособленном для проведения стрельб ПТУРСами, мне предложили развернуть установку на небольшом бугорке, который пришлось очистить от остатков битой бутылки и подровнять саперной лопаткой. Стрелком был назначен подполковник, имевший опыт пусков отечественных снарядов «Фаланга» и «Фагот». Он сразу же обратил внимание на бесшумность приведения установки «МИЛАН» в боевое положение – наши треноги раскладываются с громким демаскирующим треском. Подполковник ранее не был знаком с этой установкой, но мой краткий инструктаж для него оказался вполне достаточным.

«МИЛАН» по курсу наводится подобно нашей «Фаланге» – вращением стойки с двумя рукоятками. Левая рукоятка снабжена кнопкой пуска, правая, горизонтально расположенная, вращается подобно мотоциклетной, регулирующей газ, только здесь при ее вращении происходит управление снарядом по тангажу. Инструктаж свелся к указанию, что перед выстрелом нужно угольник прицела навести на цель и после выстрела плавно, вращением рукоятки «газа», опустить на цель перекрестие прицела.

Из подъехавших к нам двух танков Т-72 вышли и предстали «на вытяжку» перед подполковником водители, которым тот указал, как расположить танки в качестве мишеней на дистанции 1.800 метров и когда включать постановщик помех. Затем подполковник бесцеремонно содрал с них шлемы, один из которых протянул мне – наушников ни у него, ни у меня не было.

Небольшая группа офицеров и Яха Яхьяевна расположились на НП справа-сзади от нас, примерно в пятидесяти метрах. Приборов регистрации траектории не было и в помине, фотоаппарата также ни у кого не имелось. Небольшое число офицеров и отсутствие высоких чинов из управления указывало на келейность испытаний.

Я расположился метрах в трех слева от стрелка, желая детально рассмотреть и запомнить весь процесс.

Звук старта был глухим, но достаточно сильным, и я не зря защитил уши шлемом. Дульного пламени заметно не было, небольшой огненный клубок с дымным облаком голубоватого цвета вырвался со стороны вышибного двигателя контейнера одновременно со сходом контейнера назад. Контейнер упал метрах в трех за установкой. Визуально начало работы двигателя можно было определить по реактивной струе, вырвавшейся из сопла после нескольких метров полета снаряда. Огонь трассера был хорошо виден на всем пути полета. Не долетев метров пятьсот до цели, снаряд плюхнулся на землю.

При обсуждении этого пуска один из офицеров, обращаясь ко мне, выразил сомнение в причинах падения снаряда – по его мнению, это могло быть результатом нашего некачественного ремонта. То, что это не так и «вина» в этом аппаратуры, поставившей помеху, было доказано

Фото 9

на следующем пуске – снаряд упал на той же дистанции.

«МИЛАН» и «Фагот» – это однотипные снаряды, их дальности действия и вес практически одинаковы, но конструктивно они совершенно различны. «Фагот» в пусковом контейнере герметичен и не боится никакой влаги. Поставляется он с завода в деревянном ящике. «МИЛАН» укладывается по четыре снаряда в герметичной упаковке из полимерных материалов (**фото 9**). Будучи из нее извлеченными и в положении на пусковой установке, они вряд ли будут работоспособны после хорошего ливня.

На **фото 10** видно, что габариты БЧ зарубежного снаряда «МИЛАН» ощутимо больше, чем у отечественного «Фагота». Крылья «Фагота» изготовлены из листовой нержавеющей стали, у его зарубежного аналога – из полупрозрачного пластика, наполненного стекловолокном. На **фото 11** показан чертеж, выполненный по результатам обмера снаряда «МИЛАН-2». От обычного «МИЛАН» он отличается только формой головной части БЧ, снабженной удлиненным носиком. Этот носик лишь несколько увеличивает бронепробиваемость. Имей он длину 800 мм, кумулятивная струя до соприкосновения с преградой успевала бы полностью сформироваться и углубиться в гомогенную стальную бронеплиту на 800 мм.

ПОЧЕМУ МЫ ОТСТАЕМ ОТ НЕМЦЕВ

Боевые части «МИЛАН» (**фото 12**) отличаются от всех известных тем, что детонатор (6), инициирующий кумулятивный заряд (3) из флегматизированного гексогена, размещается в донной части этого заряда (5), а не в отделяемом взрывателе. По данным немецкой специальной литературы, наилучшее и стабильное кумулятивное действие БЧ требует точного соосного размещения всех элементов заряда. При этом указывается, что допуск на несоосность детонатора должен быть в пределах 0,05 мм. Чтобы обеспечить эту точность, заготовка донной части заряда изготавливается литьем из смеси тротила и гексогена и окончательно формируется токарной обработкой. Торец заряда выполняется в виде небольшого конуса, на который приклеивается прессованная шашка детонатора (6). На такую технологию наши разработчики не идут, вот и уступаем мы немцам по качеству БЧ.

Непременным элементом кумулятивной БЧ является линза (4) из инертного материала. Она способствует более-менее равномерному подходу детонационной волны к поверхности кумулятивной воронки. У нас эта линза формуется из «пресс-порошка» и очень тяжелая. У немцев эта линза практически невесома, так как материалом ее является пористая резина. Разница в весе используется в заряде ВВ.

Немалый интерес вызывал взрыватель (точнее ПИМ – предохранительно-исполнительный механизм), размещенный в крышке двигателя (11). Конструкция этого взрывателя делает невозможной детонацию боеголовки при пожаре в боевом отсеке машины.

При деформации головного обтекателя и соприкосновении его с внутренним колпачком замыкается электрическая цепь, подрывающая капсюль электроискрового типа (12). Далее через промежуточный капсюль (19) инициируется детонатор. Промежуточный капсюль находится в перемещающемся движке и до старта выведен за пределы детонационной цепи. Пружина движка (17) должна переместить движок в положение, когда капсюль (19) расположится между детонатором и капсюлем (12), но этому препятствует стопор (8).

После воспламенения торца заряда (13) двигателя давлением пороховых газов, проходящих через канал (14), этот стопор освобождает движок, и его пружина (17) смещает его в положение, когда все три капсюля детонационной цепи становятся на одной линии.

При небольшом повышении температуры в боевом отсеке выплавляется легкоплавкая пробка, закрывающая канал, в котором перемещается стопор (8). При дальнейшем повышении температуры воспламеняется заряд двигателя, но из-за отсутствия пробки пороховые газы выходят наружу, не перемещая движка. От повышенной температуры кумулятивный заряд плавится и выгорает без детонации. Взрыв промежуточного капсюля происходит в стороне от детонатора и не приводит к детонации кумулятивного заряда.

ПИМ устанавливается в корпусе (10) двигателя из алюминиевого сплава и удерживается в нем разрезным кольцом (16). Обтюрация пороховых газов осуществляется резиновым кольцом (9).

Не меньший интерес представлял гироскоп. По весу и габаритам он в два раза меньше любого нашего аналога. Ротор этого гироскопа разгоняется газовой струей миниатюрного порохового аккумулятора давления. В результате изучения гироскопа одним из научных сотрудников ЦНИИТочМаш был создан опытный образец столь же малогабаритного гироскопа, но, к сожалению, он так и остался в разряде опытных.

Таким же миниатюрным был механизм рулевого привода, отклоняющего газовую струю маршевого двигателя.

Еще одним узлом удивил нас «МИЛАН» – это вышибная двигательная установка (**фото 11**), выбрасывающая снаряд из контейнера. И у нас, и у американцев корпус такой установки с крышкой на резьбовом

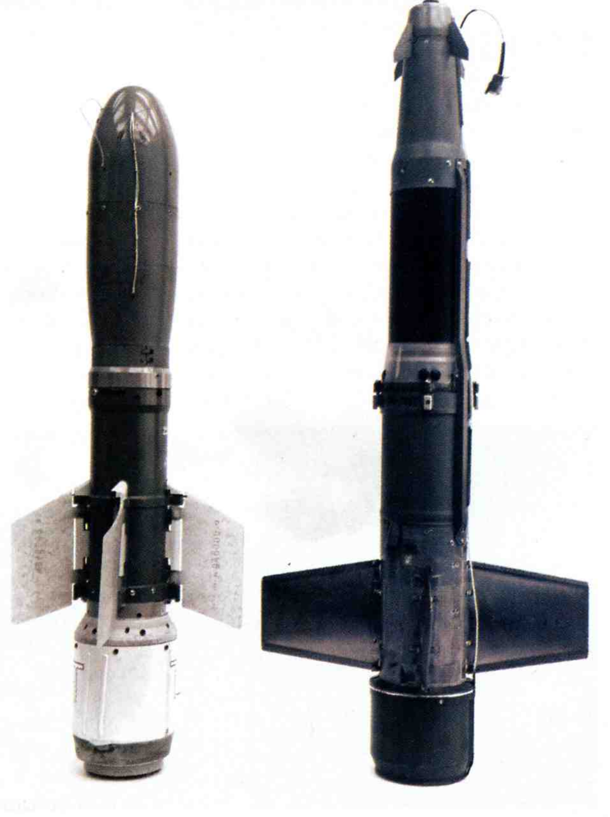

Фото 10

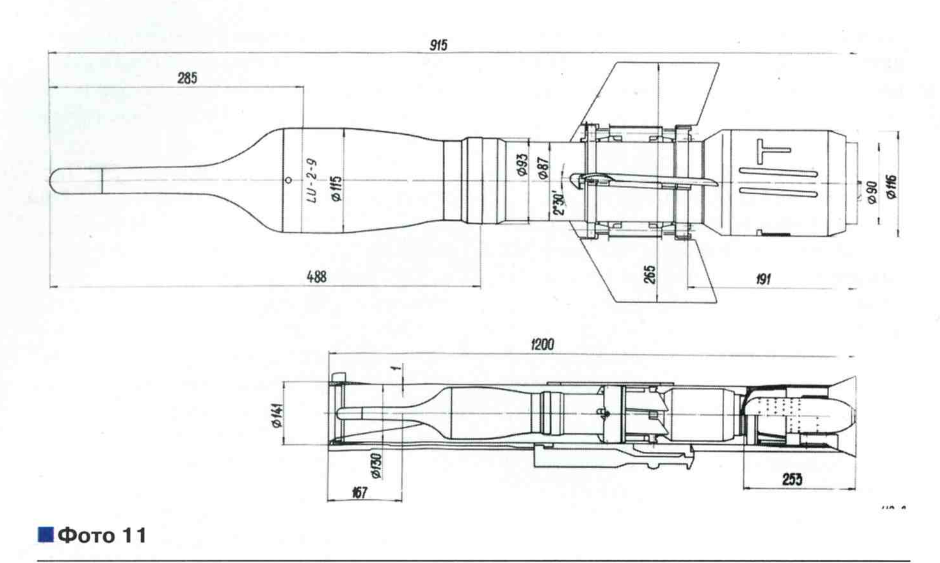

Фото 11

Фото 12

соединении изготавливаются из высокопрочной легированной стали с термообработкой на большую твердость. Головная боль производственников при этом состоит в том, что специальная (упорная) резьба на корпусе и крышке выполняется после их термообработки. При этом резца, изготавливаемого опытным слесарем-лекальщиком, хватает примерно на пять деталей. Немцы – великие технологи, обошлись при этом крайне нетрадиционным способом: сборку порохового вышибного заряда они попросту обмотали, подобно кокону шелкопряда, прочной полимерной нитью. Я не представляю, как наши производственники согласились бы на подобную технологию, наверняка посчитали бы ее сверхопасной...

На **фото 13**, заимствованном из Интернета, показан реальный пуск «МИЛАН-2». Мне представляется это монтажом, поскольку, находясь рядом, примерно там же, где на фото расположился коллега стрелка, я такого буйного пламени не заметил. Да и откуда оно возьмется, если снаряд выбрасывается поршнем, который остается в контейнере, закупоривая его дульную часть? На этом же фото виден сбрасываемый назад контейнер, благодаря чему никакой отдачи установка не воспринимает. В начальный момент схода назад контейнер имеет такую скорость, при которой он отлетел бы метров на 12–15. Но в ВДУ срабатывает тормозной заряд, и контейнер спокойно ложится метрах в трех за установкой.

ПОСТСКРИПТУМ

Сколь ни завидны некоторые зарубежные достижения в этой области, но конструктивно последние отечественные разработки, по крайней мере, не хуже. Примером могут служить разработки Тульского КБП, выполненные в период, когда руководил этим КБ академик А.Г. Шипунов. В этом КБ предпочтение отдается компоновке ПТУРС по схеме «утка», то есть рулевые органы располагаются в носовой части снаряда, впереди центра тяжести. В отличие от зарубежных снарядов, например того же «МИЛАН», здесь управляющая сила совпадает по направлению с подъемной, что увеличивает маневренность снаряда. Особенно удачным представляется изобретение туляков использовать для перекладки рулей силу набегающего потока и не тратить на это энергию бортового источника питания. И вообще, ранее нигде невиданным является создание туляками бесперископной, очень простой системы управления, реализованной на ПТУРС «Метис» и последующем развитии на «Метис-2».

Последний отличается особенно мощной БЧ. На этих снарядах система управления определяет угловое положение по трассеру, установленному на кончике одного из крыльев.

К сожалению, нашим недостатком является технологическая отсталость производства и неповоротливость при внедрении передовых достижений, как своих, так и замеченных нами на зарубежных образцах. Например, даже в центральном отраслевом институте высококлассный фрезеровщик, изготавливающий непростые детали опытных образцов оружия, меняет инструмент, оперируя тяжеленным ключом. Одно это отнимает у него за рабочую смену немало сил. Зарубежный подобный специалист эту же операцию выполняет одним лишь нажатием кнопки...

Фото 13

В этом году отечественная оружейная отрасль понесла невосполнимую утрату. 1 октября умер выдающийся конструктор стрелково-пушечного вооружения Василий Петрович Грязев, виднейший авторитет среди отечественных и зарубежных специалистов-оружейников.

В НИИ-61 (ныне ЦНИИТочМаш, г. Подольск) он прошел путь от инженера до главного конструктора по направлению. В 1966 году был переведен в Тульское конструкторское бюро приборостроения на должность заместителя начальника и главного конструктора предприятия. До последнего времени В.П. Грязев занимал должность главного конструктора по стрелково-пушечному вооружению.

В соавторстве с А.Г. Шипуновым он является создателем отечественной унифицированной системы стрелково-пушечного вооружения для различных видов вооруженных сил, системы легкого малогабаритного оружия специального назначения для МВД и Российской армии, а также образцов гражданского и охотничьего оружия. Он внес значительный вклад в повышение боевой эффективности автоматических пушек в составе комбинированных автоматизированных ракетно-пушечных комплексов вооружения.

В течение 55 лет научно-конструкторской и производственной деятельности в качестве главного конструктора В.П. Грязевым разработаны, сданы на вооружение и поставлены в серийное производство 39 образцов артиллерийского, гранатометного и стрелкового вооружения различных классов, построенных по различным схемам автоматики. Созданные им образцы оружия по своим характеристикам и функциональным возможностям значительно превосходят лучшие российские и зарубежные аналоги. Он награжден орденом Российской Федерации «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, орденом Ленина (1971 г., 1984 г.) и орденом Октябрьской Революции (1976 г.). Лауреат Государственных премий СССР и РФ 1968, 1976, 1998 и 1999 годов, лауреат премии Правительства РФ (2007 г.), премии им. С.И. Мосина 1966, 1975, 1981, 1986 годов. Почетный гражданин города Тулы и Тульской области.

ФЕНОМЕН КОНСТРУКТОРА ГРЯЗЕВА

Воспоминания о товарище

С Василием Петровичем Грязевым я познакомился в послевоенные годы, будучи студентом оружейно-пулеметного факультета Тульского механического института. Он учился на старшем курсе и уже проводил свое исследование, являлся именным стипендиатом (потом его именная стипендия перешла ко мне «по эстафете»). Но самым тесным образом свела нас судьба тогда, когда я был направлен в НИИ-61 для выполнения диплома и дальнейшей работы. Там меня определили в отдел номер 21, где работали в то время старшие инженеры Василий Грязев и Аркадий Шипунов. С тех пор этот тандем будущих великих оружейников станет неразлучным на всю жизнь. У них уже была почти закончена 30-мм авиационная пушка 235П (будущая НР-30, между собой ее называли «тридцаткой») под патрон пушки Александра Нудельмана и Арона Рихтера.

Здесь необходимо упомянуть в двух словах о предыстории появления пушки. В те времена в НИИ-61 проводились исследования, направленные на кардинальное повышение темпа стрельбы авиационных пушек. Самый первый образец высокоскорострельной (по замыслу) пушки под мощный 23-мм патрон пушки ВЯ был разработан Александром Скворцовым. Но пушка «смогла» стрелять лишь «двойками» и «тройками», да и то с низким темпом. (Скворцов был талантливым инженером, но ему недоставало научной базы). И в этот период в НИИ-61 прибыли свежеиспеченные инженеры тульского оружейно-пулеметного факультета Аркадий Шипунов и Иван Бабичев. Они-то и сумели разобраться, почему пушка Скворцова не может стрелять с расчетным темпом (2.000 выстрелов в минуту). Причина была в больших потерях энергии при соударении деталей.

Именно тогда Шипунову пришла в голову идея, позволившая в перспективе резко повысить темп стрельбы авиационных пушек. Она была высказана им Василию Грязеву, который с большим энтузиазмом воспринял ее и тут же начал материализовать применительно к 30-мм авиапушке.

На момент моего прихода в НИИ-61 «тридцатка», как я упоминал выше, была практически готова. А Грязева уже начала одолевать следующая идея. Задумал он пушку по такой же схеме, но под 23-мм патрон пушки ВЯ. Вот тут-то я и увидел феноменальный грязевский подход к проектированию – с его кульмана сразу же начали слетать рабочие чертежи пушки. На обороте чертежа каждой детали Грязевым лично расписывалась технология ее производства. Да, нужно было иметь действительно феноменальное пространственное воображение, чтобы держать в голове общую компоновку оружия!

Судя по чертежам, это был солидный шаг вперед по сравнению с «тридцаткой». Новая пушка получила индекс АО-7. Спроектировал ее Грязев, расчетную часть выполнил Шипунов. Мне

выпала честь помогать им. Работали мы втроем, самозабвенно засиживались допоздна, не чувствуя усталости. Через три месяца пушка была готова, но стрелять начала не сразу, пришлось повозиться. Это было в порядке вещей – крайне редко первый образец сразу начинает показывать ожидаемый результат. В конце концов АО-7 в первых числах апреля 1953 года «выдала» расчетный результат 2.300 выстрелов в минуту на двадцатипатронном куске ленты.

Это был мировой рекорд!

Из существовавших до этого авиапушек под аналогичный патрон можно назвать только пушку ВЯ (устанавливалась в крыльях прославленного штурмовика Ил-2). Она весила 66 кг и стреляла с темпом 600 выстрелов в минуту. АО-7 весила 56 кг и по темпу стрельбы практически заменяла четыре пушки ВЯ!

Таким был первый образец конструктора Грязева, лишь за три года перед этим получившего диплом инженера! Что и говорить – феномен. Подобным образом отличился лишь Игорь Яковлевич Стечкин, который через три года после защиты диплома поставил на вооружение не имеющий аналогов пистолет-автомат.

Пушка АО-7 была передана для доработки в Тульское КБ, где получила индекс ТКБ-513. Но на вооружение она не была принята. Причина банальна – ее создатели, 25-летние дебютанты, «имени» еще не имели и были конкурентами знаменитым Александру Эммануиловичу Нудельману и Арону Абрамовичу Рихтеру, внедрявшим свою револьверную пушку 261П под специальный 23-мм патрон для вооружения задней полусферы бомбардировщика Ту-22. Предпочтение было отдано именитым конструкторам...

Василий Петрович работал в НИИ-61 до апреля 1966 года, после чего был переведен в Тульское КБП на должность заместителя Шипунова, куда тот ранее был назначен начальником и главным конструктором. До этого времени Грязевым, кроме АО-7, были разработаны двуствольные авиационные пушки АО-9 под 23-мм патрон пушки НР-23, АО-10 под 30-мм патрон пушки НР-30, 30-мм зенитный автомат АО-17, 30-мм шестиствольная пушка АО-18, 23-мм шестиствольная пушка АО-19. Из стрелкового оружия им были созданы 7,62-мм единый пулемет АО-22 и самозарядная снайперская винтовка. Кроме этого, Грязев разработал аванпроект 57-мм автоматической корабельной пушки и боеприпас к ней.

К великому сожалению, существенный ущерб программам разработки автоматических пушек во второй половине 1950-х годов был нанесен решением высшего руководства, отдавшего предпочтение ракетной технике. Об автоматических пушках некоторые «деятели» отзывалась как о «пещерной технике». Итоги плачевны. Например, двуствольная пушка АО-9 в 1957 году с неплохим результатом прошла заводские испытания, но была принята на вооружение как ГШ-23 лишь в 1965 году. 30-мм шестиствольная пушка АО-18, практически отработанная к 1966 году, была принята на вооружение только в 1975 году как ГШ-6-30. В наше время по телевизору можно видеть, как ее корабельный вариант лихо расправляется с низколетящими противокорабельными ракетами...

Отмечая технические заслуги Грязева, хочу упомянуть и о его личных качествах. Характер у него был на удивление спокойный, уравновешенный. И независимый. Не раз я был свидетелем его докладов «сановным» особам – он держался перед ними столь же естественно, как и перед нами. Обладал колоссальной работоспособностью и мог часами просиживать за кульманом. В отличие от многих конструкторов, которые предпочитают работать келейно, Грязев никогда не таился и охотно объяснял интересующемуся, что он проектирует. Если кто-то высказывал дельный совет, Василий Петрович не гнушался его принять. Помню, при обсуждении на цеховой сборке последней неудачной стрельбы к нам подошел маститый оружейный слесарь Василий Васильевич Козлов. «Вот ты, Вася, на своей двуствольной пушке газ подводишь только к одной камере, а попробуй сделать «паровоз» – подводи газ из одного ствола на газовую камеру и из второго ствола». Грязев внимательно выслушал пожилого мастера и тут же ушел. На следующий день он показал Козлову чертеж: «Василий Васильевич, вы такой «паровоз» хотели?» После внедрения совета слесаря пушка стала стрелять лучше. Такого рода пример не единичен.

...Аркадий Шипунов, с которым они были неразлучны, недавно сказал мне: «Мы с Василием более полувека были, как братья, с той лишь разницей, что братья и подраться иногда могут, у нас ни малейшей размолвки никогда не было!»

Мне рассказывали, что Василий Петрович оставался работоспособным до последнего. За несколько дней до кончины еще мог подписать какие-то документы и отшутиться при этом: «Последний парад наступает...»

Без малейшего преувеличения, Василий Петрович Грязев – это, еще раз повторю, феномен. Ни один из известных отечественных и зарубежных конструкторов-оружейников не работал в таком широком диапазоне образцов. И его «последний парад» – это созвездие оружия, которое он создал.

Дмитрий Ширяев,
оружейный эксперт
журнала «Солдат удачи»

№ 1

Книга боевого опыта
Время и место выбирает диверсант
Сергей ИСАКОВ

Книга боевого опыта
Засада – это не приговор
А. ЛЕВЧЕНКО

Правда войны
«Эта рота в душе до сих пор…»
Александр ТЕСЛЕВ

В армиях СНГ
Неоцененные возможности «шайтан-трубы»
Илья ЛОБАНОВ

Только в «Солдате удачи»
Рядовой военной разведки
Михаил ЕФИМОВ

Океанские широты
Штурманы поколения «JPS»
Михаил САЖАЕВ

Ответный выстрел
Об «истинных хозяевах» Афгана…
Валерий БЕЛКИН

Глазами очевидца
Май 1978-го. Кабул
Михаил СЛИНКИН

Взгляд изнутри
Канадская территориальная…
Андрей МАРКИН

Техника для боя
«Тунгуска»
Игорь НИКОЛАЕВ

Арсенал
Всевидящее око
Владимир МОСАЛЁВ,
Вадим УШАКОВ

№ 2

Книга боевого опыта
Будь вы в тайге или в сельве
Дмитрий ДУБРОВСКИЙ

Книга боевого опыта
Трудно приобрести, легко потерять…
Роман КРАСНЯНСКИЙ

Служба глазами призывника
Встреча в горах
Евгений ПОПОВ

Правда войны
«Белая Шубка»
Наталья БУНЯЕВА

Только в «Солдате удачи»
Военный атташе Советского Союза
Михаил БОЛТУНОВ

Антитеррор
«Десант» на Байконур
Игорь ПЛУГАТАРЁВ

Ответный выстрел
«Лаптежники» люфтваффе
Ю. РУПИНСКИЙ

Тайные войны
Особенности интернационального долга
Сергей КОЛОМНИН

Взгляд изнутри
Канадская территориальная…
Андрей МАРКИН

Техника для боя
Непробиваемый «панцирь»
Игорь НИКОЛАЕВ

Спецподразделения армий мира
Спецназ Туманного Альбиона
Владимир МОСАЛЁВ,
Вадим УШАКОВ

№ 3

Книга боевого опыта
…И вновь об авианаводчиках
Андрей КИРИЛЛОВ,
Юрий ДУНАЕВ

Книга боевого опыта
Поправки при стрельбе из СВД с прицелом ПСО-1
Дмитрий ДУБРОВСКИЙ

Правда войны
Идет охота на войне, идет охота…
Рафаэль ФАЙЗУЛЛИН

Ответный выстрел
Рубеж безопасности. Каким он может быть?
Борис ЦЕХАНОВИЧ

Только в «Солдате удачи»
Военный атташе Советского Союза
Михаил БОЛТУНОВ

Живое оружие
Атакует «унисоб»: сопротивление бесполезно
Дмитрий ФАТИН

Это моя армия
В ваших строках бурлит жизнь…

Рукопашный бой
Зимняя драка
Константин ВОЮШИН

Оружие России
Цель для «Круга»
Игорь НИКОЛАЕВ

Экипировка и снаряжение
«Гром» в городе, или Городские ботинки для профи
Евгений РАССКАЗОВ

Спецназ ближнего зарубежья
Какими быть силам специальных операций Украины?
Николай ПОЛТАВЕЦ

№ 4

Книга боевого опыта
Чтобы атака не захлебнулась…
Андрей МАРКИН

Книга боевого опыта
«Не держаться Устава, яко слепой стены»
Александр КАРПОВИЧ,
Роман СПИРИН

Твои, Россия, сыновья
Это тебе не приснилось, мама…
Олег КОЛОМИЕЦ

Ответный выстрел
Профессионалы должны иметь самое современное вооружение
Дмитрий БАТ

Гордость Отечества
Спасти президента Макариоса
Михаил ЕФИМОВ

Это моя армия
Если взялись реформировать, то… реформируйте!
Роман КРАСНЯНСКИЙ

Живое оружие
Атакует «унисоб»: сопротивление бесполезно
Дмитрий ФАТИН

Сыны Отчизны на тайной войне
Ангола: как все начиналось
Сергей КОЛОМНИН

Уроки военной истории
«Чудо-оружие» третьего рейха
Сергей ИСАКОВ

Оружие России
Охота за «Кубом»
Игорь НИКОЛАЕВ

Спецподразделения армий мира
Французские коммандос
Владимир МОСАЛЁВ,
Вадим УШАКОВ

№ 5

Книга боевого опыта
Чтобы позвоночник не примерз к скале…
Алексей КОВАЛЕНКО

Книга боевого опыта
Мы – живы, а их больше нет! Уходим
Михаил ГУСЕВ

Твои, Россия, сыновья
Третий Герой в батальоне
Юрий МАЛЕКИН

Это моя армия
Шаги в тумане
Василий ХОРЕШКО

Гордость Отечества
Спасти президента Макариоса
Михаил ЕФИМОВ

Сыны Отчизны на тайной войне
Ангола: как все начиналось
Сергей КОЛОМНИН

Уроки военной истории
«Чудо-оружие» третьего рейха
Сергей ИСАКОВ

Ответный выстрел
Миф о немецкой армии «альпинистов»
Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

История великая и славная
«Немецкие мальчишки жевали русский хлеб и смеялись…»
Нина ПЕТРОВА,
Екатерина БОЛТУНОВА

Оружие России
«Стрела» летит в цель
Евгений КЛИМОВИЧ

Техника для боя
Системы обнаружения снайперов противника
Владимир МОСАЛЁВ,
Вадим УШАКОВ

№ 6

Книга боевого опыта
Подергали судьбу за вымя…
Юрий ВАСИЛЬЕВ

Книга боевого опыта
Из пушки по воробьям, или Вновь о рубеже безопасности
Андрей КИРИЛЛОВ

Это моя армия
Шаги в тумане
Василий ХОРЕШКО

Ответный выстрел
Офицеры подрабатывают грузчиками…

Гордость Отечества
Последняя спецоперация «Нормана»
Михаил БОЛТУНОВ

Твои, Россия, сыновья
Горячее лето 1987-го…
Евгений КОРЯКИН

Уроки военной истории
«Чудо-оружие» третьего рейха
Сергей ИСАКОВ

Сыны Отчизны на тайной войне
Учебный полк
Михаил СЛИНКИН

История великая и славная
Море любит сильных…

Магазины:

Москва:
- м. «Новогиреево», м. «Выхино», ул. Кетчерская, 16; тел.: (495) 375-70-70
- м. «Семеновская», Измайловское ш., 11; тел.: (495) 366-00-91
- м. «Свиблово», м. «Ботанический сад», ул.Снежная, 13; тел.: (499) 180-03-11
- м. «Пр-т Вернадского», пр-т Вернадского, 64А; тел.: (499) 133-51-08
- м. «Динамо», ул. Новая Башиловка, 3; тел.: (495) 612-55-23
- м. «Братиславская», ул. Перерва, 52; тел.: (495) 345-10-01
- м. «Улица Подбельского», Открытое ш., 17 корп.1; тел.: (499) 167-15-11
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18А; тел.: (495) 741-33-06

Санкт-Петербург:
- м. «Нарвская», Наб. Обводного канала, 156; тел.: (812) 325-36-45, 786-97-75
- м. «Лесная», Лесной пр-т, 69; тел.: (812) 324-63-30, 596-36-52
- м. «Елизаровская», пр-т Обуховской обороны, 97А; тел.: (812) 365-23-70
- м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 61; тел.: (812) 273-49-15
- пл. «Сортировочная», пр-т Славы, 52; тел.: (812) 453-03-82

Нижний Новгород:
- ул. Белинского, 49; тел.: (831) 278-34-66

Тверь:
- пр-т 50 лет Октября, 45; тел./факс: (4822) 44-87-38

Казань:
- ул. Московская, 17; тел.: (843) 291-80-01

Екатеринбург:
- ул. Малышева, 6; тел.: (343) 203-19-85

Ростов-на-Дону:
- ул. Варфоломеева, 89; тел.: (863) 290-79-62, факс: (863) 291-79-81

Калининград:
- ул. Пролетарская, 84; тел.: (4012) 53-09-58

Воронеж:
- Ленинский пр-т, 117; тел.: (4732) 44-68-31

Ярославль:
- ул.Свердлова, д.53; тел./факс: (4852) 74-60-41

ТЕРМОБЕЛЬЕ

POLARTEC

ACTIVE 865 руб.*

Белье ACTIVE предназначено для любителей активного отдыха, предполагающего высокие физические нагрузки и длительное пребывание на открытом воздухе.

расцветки: черный, хаки

POLARTEC

ARCTIC 950 руб.*

Очень теплое белье ARCTIC для настоящей русской зимы. Отлично согревает и отводит влагу.

расцветки: черный, синий, military, french roast, eucaliptus

CLASSIC 820 руб.*

Легкое и тонкое белье CLASSIC предназначено для тех, кто предпочитает относительно спокойный отдых на открытом воздухе. Оптимальное содержание хлопка придает ткани комфортные свойства.

расцветки: черный, woodland

* Цена указана за одну часть комлекта: брюки или фуфайку

Оптовый отдел Компании «Сплав»:

111402, Москва, ул. Кетчерская, д. 16
тел.: (495) 72-72-72-1
факс: (495) 918-72-03
электронная почта: splav@splav.ru

Рассылка продукции почтой по России:

тел.: (495) 918-65-11
электронная почта: post@splav.ru
www.splav.ru

Телефон для справок:
(495) 77-00-77-1

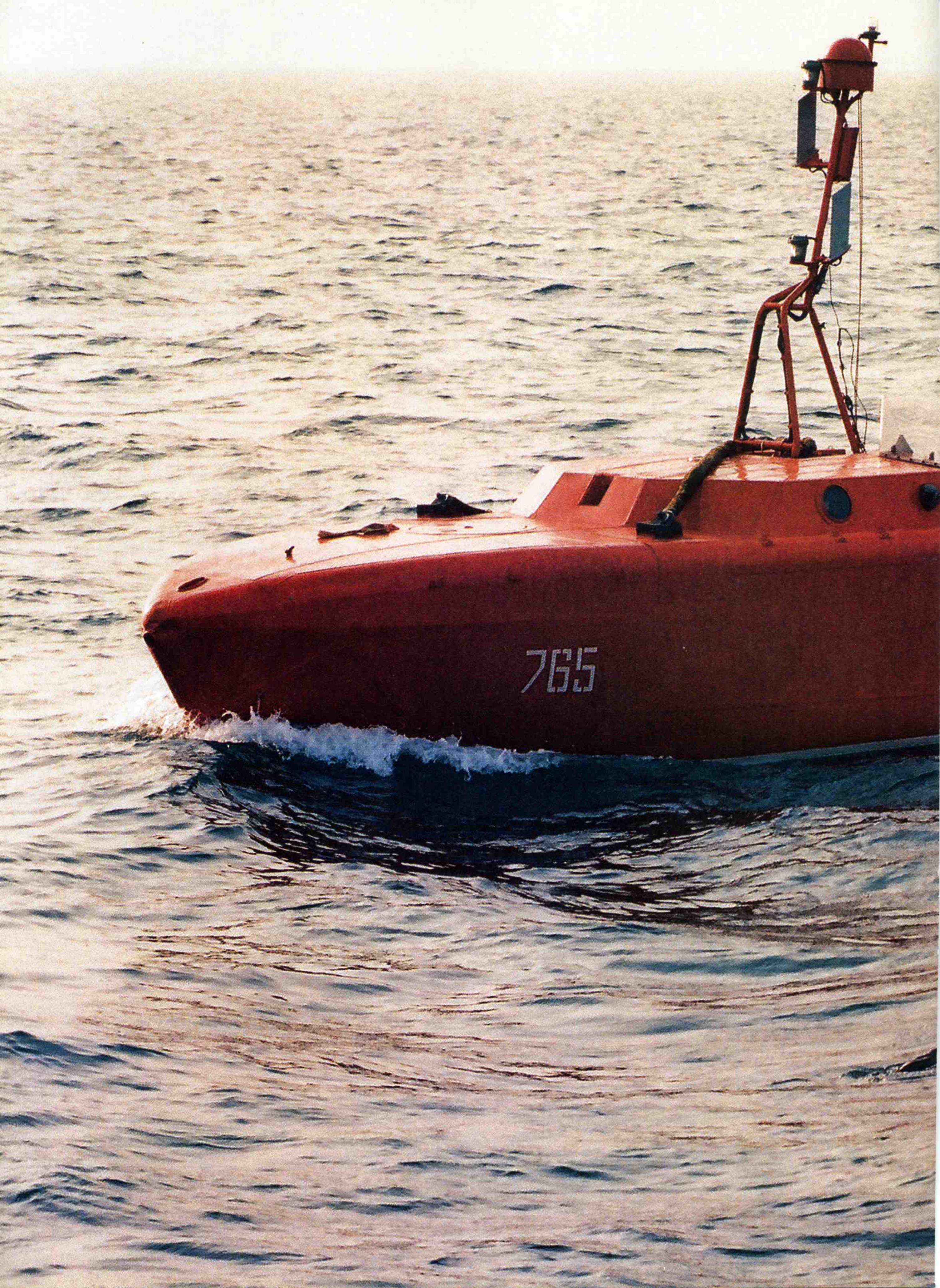

765

Фото Виталия Анькова